

Георгий Скрипкин

Жизненные откровения

Сборник рассказов

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 82-3
ББК 84-4
С45

Скрипкин Георгий
С45 **Жизненные откровения : Сборник рассказов / Георгий Скрипкин. — [б. м.] : Издательские решения, 2017. — 280 с. — ISBN 978-5-4483-7335-0**

В данный сборник рассказов входят произведения, написанные автором за последние десять лет, они подсказаны автору самой жизнью. В них нет ничего ирреального, только правда жизни, какой бы горькой она ни была. Автор воспринимает окружающий мир и судьбы его обитателей с большой долей сопереживания. Можно с уверенностью сказать, что читатель сможет найти в этом сборнике близкие ему темы. Но читать их нужно с открытой душой и добрым сердцем.

www.skripkin.ru

**УДК 82-3
ББК 84-4**

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4483-7335-0

© Георгий Скрипкин, 2017

ГАРАЖНЫЕ РАЗГОВОРЫ

ВОРОВАТЬ НАДО С УМОМ

Вечер в гаражном кооперативе, как всегда, завершался задушевным мужским разговором.

Главный травильщик анекдотов Тимоха Трепалов, по кличке Трепач, собрал вокруг себя с десятков мужиков, уже успевших поставить в автоконюшни своих железных рысаков.

Разговор так бы и закончился последним анекдотом, но тут майор в отставке Иван Чубатый задал мужской компании новую тему:

— Слыхали, мужики, как в Сибири один инкассатор несколько мешков с деньгами сп.. стибрил?

— Не несколько мешков, а только два, — уточнил отличавшийся особой пунктуальностью Андрей Тюлькин. Именно эта пунктуальность и сделала его начальником отдела снабжения одной представительной фирмы.

— Чего-чего, — переспросил глуховатый пенсионер Артем Палыч.

— Чего-чего, — передразнил его Тимоха, — докатились, говорю, уже мешками деньги стали воровать.

— Ни хрена себе, — оживился Артем Палыч, — куда только власти смотрят. Скоро всю страну разворуют.

— А ты, Палыч, не каркай, — вступил в разговор малый бизнесмен Эдуард Потехин.

— А я и не каркаю, — обиделся Палыч, — уж и так пол-страны повывезли черт те знает куда.

— Известно куда, — оживился Иван Чубатый, — вся Англия в наших деньгах купается.

— И Америка тоже, — поддержал его активный участник коммунистических митингов Всеволод Бычаркин.

— А чем это тебе Америка-то не нравится, — вступил в разговор вечный диссидент Пафнутий Мочалов, для которого Америка была эталоном не только демократии, но и житейского существования.

Кстати сказать, диссидентом Пафнутий был по совместительству, основной же его специальностью была журналистика. Работал он в одной местной газетенке, собравшей под свое крыло недовольных жизнью со всей округи.

— Ну, наш журналюга опять за Америку вступается, — воскликнул Тимоха, — уж не приплачивают ли они тебе из-за бугра?

Пафнутий немного смутился, а некоторым показалось, что даже покраснел. Потом он взял себя в руки и бодренько произнес:

— Так что это ты Иван про ограбление-то сказал?

— А то и сказал, — встрепенулся Иван, — что 250 миллионов спер у банка их же законный инкассатор.

— Сколько-сколько, — выпучив глаза, переспросил Всеволод Бычаркин.

Надо признаться, что «Новостей» по телевизору он не смотрел, радио не слушал, но партийную прессу читал взахлеб. И видать припозднилась эта пресса с таким вопиющим фактом грабежа.

— Двести пятьдесят миллионов, — повторил Иван.

— Зеленых, — переспросил Бычаркин.

— Нет, наших деревянных, — за Ивана ответил Эдуард Потехин. После этого уточнения Бычаркин удовлетворенно выдохнул, будто 250 миллионов деревянных не представляли для него особой ценности.

— Ну, украл, а дальше-то что, — спросил Тимоха.

— А дальше, зарыл он эти мешки в землю, и сам в лесу укрывлся, — сообщил Иван.

— Вот дурила, — возмутился Артем Палыч, — разве с деньгами так поступают.

— А ты бы как поступил, — спросил Андрей Тюлькин.

— Я-то, — переспросил Палыч, — я бы за бугор с ними свалил.

— Ты, Палыч в своем уме, или как, — покрутил возле виска Пафнутий, — во-первых, это тебе не зеленые, а во-вторых, с такими мешками за границу не выпустили бы.

— Тебя бы не выпустили, а Палыча запросто, — хихикнул Тимоха.

— А тебе бы только позубоскалить, — заступился за Палыча Всеволод.

— Пафнутий прав, — поддержал диссидента Иван, — такие мешки в карман не положишь.

— А зачем тогда воровать, — удивился Тюлькин.

— Вот и я тоже в сомнение впал, — поддержал Тюлькина Потехин, — если воруюшь, то знай, на что они тебе сгодятся.

— Ясно дело на что, — заявил Тимоха, — да на эти миллионы можно такой сабантуй устроить, что мама не горюй.

— Кто про что, а вшивый все про — начал было Иван, но Пафнутий его перебил:

— За бугром на эти деньги можно бы неплохо раскрутиться, а у нас и есть деньги, так развернуться не дадут.

— Ну и как бы ты за бугром на эти деньги раскрутился, — с нескрываемым любопытством спросил Палыч.

— Я то, — переспросил Пафнутий и, почесав затылок, продолжил, — я купил бы себе особняк на берегу моря, яхту, машину последней модели и женился бы на какой-нибудь миллионерше.

— Слыхали, куда наш правдолюбец миллионы хочет вложить, — обратился к слушателям Потехин.

— Вот я и говорю, что скоро все за бугор вывезут, — напомнил Палыч.

— Да не вывезут, — попытался успокоить Палыча Тюлькин, — сейчас нашему предпринимателю тоже дают развернуться. Вот и малому бизнесу начали помогать.

— Какое там помогать, — возмутился малый бизнесмен Потехин, — дождешься от них помощи. Только и делают, что в твой карман заглядывают, да препоны всякие ставят.

— Да уж тебе поставишь, — ехидно бросил Тюлькин, — ты сам кого угодно облапошишь.

— Кто, я, — еще больше возмутился Потехин, — это ваш брат снабженец норовит себя не обидеть.

— Ты снабженцев не трожь, — взъерепенился Тюлькин, — если бы не они, то и бизнеса-то никакого не было.

— Бизнеса бы не было, а дело бы было, — вставил свое замечание Тимоха.

— Да уж, делов наворотить мы умеем, — встрял в разговор Пафнутий, — вот и этот инкассаторишко деньги украл, а распорядиться ими, как следует, так и не сумел.

— И то верно, — поддержал Пафнутия Иван, — я, говорит, не знал, что в машине такие деньжищи.

— Дуриком прикидывается, — предположил Бычаркин, — ведь много не мало. Увидел, что денег много, так возьми, сколько переварить сможешь, а остальные оставь.

— Видать, жаден мужик, — предположил Палыч.

— Не то слово, — поддержал Палыча Тюлькин, — при виде таких деньжищ глазенки-то забегали, ручонки-то затряслись.

— Губенка-то раскатилась, — продолжил Пафнутий, — и обалдел мужик от привалившего счастья.

— Обалдеешь тут, когда мешки с деньгами перед глазами маячат, — произнес Иван.

— Я бы тоже обалдел, — сказал Тимоха.

— Конечно бы обалдел, — с ехидцей поддержал Тимоху Потехин, — у тебя в башке сразу стол, заставленный деликатесами да спиртным, замаячил бы.

— Не без этого, — согласился Тимоха, — такое дело не грех бы и обмыть.

И тут в гараже появилась дородная Тимохина жена.

— Это кто тут на обмылку намылился, — с грозой в голосе спросила жена.

— Да это так, к слову пришлось, — засуетившись, стал оправдываться Тимоха.

— Я тебе сейчас такое слово покажу, что век помнить будешь, — показав внушительный кулак, произнесла жена.

При виде кулака, мужики стали боком выходить из гаража. Крутой нрав Тимохиной жены они уже успели изучить.

Но не беда. Завтра эту тему они постараются продолжить.

КУРОРТНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ

В этот вечер гаражные собратья встретились в гараже малого бизнесмена Эдуарда Потехина. Хозяин гаража только что вернулся из жаркой и в прямом, и в переносном смысле Турции, и эта весть с невероятной скоростью облетела гаражный кооператив.

Бледнолицые собратья с нескрываемой завистью смотрели на пышущего загаром Эдуарда, изредка переключая свое внимание на бутылку с экзотическим напитком, стоявшую на столе.

Но Эдуард делал вид, что не замечает переключений внимания собратьев, и не спешил разливать напиток по стаканам.

О посадке в самолет он уже успел рассказать и хотел продолжить повествование о многочасовом перелете в Турцию, но Тимоха Трепалов безапелляционно перебил его:

— Эдуард, на кой черт слушать твои воздушные переживания, ты нам что-нибудь про Турцию выдай.

— Правильно Тимоха, — поддержал Трепалова Тюлькин, — мы все когда-то летали и знаем, как это волнительно. Ты нам про Турцию давай.

По решительному тону Тюлькина Эдуард понял, что слушатели излишне напряжены, и это напряжение пора снимать алкогольным омовением организмов.

Взяв в руки бутылку, Эдуард произнес:

— Господа-товарищи, сегодня я хочу угостить вас национальной турецкой водкой Раки, которая готовится из винограда. Для придания водке специфического вкуса в нее добавляется анис.

Сказав это, он разлил по стаканам грамм по 25 анисовой водки и попросил собравшихся прочувствовать весь аромат турецкого напитка. Собравшиеся втянули носами анисовый аромат, поморщились, а Всеволод Бычаркин сделал попытку отпить напитка из стакана.

— Всеволод, — остановил его Эдуард, — эту водку в Турции пьют разбавленной.

— А чего тут разбавлять-то, — возмутился Всеволод, — всего-то 45 градусов.

— Не гони лошадей, Всеволод, — поддержал Эдуарда майор в отставке Иван Чубатый, — разбавлять, так разбавлять.

Почувствовав поддержку, Эдуард взял со стола бутылку минеральной воды и разбавил водку 50 на 50. От этого разбавления водка немного побелела, и это насторожило собравшихся.

— А чего это с ней, — воскликнул глуховатый пенсионер Артем Палыч.

— Ну и серый ты, Палыч, — вступил в разговор диссидент Пафнутий Мочалов, — это побеление говорит о том, что данная водка только для белых.

— Вот ведь супостаты, и тут нас обошли, — не поняв подвоха, удивился Палыч, — разбавил водичкой и смотри для кого эта водка. Побелела — для белых, осталась бесцветной — для всей остальной братии.

За столом раздался дружный хохот, который прервал Эдуард:

— За такое побеление эту водку называют львиным молоком.

— Красивое название, — воскликнул начальник отдела снабжения Андрей Тюлькин.

— Красивое, красивое, давайте уж вздрогнем, — воскликнул нетерпеливый Тимоха и первым осушил содержимое своего стакана.

За ним одним бульком опустошили стаканы остальные участники данной дегустации.

И только Эдуард с укоризной посмотрел на собравшихся и изрек:

— Да разве так пьют этот божественный напиток. Чтобы как следует прочувствовать весь нектар, его в Турции пьют маленькими глотками.

— А они там и пить-то не умеют, — уверенно произнес Тимоха, — ну кто же водку разбавляет. У нас на работе даже спирт не все разбавляют.

— Нашел чем хвалиться, — с укоризной посмотрев на Тимоху, произнес Пафнутий, — поэтому турки так и не нажираются, как наши.

— А ты, Пафнутий, наших не трогай, — обиделся за соплеменников Чубатый, — да наши кому угодно фору дадут.

— Мы уже и так дали, — воскликнул Тюлькин, — никто больше нас в мире не пьет.

— А потому и не пьют, что боятся, как бы не окочуриться, — со знанием дела заявил Палыч.

— Ишь, какой храбрый нашелся, — усмехнулся Тюлькин.

— А ты не смейся, — обиделся Палыч, — нам в войну эти самые сто грамм храбрости прибавляли, и жизни помогали сберечь.

— А не выпить ли нам по этому поводу еще по одной, — предложил Пафнутий.

Эдуард хотел разлить остатки Раки по стаканам, но Чубатый остановил его и, достав из бокового кармана бутылку Столичной, предложил:

— Это пойло оставь на потом, а сейчас давайте выпьем нашенской.

Сидевшие за столом оживились и с благодарностью посмотрели на Ивана.

— Давай лучше нашенской, — раздался голоса.

Выпив Столичной, Палыч вытер рукавом рот и с блаженством произнес:

— Но это же совсем другое дело. Ишь, как она, родненькая, пожигает, прямо жить хочется.

— Да, про Турцию сегодня мы так и не услышим, — с сожалением произнес Бычаркин.

— На самом деле, давайте послушаем Эдуарда, — поддержал его Тюлькин и, обратившись к Эдуарду, — Эдуард, давай про Турцию.

— А можно я еще немного расскажу про полет, — спросил Эдуард.

— Валяй, только немного, — послышались голоса.

И Эдуард продолжил свой рассказ:

— Не успел самолет оторваться от земли, как некоторые пассажиры раскупили спиртное и приступили к массовому братанию. Вскоре возгласы «Ты меня уважаешь», «Я тебя уважаю», «Ты мой брателла», «И за что я в тебя такой влюбленный» сменились раздражительными «Да пошел ты», «Ах, ты козел», «Ты на кого прешь, сучара». А потом началось выяснение отношений с применением силы. Представляете, на высоте десять тысяч метров то там, то тут возникают конфликты, перерастающие в потасовки. Слава богу, что их удалось вовремя остановить.

В общем, приземлились мы в Анталии поздно вечером, и первыми на борт самолета вошли полицейские. Они повязали наиболее агрессивных и вывели их из самолета.

— А куда они их повели, — спросил Палыч.

— Как куда, в полицейский участок, — ответил Эдуард, — сами понимаете, что отдых для них на этом и закончился.

— Жалко мужиков, — произнес Тимоха.

— Там не только мужики были, — сказал Эдуард, — одну бабу полицаи тоже забрали.

— Ну и дела, — воскликнул Бычаркин, — международный конфликт получается.

— Да какой международный конфликт, — возразил всезнающий Пафнутий, — некоторых наших земляков постоянно выгружают из самолетов и отправляют обратно.

— Скажешь тоже, выгружают, что они груз какой, что ли, — обиделся за земляков Чубатый.

— Многие из них лыка не вяжут и их, действительно, приходится выгружать, — ответил Пафнутий.

— Да, с нашего самолета двоих тоже пришлось выволачивать, — подтвердил Эдуард, — в общем, около часа мы не могли выйти из самолета. В свой отель я попал только в два часа ночи.

Эдуард хотел продолжить свой рассказ, но Тимоха его остановил:

— Мужики, не гоже оставлять своих земляков в беде. Уж если мы им помочь сейчас не можем, то давайте, хотя бы, выпьем за них.

Собравшиеся дружно поддержали Тимохино предложение и так же дружно опорожнили наполовину налитые стаканы.

— Теперь продолжай, — занюхав выпитое коркой хлеба, разрешил Тимоха.

И Эдуард продолжил:

— Утром я спустился в столовую, где оторвался от души. Одних только закусок штук двадцать, а десертов и того больше.

— Неужели можно брать сколько угодно, — спросил Тюлькин.

— Конечно, что хочешь, то и бери, — ответил Эдуард, — да и выпить на халяву можно с самого утра.

— Это как это так выпить, — удивился Палыч.

— А так и выпить, — подтвердил Эдуард, стоят себе два бочонка с вином. Один с белым, другой с красным. Подошел с бокалом, открыл крантик и пей на здоровье.

— Неужели сколько хочешь, столько и пей, — в свою очередь удивился Тимоха.

— Да никто тебе даже слова не скажет, — подтвердил Эдуард, — а потом закусывай всякими восточными сладостями или фруктами.

— Неужели и фрукты дают, — проглотив слюну, переспросил Чубатый.

— Да сколько хочешь, — ответил Эдуард, — тут тебе и арбузы, и дыни, и В общем, всего и не перескажешь.

— Вот это лафа, — воскликнул Тимоха, — пей в три горла и ешь в три пуза. Прямо не жизнь, а малина.

— Не верится мне что-то, не лихо ли ты заливаешь, — засомневался Палыч.

— Ничего он не заливает, — вступил в обсуждение Пафнутий, — я тоже могу подтвердить, что в Турции так все и есть.

— Из тебя Пафнутий такой же подтвердитель, как из барана лектор, — с сомнением произнес Палыч, — у тебя, что за бугром — то хорошо, а что у нас — то плохо.

— Поверь, Палыч, в этот раз Пафнутий не врет, — высказал свое мнение Бычаркин, — мой кум недавно тоже был в Турции. Так вот, наелся и напился он там от души.

Палыч в задумчивости почесал затылок, но ничего не сказал.

— Значит, со жратвой и питьем там все нормуль, — заключил Тимоха.

— Это еще не все, — продолжил Эдуард, — возле бассейна расположен бар, в котором можно пить местные алкогольные напитки с десяти утра до одиннадцати вечера.

— И все на халяву, — спросил Чубатый.

— И все на халяву, — подтвердил Эдуард.

Такая новость совсем подкосила Тимохин разум и, давась слюной, он спросил:

— А как же ты оттуда уехать-то смог?

Эдуард ненадолго задумался, так как Тимохин вопрос мог ввести в задумчивость любого трезвомыслящего человека.

После минутной паузы Эдуард произнес:

— А ты думаешь, что я там все время в отрубе находился?

— Ну не в отрубе, конечно, а под хорошим шафе, — ответил Тимоха.

— Даже под хорошим шафе мне там быть не хотелось, — твердо заявил Эдуард, — да разве будешь напиваться, когда вокруг тебя полуголые красотки томятся.

— Это как это томятся, — проявил интерес Бычаркин.

— А так и томятся, что лежат себе под солнцем, да на мужиков пялятся, — ответил Эдуард, — а еще подворачивают для обзора свои выпирающие прелести.

— Да, устоять тут непросто, — вздохнул Палыч.

— Но отказываться от интима тоже не резон, — заявил Тюлькин, — обозрел объект и вперед.

— Да кто бы спорил, — поддержал его Чубатый, — Эдуард — парень не промах, с женщинами обращаться умеет. Верно, Эдуард?

— Отпираться не буду, красивых женщин ценю и не пропускаю, — выпятив грудь, заявил Эдуард.

— А вот тут поподробней, — предложил Тимоха.

— Вечером на дискотеке познакомился я с одной чернявенькой. Глазищи — во, грудь — во, — показал слушателям Эдуард, — сбежали мы с ней на пляж, а там шелест волн и прощупали друг друга по полной программе.

— Что, так сразу и дала, — удивился взбодрившийся Палыч.

— Ну почему сразу, немного покочевряжилась, а потом и разомлела под моими ласками, — сообщил Эдуард.

— Да, повезло тебе, паря, — не то с поощрением, не то с завистью выдохнул Палыч.

Вздохнешь тут, если из памяти Палыча напрочь вылетел момент, когда он последний раз лазил на свою любезную Анну Спиридоновну.

— Ну, а дальше что, — поторопил Эдуарда Тюлькин.

— А на следующий день при свете она мне разонравилась, и я нацелился на другую, — продолжил Эдуард, — та была голубоглазой блондинкой, ноги от ушей, талия как у осы, а губки. Мужики, не губки, а алые бантики под греческим носом.

При этом мужики, не сговариваясь, начали давиться обильным слюновыделением, но уши свои навестили еще больше.

— С ней мне пришлось повозиться несколько дней, — продолжил Эдуард, — и все эти турки. Они толпами ходили за блондинкой, напевая ей в уши свои слащавые признания.

— Да, — поддержал Эдуарда Тюлькин, — мне тоже пришлось с турками из-за женщины бодаться.

— Ничего себе тихарила, — воскликнул Чубатый, — что-то раньше ты нам не рассказывал о своих подвигах.

— Да, просто, случая не представлялось, — взбодрившись, сказал Тюлькин, — а турки до наших женщин, ой как, охочи.

— До наших женщин все охочи, — поддержал его Бычаркин, — нигде в мире таких красавиц не найдешь.

— В других странах женщины тоже ничего, — возразил ему Пафнутий.

И тут на Пафнутия озлобились все мужики.

— Заткнись, Пафнутий, — заорали одни.

— Ну и езжай в другие страны, — посоветовали другие.

Пафнутий впервые в жизни пожалел о том, что неосмотрительно вступил в дискуссию.

Выручило его появление Тимохиной жены.

— Опять баб обсуждаете, — воскликнула она, перекрыв своим дородным телом гаражную дверь.

Возникла минутная пауза, после которой Эдуард, по праву хозяина, предложил:

— Анфиса, милости просим за наш сервированный стол.
— Спасибо, но нет времени с вами тут расслаиваться, — сбавив тон, произнесла Анфиса.

— Радость моя, — заворковал Тимоха, — а ты все же присядь, да попробуй заморской водочки. Она, говорят, для женщин очень даже полезная.

Информация о заморской водочке заинтересовала Анфису и она согласилась:

— Ну, разве только на минутку.

Ее усадили за накрытый стол и придвинули стакан с турецкой водкой.

Анфиса взяла стакан, понюхала его содержимое и произнесла:

— Самая настоящая анисовка. Мой отец любил анисовку делать.

Сказав это, она отпила два глотка, скривилась и отметила:

— Нет, у отца лучше получалось.

Мужики переглянулись и стали собираться по домам.

За хорошее обращение Анфиса разрешила им выпить на посолок.

Вот ведь какие русские бабы. Не только красивые, но и душевные.

Найди только к ним подход соответствующий, да словом ласковым не скупись.

В МЕТРО ЕЗДИТЬ ТОЖЕ НЕПЛОХО

Поздним осенним вечером друзья-товарищи собрались в гараже у Ивана Чубатого. Не то, чтобы он сам их позвал. Просто проходившие мимо его гаража малый бизнесмен Эдуард Потехин и вечный диссидент Пафнутий Мочалов слышали какие-то странные звуки, и звуки эти напоминали страстные стелания при половом акте. Переглянувшись, они заглянули в Иванов гараж и увидели Ивана, который сидел

в потрепанном кресле и вертел в руках какую-то игрушку. Именно эта игрушка и была источником страстных стenanний.

— Привет, Иван, — одновременно приветствовали они соседа по гаражам.

— Здоровеньки булы, — ответил Чубатый, пряча игрушку.

— А что это ты там прячешь, Чубатый? — спросил его Эдуард.

— Да так, — смутился Иван, — забавную игрушку мне подарили. Она так охает, да ахает, что самому хочется. — А ну-ка включи ее еще раз, — предложил Пафнутий.

Иван включил игрушку, и страстные стenanания вновь возобновились.

На эти стenanания, как мухи на мед, пожаловали активный участник коммунистических митингов Всеволод Бычаркин и начальник отдела снабжения Андрей Тюлькин.

Как истинный снабженец, Андрей Тюлькин держал в руках бутылку водки и банку свежезасоленных огурцов.

Увидев бутылку, Иван оживился и предложил:

— Громодяне, а ни обмыть ли нам игрушку?

— Конечно, обмыть, — поддержал его Пафнутий.

— Я, вообще-то, бутылку с огурцами домой несу, — сообщил Тюлькин.

— Где это видано, чтобы настоящий мужик с гаража с бутылкой водки возвращался? — возмутился Эдуард. Говоря это, он особое ударение сделал на слове «настоящий».

Его тут же поддержал Всеволод Бычаркин:

— Настоящий мужик с бутылкой из гаража не возвращается. Нет, пустую бутылку он, конечно, может забрать домой, но чтобы целую

В общем, уговорили мужики смутившегося Тюлькина, быстро организовали столик и, разлив по соточке, выпили за Иванову игрушку.

За столом раздалось дружное хрумканье солеными огурчиками.

Доев свой огурец, Андрей попросил:

— Иван, а дай-ка еще раз послушать твою игрушку.

Ну как не угодишь человеку, который душу твою согрел, да еще и закусон обеспечил.

В гараже опять раздались страстные стоны и неразборчивые причитания. Слушая стоны, мужики перемигивались, закатывали глаза, а некоторые из них пытались даже игрушке подвывать. — А что это за коллективный секс? — раздался подвыпивший голос.

Это в гараж ввалился главный травильщик анекдотов Тимоха Трепалов. Мужики посмотрели на раскрасневшегося Тимоху, а Эдуард произнес:

— Присоединяйся и ты. А если поставишь бутылку, то первым будешь.

— Бутылку поставлю, но первым не буду, — сказал Тимоха, вытаскивая из-за пазухи бутылку беленькой, — квануть — это я могу, а изменять супружнице — ни-ни.

— Что, неужели ни разу не изменял ей? — спросил Всеволод.

— Было дело, но так давно, что и не упомяну, — ответил Тимоха.

— Вот за это давайте и выпьем, — предложил Пафнутий.

— За что, за это? — переспросил Иван.

— А за то, что наш Тимоха верность блюдет.

Мужики выпили по второй, и Тимоха разошелся:

— Ехал я тут, мужики, в метро..., — но удивленные взгляды мужиков заставили его прояснить ситуацию, — поднабрался я накануне, вот и оставил машину в гараже.

Мужики понимающе закивали головами, и только Тюлькин встрял:

— Подумаешь, поднабрался. Разве это помеха.

— Кому не помеха, а я с будуна за руль не сажусь, — возразил Тимоха и на мгновение задумался.

— Продолжай, Тимоха, а то водка киснет, — подбодрил его Иван.

— Вот я и говорю, зашел я в метро, сел в вагон электрички. Вернее, еле втиснулся в этот самый вагон. Да втиснулся так, что спереди прилип к женщине лет тридцати, а с боку прислонился к молодке с округлыми формами. На следующей остановке меня так подтолкнули, что всем своим телом я ощутил тепло, исходящее как от той, так и от другой.

Тимоха опять ненадолго задумался, словно заново переживая поездку в метро.

— Тимоха, ты, это, не тяни, — проглотив слюну, воскликнул Эдуард.

— И так мне, братцы, захотелось, что хоть беги, — продолжил Тимоха, — а бежать-то и некуда. Меня аж в дрожь бросило. Стоявшая впереди женщина почувствовала мое напряжение и тоже напряглась. Наши взгляды встретились, и какая-то искорка пробежала между нами. Я попытался повернуться, чтобы не надоедать ей своим напряжением, но не тут-то было. Так в приятном напряжении я и проехал свою остановку.

Сказав это, Тимоха вытер со лба пот и потянулся к бутылке. За столом возникла минутная пауза, которую прервал Всеволод:

— А у меня тоже аналогичный случай был. Затолкнули меня в вагон метрополитена, и оказался я в окружении студенток. Зажали они меня так, что выдохнуть трудно. Мало того, что зажали, так еще и егозят своими задницами. Егозят и щебечут, егозят и щебечут. И так меня разобрало, что никакого терпежу. Одна из студенток почувствовала мое нетерпение. Ее глаза округлились, и она перестала щебечать. С трудом я повернулся к другой студентке, и та тоже притихла. Глядя на них, остальные студентки тоже утихомирились. Вот так, в приятном оцепенении, я и доехал до своей остановки. Только после этого еще долго не мог успокоиться.

За то время, что Всеволод рассказывал, Тимоха успел разлить по стаканам водку, и тост созрел:

— За приятное общение с женщинами.

Так что в метро ездить тоже неплохо.

ЗА ЗАВЕРШЕНИЕ ДАЧНОГО СЕЗОНА

В начале октября пенсионер Артем Палыч закончил свои дачные дела и вернулся в город. Первым, кого он встретил в гаражах, был Тимоха Трепалов. Увидев Палыча, Тимоха бросился к нему с объятьями:

— Палыч, друг, неужели на зимовку приехал?

Артем Палыч даже опешил от такой встречи:

— Чегой это ты, Тимоха, так обрадовался. Ужель соскучился по Палычу?

— А как же не соскучиться, если целое лето тебя не видел. Ну и поправился ты на дачных харчах. Наверное, только и делал, что ел в три горла.

Худощавому Палычу было приятно Тимохино мнение о поправке, а вот ехидное «ел в три горла» его, конечно, возмутило.

— Это ты горазд в три горла хомячить. Только и делаешь, что ешь, да треплешься. А у меня на даче делов неспорно.

Он хотел продолжить монолог о делах, но Тимоха его остановил:

— Ты, Палыч, не обижайся. Знаю я твое усердие. Вот за это усердие и хотелось бы выпить. Ты не возражаешь?

— А тут возражай — не возражай, все равно припре-
тись, — пробурчал Палыч, — давайте только вечером.

Вечером в гараже у Палыча собралась вся честная компания. Стол ломился от дачных разносолов. Были тут и помидорчики консервированные, и огурчики малосольные, и салаты свежеструганные. А украшением стола стали тарелка с маринованными карпами и два вяленых леща.

По праву хозяина Палыч разлил по стаканам приготовленную им же настойку, которую гаражники называли «Палычевским эликсиром». Она не раз выручала их, выводя из чрезвычайно плохих состояний.

— Ну, Палыч, за тебя, — пересиливая обильное слюновыделение, произнес Эдуард Потемкин.

Сидевшие за столом хором его поддержали.

После опустошения стаканов на Палыча посыпались хвалебные отзывы о напитке:

— Крепка, Палыч, советская власть.

— Ох, и хорош твой эликсир, Палыч.

— Ну, ты мастак, Палыч.

Именно из-за таких приятных минут Палыч и накрывал этот стол. Вот и сейчас, блаженно улыбаясь, он приговаривал:

— Да вы закусывайте, закусывайте, надо будет, я еще достану.

Гости с удовольствием приступили к поеданию приготовленной Палычем закуски. Немного закусив, Андрей Тюлькин решил начать душевную беседу:

— Удивляюсь я на тебя, Палыч. Все-то ты успеваешь, на все руки мастер.

Его тут же поддержал Тимоха. У него уже несколько минут егозили на языке хвалебные слова:

— Мы тут без тебя совсем разучились собираться. А если и собирались, так постоянно вспоминали тебя. А скажи-ка, Палыч, где ты рыбку такую поймал?

Палыч попытался выпятить свою впалую грудь и ответил:

— А рыбка такая в Красивой Мече ловится.

— Красивое название, наверное, и речка красивая? — вступил в разговор Иван Чубатый.

— Да, места там красивые, а рыбаалка, — с восторгом произнес Палыч, — я такой рыбалки нигде не видывал, а порыбачил за свою жизнь в разных местах.

Оглядев присутствующих взглядом бывалого рыбака, Палыч продолжил:

— То, что я мариную — это самая мелочь. А крупный карп до десяти килограммов доходит. Бывали случаи, что мужики и под двадцать пять килограмм экземпляры вытаскивали.

— За такие экземпляры можно и выпить, — предложил Тимоха и поторопился разлить настойку по стаканам.

— Ну и шустрый ты, Тимоха, — похвалил его Палыч и поддержал, — за карпа, так за карпа. Мужики дружно выпили и принялись за маринованных карпов.

ФУТБОЛ ЗНАЮТ ВСЕ

Как вы думаете, о чем говорят мужчины после игры их любимой футбольной команды? Конечно, об итогах этой самой игры.

Хорошо, если игра завершается победой любимой команды, тогда повод обмыть эту самую победу более чем достаточен. При этом во время обмывания слышны только хвалебные отзывы и победные призывы. Тогда и тренер классный, и полевые игроки — мастера, и вратарь — броня.

К сожалению, накануне очередную игру любимая команда, за которую болели наши гаражные друзья, проиграла в чистую.

Это поражение явилось поводом для детальной разборки игры, и разборка эта состоялась в гараже у Эдуарда, болеющего за футбол давно и фанатично.

Запасенная накануне водка была предназначена для обмывания победы, но не случилось. Теперь эта же водка была выставлена на стол по печальному поводу, отчего казалась какой-то мутноватой.

В нависшей тишине собравшиеся подняли стаканы и, выпив содержимое, дружно поморщились.

— Да, — начал разговор Андрей Тюлькин, — в самом конце сезона и проиграть какой-то дворовой команде.

— Не скажи, — возразил ему Иван Чубатый, — «Динамо» — не дворовая команда.

— Дворовая, не дворовая, а на своем поле проигрывать не резон, — встрял в разговор Пафнутий Мочалов, — тем более в конце сезона.

Говоря это, он с опаской посмотрел на хмурого Эдуарда. А тот сидел, словно воды в рот набрал, и только желваки выдавали его решительный настрой и переживания. Не обративший внимания на состояние Эдуарда Тимоха распалился:

— Слабаки, да разве так играют. С пяти метров в ворота не попадают. Набрали черно..., — тут Тимоха поперхнулся, поймав на себе суровый взгляд Эдуарда, и скромно продолжил, — черненьких, будто своих мастеров нет.

— А мне, например, Тонго нравится, — не согласился с Тимохой Всеволод Бычаркин, — он один может полкоманды обвести и гол забить.

— Вот-вот, — вмешался в спор Иван, — вчера он тоже первоклассно мотался, а по воротам мазал, как сапожник.

И тут Эдуард не выдержал:

— Да что вы понимаете в футболе. Если бы не судья, козел недорезанный, выиграли бы наши, как пить дать.

— Плохому танцору вечно что-нибудь мешает, — хихикнул Палыч.

— Ну, Палыч, — вздыбился Эдуард, — был бы ты помоложе, треснул бы я тебе по носу.

И тут Тюлькин решил разрядить обстановку и предложил выпить по второй. После второй сморщились только Эдуард, да Пафнутий. Эдуард в силу того, что заготовленная им водка предназначалась совсем для другого случая, а Пафнутий — по своей диссидентской сущности.

Остальные выпили с удовольствием, но разговор от этого приятным не стал.

Закусив выпитое огурцом, Палыч начал первым:

— Ты, Эдуард, критику должен воспринимать спокойней. По делу проиграла вчера наша футбольная команда. Носились

по полю, как оглашенные, а толку никакого. Коллектива-то не было. Мастерились перед болельщиками больше, чем играли.

— Верно говоришь, Палыч, — поддержал его Пафнунтий, — никакой сыгранности вчера не показали. Что ни пас, то противнику.

— Потому и противнику, что судья грубости не видел, — с возмущением произнес Эдуард, — наших косили в штрафной площадке, а свисток молчал. Да там одних пенальти можно было смело назначать штук шесть.

— Ну, были судейские ошибки, не без этого, — согласился с ним Тюлькин, — но, если ты настоящий мастер, то должен быть готов ко всему. Они же, в конце концов, не кисейные барышни. Вон Агапкина только чуть затронут, он по полю начинает кататься, будто ногу оторвали. А через минуту вскакивает и продолжает бегать, словно лось.

— Да уж, симулировать наши футболисты мастера, — поддержал Тюлькина Иван, — это не только нашей команды касается, и сборная этим грешит. В прошлый раз сербам проиграли только из-за того, что судейского свистка ждали. То один завалится на землю и руками машет, то другой. Раньше такого меньше было.

— Конечно, меньше, — с радостью встрял Палыч, — раньше наши футболисты не за деньги бились, а за честь страны. А теперь только о деньгах и думают, и ведь какие деньжищи получают. — Да, платят им сейчас через чур, — вступил в разговор Всеволод Бычаркин, — люди бедствуют, а им миллионы. Чертовы олигархи, разграбили Россию, а теперь разбазаривают деньги налево и направо. Захотел флотилию яхт купил, почесал репу и футбольный клуб прикупил. Да ладно бы наш, а то английский подавай.

— Правильно и делают, — возразил Эдуард, — надо вообще весь мир скупить, может тогда и нам чего-нибудь перепадет.

— Перепадет, только карманы подставляй, — зло произнес Всеволод, — нет уж, если сам не возьмешь, то хрен тебе кто предложит.

— Правильно, Сева, — поддержал его Палыч, — никто не даст нам избавленья

Палыч хотел продолжить свой монолог, но Пафнутий его перебил:

— Мы это уже проходили, Палыч, и возврата к «светлому» прошлому не будет. Давайте выпьем лучше за то, чтобы в следующий раз наша команда победила.

Такой гост поддержали все присутствующие.

Дискуссия бы продолжалась до поздней ночи, но Эдуарду с ультиматумом позвонила жена, и ему ничего не оставалось делать, как предложить собравшимся выпить на посошок.

ДУРИЛА

Очередная встреча наших автомобилистов состоялась в гараже у Андрея Тюлькина. И поводом для данной встречи был перевод транспортных средств на зимнюю резину. Машины переобуты, теперь можно и посидеть.

А почему собрались у Тюлькина, спросите вы? Да потому что перед сменой колес тот проявил свои лучшие качества снабженца и помог достать шипованую резину по вкусной цене.

Именно так выразился малый бизнесмен Эдуард Потехин. Конечно, сам Андрей в накладе тоже не остался, но это по справедливости.

После наполнения стаканов первым решил высказаться Пафнутий Мочалов.

Повернувшись к Тюлькину, он произнес:

— Выручил ты нас, Андрюха, за что тебе большое спасибо, — и, обратившись к собравшимся, предложил, — а выпьем-ка мы за нашего снабженца.

Все, конечно, поддержали Пафнутия и дружно опрокинули по стопарю. После смачного выдоха пошли в ход селедочка и припасенные соленья. Пупыристые огурчики соседствовали с красными помидорками, а маринованные грибки, принесенные Палычем, так и напрашивались на вилки собравшихся.

А между первой и второй перерывчик небольшой.

— Предлагаю выпить за большое дело, которое мы вернули, — не переставая чавкать, произнес активный участник коммунистических митингов Всеволод Бычаркин, — колеса сменить — не пару пальцев об асфальт. За колеса, товарищи.

И этот тост все дружно поддержали, ибо мысль о смене колес будоражила умы собравшихся не одну неделю. Каждый раз, выезжая на заснеженную дорогу, любой водитель начинает вспоминать о смене колес, но не всегда руки сразу доходят до этой самой смены. А тут свершилось, и с плеч долой.

Закусим-ка все это огурчиком, да подцепим на вилочку масленка. Благодать, да и только. И тут язык Тимохи Трепалова развязался, и он отрыгнул:

— Слыхали, мужики, какой-то дурила из Вологды нашел на дороге мешки с деньгами и отвез их в милицию.

Большинство из собравшихся, конечно, слышало эту новость, но обсуждать ее до сих пор как-то не приходилось.

— И сколько же денег нашел этот дурила? — спросил майор в отставке Иван Чубатый.

— Да больше трех миллионов, — ответил Тимоха.

— Больше трех миллионов, — удивился глуховатый Артем Палыч. Видно новость о потерянных деньгах прошла мимо него.

— Да, Палыч, далек ты от житейской действительности, — хихикнул Тимоха, — видать телевизор не смотришь, в интернете не шарисься.

— На кой черт мне ваш ин... интренет, — возмутился Палыч, — уткнуться гляделками в... в этот самый экран

и соловеют от всякой ерунды. У меня внука за уши не оттащить от этой самой игрушки. Да что внук, по вечерам и сын норовит в этот самый ин..., фу ты черт, запакостили язык какой-то тарабарщиной.

— Успокойся ты, Палыч, — похлопал его по плечу Эдуард Потехин, — прогресс все равно не остановишь. — Больно нужно мне его останавливать, — пробурчал Палыч, — скоро общаться друг с другом будете только через технику.

— Палыч, ты не прав, — решил перевести разговор в шутку Тюлькин, — пока в мире существует водочка, реального общения ничто не заменит.

— Вот это верно, — поддержал Тюлькина Иван, — а не выпить ли нам по третьей?

Сказано — сделано. Третья пролетела также смачно, как и первые две.

После закусона разговор продолжился на повышенных тонах и с большим темпераментом.

— Так что ты там, Тимоха, говорил о деньгах-то? — переспросил Пафнутый.

— А то и говорил, что вологодский дурила нашел мешки с деньгами и отвез их в милицию, — напомнил Тимоха.

— А ты бы Тимоха эти деньги себе прикарманил, — предположил Всеволод.

— Может быть, и прикарманил бы, — повысил голос Тимоха, — миллиончик-другой мне бы сейчас ой, как пригодился.

— А что бы ты делал-то с этими миллиончиками? — спросил Эдуард.

— Да уж нашел бы, куда их девать, — твердо ответил Тимоха, — машину, например, нужно менять. Квартиру сыну тоже хотелось бы купить, а то живем двумя семьями.

— Я бы тоже нашел, как миллионами распорядиться, — поддержал Тимоху Эдуард Потехин.

— Ты бы, конечно, их в дело пустил, буржуй недобитый, — предположил Всеволод.

— И пустил бы, — повысил голос Эдуард.

— Да, не тому, значит, миллиончики-то достались, — съязвил Пафнутий, — нет бы с друзьями поделиться, а Эдуард с Тимохой только о себе и думают.

— А ты, Пафнутий, много с нами своими гонорами делился? — спросил Иван.

— Так то ж гонорары за работу, а тут халявные деньги, — ответил Пафнутий.

— И то верно, — просморкавшись, поддержал разговор Палыч, — трудовые деньги нельзя сравнивать с халявными. Но если бы мне, например, Эдуард отстегнул от миллиона несколько сотенок, я бы век его помнил.

— А что бы ты делал с этими сотенками? — спросил Тимоха.

— Да уж нашел бы куда их девать, — сразу не найдя способов конкретного применения денег, уклончиво ответил Палыч.

— Ты не юли, Палыч, а отвечай конкретно, куда бы дел эти самые сотни, — поддержал Тимоху Иван Чубатый.

Тут Палыч надолго задумался, потом почесал затылок и серьезно сказал, — а купил бы на них своей старухе ажурное нижнее белье, а то она сроду такого не одевала.

После такого признания мужики переглянулись, а остряк Тимоха, еле сдерживая смех, выпалил, — а ты не боишься, что с таким бельем пустится твоя старуха во все тыжкие.

Мужики рассмеялись, а Палыч, строго посмотрев на Тимоху, произнес, — моя старуха и в ажурном белье хвостом вилять не будет.

— Ты смотри, как уверен наш Палыч, — съязвил Пафнутий, — а вдруг не удержится.

И тут Палыч аж подпрыгнул со скамейки, — ты это на что намекаешь, Пафнутий? Да моя Полина Сергеевна не чета некоторым, — при этом он многозначительно посмотрел на Эдуарда.

Эдуард хотел что-то возразить, но быстро передумал.

Над столом возникла гнетущая тишина, которую попытался разрядить Всеволод:

— а не хряпнуть ли нам по чарочке?

— Хряпнуть, хряпнуть, — поддержали его мужики.

Выпив по очередной, мужики похрумкали огурчиками и подолжили начатый разговор.

— Да на три мллиона можно развернуться, — мечтательно произнес Тюлькин.

Пафнутию даже показалось, что мысленно тот уже раскидал эти три миллиона на какие-то приобретения:

— Колись Тюлькин, куда бы ты эти миллионы потратил?

— А я б махнул за границу, да и пожил бы там в свое удовольствие, — уверенно прознес он.

— Ну и надолго бы тебя хватило? — спросил Эдуард.

— Да годика на два и хватило бы, а там, глядишь, какая-нибудь миллионщица пригрела б.

— Ишь ты, куда замахнулся, — удивился Чубатый, — красивую перспективу расписываешь.

— А чего мелочиться-то, — выпятив грудь, воскликнул Тюлькин, — воровать, так миллионы, а е... ехать, так к королеве.

— А как же Нинка — жена твоя ненаглядная? — спросил Всеволод.

— Ачто мне Нинка, — раздухарился Андрей, — да я за миллионы таких Нинок не один десяток оттрахаю.

Да, после очередного стакана Тюлькина понесло. Он вновь потянулся к бутылке, но не рассчитал и опрокинул ее на тарелку с соленьями.

Бдительный Бычаркин успел вовремя среагировать, и в соленья попала лишь маленькая толика спиртного.

— Этому больше не наливать, — предложил он, и начал разливать остатки водки по стаканам.

Такая перспектива Тюлькину явно не понравилась, и он встал из-за стола:

— А ну налей, диссидент недобитый.

И если б не сидевший рябом Эдуард, достал бы тюлькинский кулак до Севиногового подбородка.

Посошок в этот раз получился скомканным и нервным.

СЕКС С ПОСЛЕДСТВИЯМИ И БЕЗ

Всей компанией наши соседи по гаражам собрались только в конце марта, потому что именно в это время Артем Палыч и Иван Чубатый начинали свой автомобильный сезон. Зимой их машины стояли в гаражах и безмятежно отдыхали.

В этот раз гаражных друзей пригласил активный участник коммунистических митингов Всеволод Бычаркин. Ему как-никак пятьдесят годков стукнуло, но груза этих лет он на себе не ощущал. Наоборот, с годами его политическая активность только увеличивалась. Да и на женщин он стал засматриваться как-то по-новому. Если раньше ему нравились женщины средних лет, то теперь его взгляд стал чаще задерживаться на прелестях молоденьких особей. Но разговор сейчас не о том.

К своему юбилею Всеволод подготовился основательно.

Посередине гаража он установил разборный стол и завалил его нехитрой закуской. В центре стола стояла банка с селедкой, которую окружали соленые помидоры, маринованные грибы, нарезанная большими ломтями докторская колбаса и чугунок с уже остывшей картошкой. Куски черного хлеба ютились на одном из углов стола.

От лица собравшихся гостей Иван Чубатый торжественно вручил юбиляру автомобильный пылесос и предложил выпить за именинника. Автомобилисты дружно выпили и без спешки принялись за закуску. А чего торопиться-то, если весь вечер впереди.

После первой наступила очередь второй:

— Давайте пожелаем Всеволоду безаварийного сезона. Пусть летает на своей ласточке и забот не знает, — предложил Андрей Тюлькин.

Мужички хором поддержали Андрея и потянулись стаканами к юбилею.

После второй языки у собравшихся развязались, и Тимоха Трепалов возбудил всех на дискуссию: — Слыхали, мужики, какой-то французиска на бабе погорел.

— Не какой-то, — поправил его Эдуард Потехин, — а глава МВФ.

— Это что за МВФ такой? — спросил глуховатый Артем Палыч.

— МВФ, Палыч, — это международный валютный фонд, — пояснил Эдуард.

— Международные бабки, значит, — хихикнул Тимоха.

— Вот ведь как, на бабках сидит, да еще и баб щупает, — удивился Палыч.

— Так кто на бабках сидит, тот и первый щупальщик, — уверенно произнес Иван.

— Это они с жиру бесятся, — по-стариковски проворчал Палыч.

— А я вам скажу, мужики, не все здесь чисто, — вступил в разговор вечный диссидент Пафнутий Мочалов.

— У тебя, Пафнутий, всегда не все чисто, — махнул рукой Тимоха и предложил, — за здоровье именинника надо выпить.

Сказано — сделано. Стаканы глухо звякнули, их содержимое перелилось в утробы собравшихся. А потом селедочка, да с картошечкой.

Продолжая чавкать, Пафнутий продолжил дискуссию:

— А потому и нечисто, что человек в президенты Франции нацеливался, вот его и подставили. Уговорили горничную, она и разыграла сцену с попыткой изнасилования.

— Так там только попытка была? — с разочарованием спросил Палыч.

— Вот то-то и оно, что попытка, — подняв указательный палец, произнес Пафнутий.

— Да этот француз сам не промах, — вступил в разговор именинник, — эти капиталисты так и норовят, чтоб потратиться.

— А коммунисты, значит, не такие, — заерепенился Тимоха, — нашел тоже ангелов.

— Они, конечно, не ангелы, но совесть все же имеют, — возразил Всеволод.

Если бы сегодня он не был именинником, раздраковал бы Тимоха его со всеми коммуняками. Но понимание важности события, по которому они собрались, остановило Тимоху.

А тут и четвертый тост подоспел.

— За ласточку именинника, чтобы она его никогда не подводила, — предложил Эдуард.

Такой тост тоже следует поддержать, потому что прошлый сезон для Всеволода был не очень удачным. То он залетел правым колесом в открытый люк, въехав на территорию своего завода, то какие-то козлы разули его ласточку прямо среди бела дня. Нашел он ее, стоявшую на кирпичках в двухстах метрах от хижины его любовницы. Уже годков этак десять он обещает этой самой любовнице, что вот-вот уйдет из семьи и осчастливит ее постоянным проживанием. Бедная женщина, как она доверчива.

После четвертой порции мужички совсем раздухарились.

— Скажи, как у них закручено, — воскликнул Чубатый, — только до бабы дотронулся, как тут же в кутузку.

— Если бы только дотронулся, он же голый на нее лез, — уточнил Андрей Тюлькин.

— Да хоть и голый, — повысил голос Иван, — у нас вон олигархи по-черному гуляют. Меняют любовниц, как перчатки, и ничего.

— Да уж, — оживился Палыч, — наши миллионщики ничего не боятся. От всего откупаются, паразиты.

— И то верно, — поддержал его Тимоха, — то на курорте оргию устроят, то в банях побалуются.

— Да что олигархи. Вон у нас директор базы, вроде бы не велика шишка-то, а половину баб оприходовал. И как с гуся вода, — разоткровенничался Андрей.

— А бабы сами виноваты, — воскликнул Пафнутий, — у кого деньги, к тому и идут.

— Да боятся они, что без работы останутся, — повысил голос Андрей.

— Ничего они не боятся, — возразил Эдуард, — вон ко мне сами на работе липнут. Уж сколько раз говорил, что не хочу, нет, все равно лезут.

— К тебе, может, и лезут, а наши бабы, в основном, из-за боязни, — настаивал Андрей.

— Согласен с тобой, Андрюха, — поддержал его Чубатый, — да мы, мужики, тоже не всегда начальству можем возразить. Чуть что, и язык в задницу.

— А ты, Иван, мужиков не трожь, — привставая с табуретки, возмутился охмелевший Всеволод, — мужики свое дело знают.

— Да не ерепенься ты, именинник, — усадил его Пафнутий, — все мы виноваты в том, что у нас беспредел и в жизни, и в бизнесе.

— Нет уж, увольте, — вновь попытался встать Всеволод, — я против этого режима все время выступаю. Я им, подлюгам ..., — погрозил он кому-то кулаком.

— Мужики, мне кажется, пора закругляться, — предложил Эдуард.

— Ну, давайте по последней, и по домам, — поднял стакан Пафнутий.

Мужики выпили по последней и поспешили из гаража.

А в гараже еще долго раздавались Всеволодовы ругательства.

БЕЛЫЙ СНЕГ, ПУШИСТЫЙ

Наконец-то плачущая осень отступила.

До декабря оставалось еще целых пять дней, а зима уже прилетела в наши края на крыльях снежной метели. Резвый ветер сдул с деревьев последние листья, а снег в одночасье припорошил придорожную грязь. Всю ночь метель резвилась в опустевших улицах и скверах, а когда город проснулся, то обомлел от зачарованной белизны.

От занесенных снегом машин дворы превратились в белоснежные лежища сугробов, а детские площадки робко выглядывали из-под снега верхушками горок.

Звнящая тишина нависла над городом, но уже через час в белое безмолвие стали выходить сначала дворники, затем владельцы машин, а потом спешащие по своим делам горожане.

У большинства горожан укрывший землю снег вызывал самые положительные эмоции. Наиболее эмоциональные на ходу сгребали снег и лепили из него комочки. Только взрослая уравновешенность не позволяла им запустить эти самые комочки в чью-либо спину, а так хотелось. Зато школьная поросль вовсю резвилась возле школ, забрасывая друг друга снежками. У них снежная белизна ассоциировалась с приближающимися каникулами и встречей Нового года. А детвора помладше вооружилась лопатками и помогала дворникам убирать снег с детских площадок. Раскрасневшиеся щечки указывали на их особое старание.

В общем, легкий морозец был в радость и старому, и малому. А к вечеру опять пошел снег, но в отсутствие ветра падал он медленно и элегантно. Ну, совсем, как в новогоднюю ночь. Разве усидишь дома в такую погоду.

Быстро одевшись, мы с женой и дочерью вышли из подъезда и направились в сторону укрытого снегом озера.

— Какая благодать, — воскликнула жена и, подхватив дочку, закружилась с ней в каком-то экзотическом танце. А потом они вместе плюхнулись в пушистый снег, и их звонкий смех растворился в кронах заснеженных деревьев.

Как приятно было смотреть на два родных и счастливых лица, по которым стекал таящий снег. В их глазах я увидел столько радости и какого-то детского сумасбродства, что мне захотелось самому поваляться в белоснежной постели. Прямо лицом я упал в снег и попытался плыть в этом пушистом море. Мой заплыв вызвал вторую волну смеха, которая только усилилась, когда я, заснеженный, встал на ноги.

Затем была воображаемая фотосессия, во время которой мы падали в снег, занимали невообразимые позы и корчили счастливые физиономии. Счастье из нас так и струилось.

Ай да снег, ай да пушистый создатель положительных эмоций.

В ПЕРЕПОЛНЕННОМ АВТОБУСЕ

На автобусной остановке чинно стоят горожане и ждут автобуса, который, почему-то, не хочет их обрадовать.

Час пик еще не наступил, но народу на остановке скопилось предостаточно.

Наконец-то из-за поворота показался долгожданный автобус, и толпа пришла в движения, предвкушая энергичное соперничество за долгожданное место.

Но автобус не только не остановился, но наоборот, набрав скорость, промчался мимо.

За лобовым стеклом автобуса красовалась табличка «В парк», которую некоторые из ожидавших сумели рассмотреть.

Над толпой пронесся ропот недовольства, усиленный критическими замечаниями в адрес работников городской транспортной организации.

«До чего докатились — гундосила пожилая женщина — когда захотят, тогда и ездят».

«Обнаглели — тут же вступил в разговор солидный мужчина в шляпе — никакой управы на них нет. Небось начальники не стоят на остановках, их с шиком доставляют».

«Вот заставить бы их потолкаться на остановке по утранке. Быстро бы порядок навели» — проворчал небритый здоровяк в штормовке.

«Видано ли дело, по всему маршруту пустым в парк ехать — прошепелявил сутулый старичок в офицерском

пальто, — Как частник, захотел — повез, не захотел — оставил» — добавил он, еще больше ссутулившись.

Пожилая женщина открыла уж было рот, но заметила приближающийся автобус и засуетилась.

Автобус, недовольно фыркнув, проехал остановку и остановился. Двери автобуса со скрипом отворились, выпуская утомившихся пассажиров. Не успели первые пассажиры выйти из автобуса, как встречный поток уставших ждать ринулся к дверям, толкаясь и поругиваясь.

«Граждане, автобус не резиновый» — прокричал водитель. Он попытался закрыть переднюю дверь, но не тут-то было.

Наконец-то в дверь протискивается бородатый здоровяк, водителю удается закрыть дверь и автобус трогается.

Бородач начинает возмущаться, обращаясь к водителю: «Почему не соблюдается интервал движения? Один автобус по неизвестной причине проехал в парк, а другой вообще не хотел брать пассажиров».

Водитель внимательно следит за дорогой и не отвечает бородачу.

«Ишь ты, он с нами и говорить не желает — тут же отреагировал на молчание длинный прыщавый парень, и в сторону водителя, — вот сообщим, куда следует, тогда будешь знать».

«Я обязательно напишу в газету про эти безобразия» — пообещал бородач.

«Напиши, сынок, напиши. Пусть там разберутся» — прошепелявил сутулый старичок.

Мнения пассажиров разделились. Одни поддержали бородача, а другие стали заступаться за водителя.

Первой в поддержку водителя высказалась сидящая впереди бабка: «Ну, чего раскричались, как бабы» — и обращаясь к бородачу, — А ты, чем в переднюю дверь лезть, шел бы в заднюю. Видела, как ты норовил вперед пробраться».

«Так я же с ребенком, неужели не видите — стал защищаться бородач, — а с ребенком положено заходить в переднюю дверь».

«Все мы знаем, что нам положено, а как шоферами, так никто не хочет быть — вступила в разговор еще одна бабка с большим кулем на коленях, — везде вон объявления повешали — требуются, требуются.....»

«А он, наверное, сам шофером был, да, видать, выгнали» — предположила ее соседка.

Бородач все грозился написать в газету и призывал очевидцев в свидетели.

«Пиши и не бойся — успокаивал бородача человек в штормовке, — а я всегда тебя поддержу. Хватит на них любоваться».

«Запиши-ка и мой телефон — воскликнула пожилая женщина, — если что, звони, обязательно пойду в свидетели».

Пассажиры входили и выходили, мелькали остановки, а разговор все продолжался, то затихая, то вновь усиливаясь. Недовольство людей выплескивалось на водителя.

Водитель же продолжал молча выполнять свои обязанности, зорко следя за дорогой.

Лишь по взмокнувшей щеке и покрасневшему лицу можно было понять, с каким трудом доставалось ему это молчание.

ВСТРЕЧА ВЫПУСКНИКОВ

I

Когда в очередной раз Вячеслав Михайлович Арбузов приехал на родину, чтобы навестить родню, встретил он там своих одноклассников, Петьку, то есть Петра Сидоровича Охупкина и Валерку, в настоящее время Валерия Никаноровича Глушкова. И если Валерий Никанорович был уважаемым в районном городке человеком, так как работал главным врачом местного родильного дома, то Петька в свои шестьдесят два года так и не дорос до того, чтобы его называли Петром Сидоровичем. Всю свою сознательную жизнь проработал он слесарем в автобусном парке и карьеристского рвения не испытывал. Хотя после выпитой бутылки дешевой водочки в голове у него начинали роиться крамольные мыслишки типа:

— Подумаешь, Глушков, хрен обструганный. Да если бы я захотел, то руководил бы сейчас каким-нибудь министерством, а то и всем правите...

Досказать до конца свою мыслишку у него получалось крайне редко. То ли потому, что в тот момент он вырубался и мог только мычать, то ли потому, что недоговоренная мысль выводила его из себя, и он срывал свой гнев на больной супружнице Евдокии.

Хорошо, если ей удавалось увернуться от кулака Сидорыча и пересидеть возбужденное состояние мужа у соседей. Но нередко первый же замах Сидорыча заканчивался сильным ударом под Евдокиин глаз. После такого удара Евдокия

падала на большую кровать и начинала тихонько всхли-
пывать.

К чести Сидорыча, даже в состоянии сильного опьянения он не забывал правило, привитое ему в детстве: лежачих бить негоже.

Наутро глаз Евдокии заплывал и окрашивался красно-
синим цветом.

Проснувшийся Сидорыч в недоумении смотрел на проявившийся синяк и спрашивал:

— Опять о косяк стукнулась?

И Евдокия безропотно кивала головой в знак подтвер-
ждения мужниного предположения.

Хлебанув из кастрюли кислых щей, Сидорыч одевался и, как ни в чем не бывало, шел в автобусный парк. Каким бы пьяным он ни был накануне, работу он не пропускал и рабо-
тал прилежно. Именно за это Сидорыча уважало начальство, а его портрет бессменно висел на Доске почета.

Итак, первым Вячеслав Михайлович встретил Сидорыча.

Встреча их состоялась в местной пивной, куда Вячеслав Михайлович зашел для того, чтобы за кружкой пива состав-
ить график посещения родственников.

За это время он только и успел, что погостил два дня у старенькой мамы, да пообщался с младшей сестрой, кото-
рая после развода жила в доме родителей.

На субботу, по случаю его приезда, в мамин дом были приглашены все родственники. Вот об этом событии Вяче-
слав Михайлович и думал, сидя за столом.

Через некоторое время в пивной появилась подвыпив-
шая троица. Взяв по кружке пива, она заняла соседний сто-
лик и своим громким разговором отвлекла Вячеслава Михайловича от радужных мыслей.

Вячеслав Михайлович взглянул на соседей и в одном из них разглядел что-то знакомое. Он внимательней при-
смотрелся к седовласому человеку.

— Такие оттопыренные уши и яминка на подбородке могут принадлежать только Петьке Охапкину, — подумал Вячеслав Михайлович.

Отбросив оставшиеся сомнения, он обратился к седовласому:

— Охапкин, Петька, неужели это ты?

Сидорыч подозрительно посмотрел на человека, который так фамильярно обратился к нему. Его уже лет сорок никто не называл Петькой.

— Чего тебе? — вопросом на вопрос ответил он.

— Значит, не узнаешь своего одноклассника? Я Славка, Славка Арбузов, — улыбнувшись, ответил Вячеслав Михайлович.

Сидорыч на мгновение задумался, потом просиял и обратился к своим сотоварищам:

— Извините, кореша, но это мой друг детства.

Сказав это, он взял кружку и пересел к Вячеславу Михайловичу:

— Какими судьбами, Славеньтий? Если мне память не изменяет, то последний раз мы виделись лет сорок тому назад.

— Не изменяет тебе память, Петька. Тридцать девять лет тому назад, сразу после окончания летного училища я приезжал сюда молодым лейтенантом. Вот тогда-то мы с тобой и виделись.

— Помню-помню. Тогда девки за тобой табунами ходили, а мы на танцах едва не подрались из-за них, — вспомнил Сидорыч.

— Да, уж, кулаками махать ты в юности не стеснялся.

— А я и сейчас не стесняюсь, — выпятив грудь, произнес Сидорыч, — если что, и молодым не уступлю.

— Как был ты, Петька, харахористым, так им и остался, — похлопав Сидорыча по плечу, воскликнул Вячеслав Михайлович, — чего сейчас-то кулаками махать?

— Это я так, для порядку, — ссутулившись, ответил Сидорыч, потом оживился и предложил, — а не выпить ли нам за встречу чего-нибудь покрепче?

— А что, предложение дельное, только угощаю я, — согласился Вячеслав Михайлович.

— Не согласен, — возразил Сидорыч, — ты мой гость, поэтому угощать буду я.

— Петька, давай поступим так, сейчас угощаю я, а в следующий раз ты меня угостишь — предложил Вячеслав Михайлович.

— Хорошо, — потеряв руки, согласился Сидорыч, — только возьми что-нибудь посолидней. Вячеслав Михайлович встал из-за стола и пошел в сторону стойки. Через три минуты он вернулся, держа в руках тарелку с бутербродами, две стопки и запотевший графинчик с водкой.

При виде графинчика, глазенки у Сидорыча загорелись, а обильное выделение слюны чуть не лишило его здорового дыхания.

Вячеслав Михайлович наполнил стопки и предложил:

— Ну, Петька, за встречу.

Они выпили по первой, и беседа была продолжена в более оживленном варианте. За столом раздавались:

— А помнишь

— А в тот раз

В общем, через два часа Сидорыч попытался махать кулаками, но Вячеслав Михайлович его утихомирил, вывел из пивной и помог добраться до калитки.

II

С Валерием Никаноровичем Глушковым Вячеслав Михайлович встретился совсем в другой обстановке.

Вместе со своей сестрой навестил он в родильном доме ее дочь, родившую два дня тому назад богатыря.

На двери одного из кабинетов он заметил табличку «Главный врач Глушков В. Н.».

— Уж не Валерка ли это Глушков, — подумал Вячеслав Михайлович.

Перед тем, как покинуть родильный дом, он постучался в дверь с данной табличкой и, услышав «Войдите», смело ее открыл.

Сидевший за столом человек мельком посмотрел на вошедшего и машинально спросил:

— По какому вопросу?

— Значит, зазнался, раз не узнаешь своих одноклассников, Валерка.

Валерий Никанорович внимательней посмотрел на вошедшего, потом встал из-за стола и подошел к Вячеславу Михайловичу. Посомневавшись несколько секунд, он неуверенно произнес:

— Арбузов, ты что ли? — Он самый, — улыбнувшись, воскликнул Вячеслав Михайлович, — зашел навестить родственницу, а тут фамилия знакомая на двери. Дай, думаю, загляну.

— Ну, и правильно сделал, что заглянул, — похлопав по плечу Арбузова, сказал Валерий Никанорович, — такую встречу нужно отметить.

Усадив Арбузова за стол, Валерий Никанорович достал из шкафа бутылку коньяку, коробку шоколадных конфет и две мензурки. Разлив коньяк по мензуркам, он предложил:

— А давай-ка за встречу, Славка.

Потом озорно посмотрел на Вячеслава Михайловича и спросил:

— А может тебя теперь нельзя так называть?

— Я же тебя Валеркой называл.

— Тогда поехали, — сказал Валерий Никанорович и отпил коньяк из мензурки.

Вячеслав Михайлович сделал то же самой и с удовлетворением заметил:

— Хорош коньячек-то. Аж, рот заблагоухал.

— Так ведь родственники рожениц плохого коньяку не принесут, — согласился с ним Валерий Никанорович, — сколько раз говорил, чтоб не задаривали медперсонал, но разве их убедишь.

— А их и убеждать не надо, люди от чистого сердца несут в знак благодарности, — произнес Вячеслав Михайлович, — ведь вашими руками новая жизнь на свет появляется.

— Да понимаю я, но все равно неудобно, — признался Валерий Никанорович. Сказав это, он опять поднял свою мензурку и предложил:

— Давай за школьные годы выпьем.

— Давай, — согласился с ним Вячеслав Михайлович и первым опустошил мензурку. Около минуты одноклассники посидели молча, потом Вячеслав Михайлович спросил:

— Валерий, как ты смотришь на то, чтобы попытаться собрать наших одноклассников в один из весенних дней?

Валерий Никанорович с удивлением посмотрел на Вячеслава Михайловича:

— А ты сам-то веришь в возможность встречи?

— Не очень верю, но попытаться-то можно.

— Ну, если только попытаться, — согласился с ним Валерий Никанорович. Сказав это, он вновь наполнил мензурку и предложил выпить за попытку-не пытку. Третья порция коньяка пошла еще лучше. Вячеслав Михайлович даже крикнул от удовольствия. После криканья он продолжил разговор на тему будущей встречи:

— Понимаешь, Валерий, с годами мне все чаще видятся картинки из школьной жизни. То друзей школьных вспомню, то учителя вдруг привидятся.

— Стареем, Славентий, вот ностальгия-то и одолевает, — поддержал его Валерий Никанорович, я ведь тоже страдаю детскими воспоминаниями.

Один раз даже собирался организовать встречу с теми, кто остался в нашем городе, да ничего не вышло. Кому-то некогда, а кто-то особого желания к встрече не проявил.

— Ничего, — уверенно произнес Вячеслав Михайлович, — вчера не получилось, а завтра получится. Я вот что думаю

Но Валерий Никанорович деликатно остановил Вячеслава Михайловича:

— Давай сначала вздрогнем, а уж потом думать будем.

— Давай, — без заминки поддержал его Вячеслав Михайлович.

Они выпили еще по одной, и беседа продолжилась в более оживленном темпе. Запивая идеи коньячком, они разошлись не на шутку. Молодой задор так и струился из их глаз. И чем больше они зажигались идеей встречи, тем реальней казалось ее практическое выполнение.

В конце концов, было принято следующее решение — Вячеслав Михайлович занимается поиском и информированием тех, кто в разное время уехал из города, а Валерий Никанорович решает вопросы оповещения местных одноклассников и договаривается со школой и рестораном, а, может быть, и с местной администрацией.

Данное решение было закреплено новой порцией коньяка, после чего одноклассники по-дружески расстались.

III

Вернувшись в Петербург, Вячеслав Михайлович первым делом заглянул в свою записную книжку и обнаружил там адреса шести школьных дружков.

— Вот и отлично, — подумал он, — с них и начнем.

Он подготовил шесть писем и отправил их по найденным адресам.

В письмах он рассказал о своей поездке на родину и встречах с одноклассниками, которые и натолкнули его на мысль об организации сбора выпускников.

Кроме того, он указал все контактные данные, по которым с ним можно было связаться.

Первым на его письмо откликнулся Вовка Киселев, то есть полковник Киселев Владимир Иванович, бывший старший преподаватель Вильнюсского военного училища. По всей видимости ностальгия по малой родине особенно сильна у тех, кто живет сейчас совершенно в других государствах. Владимир Иванович отыскал Вячеслава Михайловича Вконтакте и выразил готовность включиться в процесс поиска одноклассников.

Затем отыскились Серега Копытов, работающий в настоящее время главным бухгалтером какой-то солидной фирмы в столице нашей Родины, и Денис Тимофеев, проживающий в Караганде.

Вот тут-то и началась настоящая охота за одноклассниками, и идея встречи выпускников перестала казаться прозрачной.

Узнавший о такой активности Валерий Никанорович по настоящему зажегся этой идеей и приступил к обработке городской и школьной администрации.

Один из сотрудников Комитета по образованию изъявил большое желание выступить перед одноклассниками, но не в школе, где предполагался первый сбор, а в ресторане, где собирались отметить данное событие.

В общем, через четыре месяца после начала оповещения значительная часть одноклассников съехалась в городок. Был среди них и настоящий генерал.

Когда-то хулиганистый Женька Глотов дослужился до высокого воинского звания и теперь предстал перед одноклассниками в форме генерал-майора.

Весть о появлении в городке настоящего генерала облетела всю округу. Да и как не облететь, если живого генерала здесь сроду не видывали.

Когда Глотов Евгений Максимович со своими школьными товарищами прохаживался по городку, за ним следовала

вереница пацанов и девчонок, а за калитки повыползали местные жители, чтобы своими глазами увидеть такую невидаль.

Сидорыч, дабы обозначить свою причастность к столь важному моменту, пытался держаться поближе к Евгешке. Именно так, по старой памяти, он называл про себя Евгения Максимовича.

— Пусть все видят с какими персонами знается Сидорыч, — думал он, выпятив свою впалую грудь и бодро шагая рядом с генералом.

Кроме Сидорыча, рядом с генералом шагала зубной врач Татьяна Васильевна Суслова и директриса промтоварного магазина Ульяна Пичугина.

Танька Суслова вцепилась в генерала с одной стороны, а Ульянка Пичугина ухватила за него с другой.

Генерал с ними весело переговаривался, не забывая поглядывать на молодых, провожавших его восхищенными взглядами.

Много бы отдала Танька Суслова, чтобы вернуть те школьные дни, когда Женька Глотов увивался за ней, а она дала ему тогда от ворот поворот. Сейчас она ни за что бы не сделала такого опрометчивого шага.

— И на кого променяла я такого красавца, — думала она, всем своим телом ощущая силу и уверенность Евгения Максимовича, — дал бог муженька-хлюпика, который только и делает, что держится за мою юбку. Но разве я могла предположить, что из разгильдяя Женьки вырастет такой бравый генерал. А Ульянка Пичугина думала о своем:

— Нет, такого мужика не нужно упускать. После торжества обязательно приглашу его к себе. Надо же, каким Женька стал. В детстве я на него и внимания-то не обращала, а один раз даже портфелем по башке ударила. За упомянутыми персонами шагали Вячеслав Михайлович в форме подполковника ВВС, полковник Киселев Владимир Иванович и Сергей Александрович Копытов.

— Вот тебе и Женька, — удивлялся Сергей Александрович, — никогда бы не подумал, что из него генерал выйдет.

— В струю попал, — вступил в разговор Владимир Иванович, — мы с ним одно училище заканчивали, в одной академии затем учились. Я на запад получил направление, а он восток покорял. Вот там и дослужился до генерала.

— Неужели в Афгане был? — спросил Сергей Александрович.

— В Афгане не был, но рядом служил, — ответил Владимир Иванович.

В это время из-за угла двухэтажного дома вывалился какой-то пьяный мужик. Увидев важных персон, он всплеснул руками и заплетающимся языком промышчал:

— Батюшки, да неужто генерал к нам пожаловал?

Вырыгнув эту фразу, он попытался выпятить грудь и отдать честь, но покачнувшись, если бы не стена дома, завалился бы в подсыхающую лужу.

— Никодимыч опять нажрался, — прокомментировала Ульяна, — восьмой десяток пошел, а все никак не утомонится.

— Неужели это тот самый Никодимыч, который у нас в школе завхозом был, — спросил Евгений Максимович.

— Он самый, — вступила в разговор Татьяна Васильевна, — как жену похоронил, так и не просыхает теперь. — А ведь раньше мы его и выпившим-то не видели, — удивился Евгений Максимович.

— Раньше не видели, а теперь уж лет пятнадцать, как пьет, — уточнила Ульяна.

Так за разговором представительная процессия дошла до здания школы, где уже собрались другие участники торжества.

Теперешняя директриса пригласила их в школу, и они шумной толпой направились к классу, в котором когда-то учились.

Войдя в класс, многие из собравшихся остановились в нерешительности. Одни оттого, что нахлынувшее волне-

ние перехватило дыхание, а другие потому, что уже подзабыли, за какой партой они сидели.

Хорошо, что Валерий Никанорович захватил с собой старую фотографию, на которой, сидя за партами, строили веселые гримасы нарядные выпускники. Глядя на фотографию, собравшиеся разместились за партами. Правда трем из них внушительные животы не дали возможности занять свои места. Специально для них принесли стулья, и молодящаяся директриса начала свое вступительное слово:

— Здравствуйте, дорогие гости. Мы рады приветствовать вас в стенах нашей школы, школы, которую вы успешно закончили более тридцати лет тому назад. Вы являетесь первыми ласточками, так как еще ни один класс, выпущенный ранее, не проводил встречи выпускников. Думаю, что ваше начинание поддержат в дальнейшем и другие выпускники. После этих слов директриса перевела дыхание и предложила:

— А теперь я бы хотела, чтобы каждый из вас рассказал немного о себе. Кто желает выступить первым? Наступила неловкая пауза, которую прервал зычный голос одного из собравшихся:

— А пусть по традиции первой выступит наш комсомольский секретарь Светочка Климова. Помнится, она очень любила открывать разные мероприятия.

— Правильно, пусть Светка и начнет, — хором поддержали собравшиеся.

— И никакая я вам не Светка, — нахмурившись, произнесла ухоженная и модно одетая женщина, — Светлана Акимовна собственной персоной, хозяйка швейной фирмы, на которой выпускаются такие известные бренды, как Ленский, Чучо и Пигмалион.

Сказав это, Светлана Акимовна взглядом победительницы обвела собравшихся и продолжила:

— Рекомендую одеваться в продукцию моей фирмы.

Не многие из собравшихся понимали значение слова «бренд», поэтому сидели, скромно потупив глаза. У одних

на этих потупившихся глазах можно было прочесть определенную растерянность, у других же неопределенную зависть.

И только в глазах обладателя зычного голоса можно было заметить лукавую смешинку. Не пряча хитровой улыбки, обладатель зычного голоса задал новый вопрос:

— А расскажи-ка Светлана, — на отчестве он поперхнулся, — Акимовна, как ты до жизни такой докатилась? Светлана Акимовна медленно повернула свою ухоженную головку в сторону задавшего вопрос и произнесла:

— А ты, Кирюша, так и не изменился. Был шутником и баламутом, так им и остался.

— И никакой я вам не Кирюша, — передразнил обладатель зычного голоса Светлану Акимовну, — Кирилл Григорьевич Басов собственной персоной, артист областного драматического театра. Заслуженный артист России, между прочим.

— Вот те на, — слышались возгласы удивления, — Кирюха и артист.

— А кому же, кроме Кирюхи, артистом быть, — вступила в разговор Ульяна Пичугина, — кто, кроме него больше всех гримасничал в школе.

— Не гримасничал, а лицедействовал, — поправил ее Кирилл Григорьевич.

— Ну, дайте же Светке, то есть Светлане Акимовне, закончить, — встрял в разговор Сергей Александрович Копытов.

Собравшиеся утихомирились и Светлана Акимовна продолжила:

— Да, вроде бы, и продолжать-то нечего.

— Как это нечего, — возмутился Вячеслав Михайлович, — а про детей кто будет рассказывать?

— Есть у меня сын, и живет он сейчас в Греции, — сверкнув взглядом победительницы, ответила Светлана Акимовна, — а еще есть внучка Анжелочка, которой пятнадцать лет.

— А что это твой сынок в Грецию-то укатил? — ехидно спросил Петр Сидорович.

— А то и укатил, что там ему комфортней и спокойней, — ответила Светлана Акимовна.

— А ты что же не едешь? — еще ехиднее спросил Петр Сидорович.

— А то и не еду, что мне и здесь хорошо, — ответила Светлана Акимовна, — это молодым легко с места сорваться.

— И то верно, — согласился с ней Валерий Никанорович, — моя дочь тоже в Америку укатила. Теперь в Майами практикует.

— Это как это практикует? — поинтересовался Сергей Александрович.

— Детским врачом работает, — уточнил Валерий Никанорович, — всем довольна, к родителям приезжает только раз в два года.

— Значит, по твоим стопам пошла, — не то спрашивая, не то утверждая, промышчал Сергей Александрович.

В классе вновь возникла неловкая пауза, каждый из присутствующих задумался о чем-то о своем.

Первой эту паузу прервала Пичугина Ульяна Федоровна:

— Товарищ генерал, Евгений Максимович, расскажите немного о себе.

— Разве можно Вам отказать, Ульяна Федоровна, — игриво произнес Евгений Максимович и серьезней продолжил, — после школы я, вместе с Вовкой Киселевым, поступил в Вильнюсское военное училище. Служил в Средней Азии. Дослужившись до капитана, поступил в военную академию и опять вернулся на восток. Сейчас команду дивизией в Забайкальском военном округе. Два сына пошли по моим стопам, один служит в Ленинградском военном округе, другой в Московском. Вот такая вот биография.

— А жена Ваша с детьми или с Вами? — с надеждой спросила Ульяна Федоровна.

— Со мной, а как же иначе-то, — с улыбкой ответил Евгений Максимович, — она с самого училища со мной.

От такого ответа настроение у Ульяны Федоровны немного подпортилось, но она бодренько воскликнула:

— Значит, Вам очень повезло, Евгений Максимович.

— Не без этого, — подмигнув Ульяне Федоровне, произнес Евгений Максимович.

— А давайте-ка послушаем Таньку Суслову, — предложил Вячеслав Михайлович.

— А я теперь не Суслова, — покраснев, проинформировала Татьяна Васильевна, — я теперь Архипова Татьяна Васильевна, — имею свой стоматологический кабинет. Так что милости просим, обслужу по знакомству. Она мило улыбнулась и обвела веселым взглядом собравшихся.

— А по знакомству, значит бесплатно? — хитро прищурившись, спросил карагандинец Денис Тимофеевич Тимофеев.

— Бесплатно-не бесплатно, а с хорошей скидкой полечу, — улыбнувшись теперь только Денису Тимофеевичу, ответила Татьяна Васильевна.

— Да он ни за что не придет, — вклинилась в разговор Ульяна Федоровна, — разве можно забыть, как он укол боялся.

— Ничего я не боялся, — покраснев, по-мальчишески выкрикнул Денис Тимофеевич.

— Да дайте же Таньке-то, то есть, Татьяне Васильевне, высказаться, — зычно выдал Кирилл Григорьевич.

Все вновь притихли, и Татьяна Васильевна продолжила:

— У меня есть дочь, и две внучки, а мужа похоронила три года тому назад.

Сказав это, она склонила свою седеющую голову и замолчала. Вновь наступила минутная пауза, которую долго никто не решался прервать. Первым ее все же прервал Петр Сидорович, которому уже давно не терпелось перебраться за праздничный стол:

— А давайте-ка продолжим наш обмен информацией за накрытым столом. Его тут же поддержала большая часть мужчин:

— Давайте, давайте.

— Наконец-то, Петька дело предлагает.

— За столом-то повеселей будет.

IV

В снятом для такого случая кафе к обмену информацией, подслащенному тостами все уже было готово. Одноклассники шумно расселись за общий стол, и Евгений Максимович взял власть в свои руки:

— Ну что ж, самозванцев нам не надо, командиром буду я.

Глотающие слюни гости единодушно его поддержали:

— Давай, Евгешка, управляй бордельером.

— Начинайте уж, Евгений Максимович.

— Правильно ли я понял, что принято единогласно? — выпятив грудь, спросил Евгений Максимович.

— Правильно, — раздалось за столом, — да не тяни ты, ради бога.

— Тогда наливай, — скомандовал Евгений Максимович и цепкие мужские руки потянулись к бутылкам.

— А теперь я хочу сказать первый тост, — воскликнул Евгений Максимович, — давайте выпьем за нашу первую встречу. Надеюсь, что она будет не последней.

— За встречу, за встречу, — раздалось над столом, после чего послышались дружные бульканья и чавканья.

Дав собравшимся немного закусить, Евгений Максимович встал из-за стола и предоставил слово Киселеву Владимиру Ивановичу.

— А я хочу предложить тост за дружбу, — сказал он, — с некоторыми из вас я и раньше поддерживал дружеские отношения, но большую часть я увидел впервые после окончания школы. Так вот, за дружбу.

Собравшиеся дружно выпили и застучали вилками по тарелкам. Кто-то из них смачно подчавкивал. Закончив закусывать, Петр Сидорович предложил:

— А ты Володька рассказал бы что-нибудь о себе, а то только погоны и видим.

И Владимир Иванович рассказал, что сейчас является военным пенсионером, а до пенсии работал старшим преподавателем в Вильнюсском военном училище, которое когда-то вместе с Евгением заканчивал. Сына своего потерял десять лет тому назад, тот умер в самом расцвете сил от передозировки.

— Распад Советского Союза больно отразился на судьбах многих наших людей, — сказал он, — вот и я теперь живу в другом государстве без каких-либо прав.

И тут за столом поднялся шум. Подогретые спиртным одноклассники на перебой принялись ругать долбанную перестройку и ее авторов. Было видно, что тема эта близка каждому из присутствующих. И даже хозяйка швейной фабрики не преминула высказать на данную тему пару критических фраз, типа:

— Бюрократов да взяточников расплодилось столько, что не продохнуть.

Зычный голос артиста выделялся особенно:

— Театры разваливают, пошлятиной засорили весь репертуар, повылазили бездари, талантам проходу не дают.

И даже командные потуги генерала не мог охладить пыл собравшихся. Наконец он не выдержал и рявкнул:

— Отставить разговоры, господа-товарищи, имейте же совесть.

Совесть у собравшихся явно присутствовала, потому что полупьяный гвалт за столом резко закончился.

— Вот это дело, — удовлетворенно произнес генерал, — третий тост я предлагаю выпить молча за тех, кто в море. Иными словами за тех, кого с нами по той или иной причине нет. Присутствующие молча выпили, а вот закусить тихо

не удалось. В нависшей над столом тишине были отчетливо слышны стук вилок и разнообразное чавканье.

После третьего тоста собравшимся было предложено перекурить и размяться на танц-поле. Именно так и сказал хозяин кафе, появившись возле стола.

Правда, сначала он спросил о настроении собравшихся:

— Уважаемые гости! Все ли вас устраивает, может быть, есть какие-нибудь пожелания?

И когда единственным пожеланием гостей оказалось желание перекурить, хозяин кафе предложил:

— Дорогие гости! Конечно, перекурите, а кто желает, может выйти на танц-пол и потанцевать. Для вас играет наш джаз бенд.

Вот ведь как, не просто три заштатных музыканта, а джаз бенд.

На танц-поле остались только Татьяна Васильевна да Сергей Александрович, а остальные направились на свежий воздух, чтобы выпустить в него сигаретного дымку.

Мы не станем прислушиваться к разговору Татьяны Васильевны с Сергеем Александровичем, пусть себе воркуют. А вот разговор курильщиков очень даже интересно послушать.

— Кто-нибудь может сказать, почему нет Людки Ворониной, — закурив сигарету, спросил Вячеслав Михайлович, — ведь я с ней за одной партой сидел.

— А Людка после школы вышла замуж за какого-то узбека и уехала с ним на родину, — после минутного молчания сообщила Ульяна, — несколько раз она приезжала навестить свою мать. В последний раз я видела Людку лет десять тому назад на похоронах ее матери. У нее вроде бы три девочки.

— Да, раскидала нас жизнь по свету, — тяжело вздохнул Владимир Иванович.

— Раскидать-то раскидала, а вот собрать никак не может, — вступил в разговор Кирилл Григорьевич.

— Теперь уж вряд ли соберешь, — произнес генерал, — мои знакомые и хотели бы вернуться в Россию, так бюрократы замучили бумагами. Нашему русскому человеку ставятся всякие препоны при оформлении гражданства и прописки. Чинуши без стыда и совести вымогают у них последние деньги.

— Да, куда ни глянь, везде одни рвачи и мздоимцы, — согласился с ним Валерий Никифорович. Он хотел еще что-то добавить, но Светлана Акимовна перебила его:

— Что это вы, мужики, скучную тему завели. Рядом с вами симпатичные женщины, а вы все о проблемах. А ну-ка приглашайте на танцы.

Евгений Максимович тут же подхватил Светлану Акимовну под ручку, а за Ульяну уцепился Кирилл Григорьевич. Остальные потянулись за ними.

А за столом уже сидел раскрасневшийся Сидорыч. Никто и не заметил, как тот, быстро выкурив свою папиросу, вернулся в зал и, наполнив водкой фужер, залпом его осушил.

Джаз бенд перестал играть, и встреча одноклассников была продолжена.

Слово было предоставлено Валерию Никифоровичу, и тот произнес:

— Дорогие друзья-товарищи, не все сегодня смогли приехать на эту встречу по разным причинам. Я могу сказать только о тех, с которыми пытался связаться. Родственники Вовки Топегина рассказали мне о том, что в начале девяностых нарвался он на каких-то махинаторов, и те отобрали у него квартиру. Теперь неизвестно жив он или бомжует где-то. А вот у Инки Поляковой жизнь удалась, но живет она в Петропавловске-Камчатском и добраться до нас в этот раз не смогла, слишком накладно. Зато она прислала мне телеграмму, которую я и хочу зачитать: «Дорогие однокашники, очень хотела вас повидать, но не случилось. Желаю хорошей встречи и приятных воспоминаний. Я на Камчатке буду пересматривать школьные фотографии и вспоминать вас. Ваша Инка».

Услышав привет с Камчатки, одноклассники оживились и предложили выпить за Инку.

После небольшого перерыва на закусон слово было предоставлено Вячеславу Михайловичу, но возмущился подвыпивший Сидорыч:

— А что это заслуженному пролетариату слово не дают. Я, может быть, тоже хочу выступить. Ты, Славеньгий, посиди, — обратился он к Вячеславу Михайловичу.

— Ну, давай выступай, — разрешил Евгений Максимович.

— А вот и выступлю, — заплетающимся языком промямлил Сидорыч, — не лыком, чай, шит.

Не жалуют что-то в последнее время рабочий класс, а ведь на нем все и держится. На наших плечах все и держится, — на этом месте он покачнулся, и, если бы не сидевший рядом Денис Тимофеевич, завалился бы на стол.

— А что, можно и за рабочий класс, — поддержал его Евгений Максимович, — давайте-ка выпьем за рабочий класс.

Сидевшие за праздничным столом дружно его поддержали.

И именно этот тост окончательно выбил Сидоровича из строя. Опустошив стопку, он как-то сразу обмяк и чуть не упал со стула.

Денис Тимофеевич и Владимир Иванович помогли ему переместиться к гардеробу и уложили на диван.

Потери бойца постарались не заметить, и банкет был продолжен.

По его окончании решили собираться на встречи каждый год. Люди так соскучились по общению.

ВСТРЕЧА

Эта встреча, так взволновавшая меня, произошла в один из весенних солнечных дней в вагоне пригородной электрички.

Я сидел у окна и мысленно готовил себя к очередному занятию с моими учениками.

За окном проплывал знакомый пейзаж с просыпающейся природой и распускающимися деревьями. Вагон был озвучен веселым щебетанием студенток и незлобивым ворчанием старушек.

Напротив меня присел молодой капитан с крылышками на петлицах форменной одежды.

Лицо капитана привлекало своей необычайной открытостью, и я невольно засмотрелся на него, пользуясь тем, что тот углубился в чтение «Собеседника».

Читал капитан увлеченно и эмоционально. Он то сердито хмурился, то искренне радовался прочитанной информации.

Вдруг я заметил, что ресницы его стали предательски подрагивать, а в глазах появился неестественный блеск. Капитан тяжело вздохнул и надолго задумался, уставившись в одну точку. Так он и сидел, не слыша монотонного стука колес и не замечая вагонной суеты. Все пассажиры уже вышли на конечной станции из вагона, а капитан все сидел, думая о чем-то своем.

«Товарищ капитан — обратился я к нему, — пора уже выходить. Электричка следует в депо».

Капитан отрешенно посмотрел на меня, затем глянул в окно и произнес: «Уже Ленинград? Как незаметно пролетело время».

Мы вместе вышли из вагона и поспешили к станции метро. Перед входом в метро я все же решился и спросил капитана о причине, так взволновавшей его.

«Понимаете, читал сейчас в „Собеседнике“ письма ребят, которые в свое время служили в Афганистане, и подумал о своем друге. Если у Вас есть время, то я могу вкратце рассказать о нем».

До начала занятий оставалось еще более двух часов, и я согласился.

Мы присели в скверике на привокзальной площади, и капитан начал свой рассказ:

«Три года тому назад нам пришлось перевозить группу раненых из Кабула в Союз. Самолет был полностью подготовлен, раненые размещены в грузовой кабине, экипажу оставалось только занять свои места в кабине пилотов и приступить к выполнению ответственного задания. Проходя к кабине пилотов, я вдруг услышал тихий голос, обратившийся ко мне: «Товарищ капитан, дядя Сережа, здравствуйте».

Оглянувшись на голос, прежде я увидел внимательные воспаленные глаза. Голова и руки обладателя этих глаз были плотно забинтованы. Он лежал на носилках и, не моргая, смотрел на меня. Я подошел и молча присел рядом с бойцом.

«Дядя Сережа, Вы, наверное, не узнаете меня, да и не мудрено. Я-то Вас сразу узнал, Вы же мой сосед по подъезду. Помните, как Вы учили нас играть в футбол возле нашего дома».

Я сидел и не знал, что ответить, но глаза бойца умоляюще смотрели на меня, и я впервые в жизни солгал: «Помню, конечно, помню. Ох, и дружная была у вас компания — один за всех...»

«Дядя Сережа, я ведь тоже поступал в военное училище, да не прошел по конкурсу. Мы вместе с Петькой поступали. Помните Петьку-то? Он поступил, скоро офицером станет».

«А что случилось-то с тобой, браток, — попытался я смелить тему разговора, — хочешь, я тебе попить принесу?»

«Нет, спасибо» — ответил он и тяжело вздохнул.

«Ты не волнуйся — попробовал успокоить я раненого бойца, — сейчас мы тебя вмиг на Родину доставим. А пока отдохни немного. Видишь, меня экипаж заждался».

Я старался сказать эту фразу бодрым и решительным голосом, но губы не слушались меня и шепелявили что-то невнятное.

Тронув бойца за плечо, я поспешил занять свое место.

После посадки я вновь подошел к своему новому знакомому, пожелал ему скорейшего выздоровления и большого счастья. На прощание, я оставил раненому бойцу свой адрес, написанный на клочке бумаги.

Я шел к выходу из самолета, а спину мне жег его прощальный взгляд, пытавшийся остановить меня. Я понимал, что самого главного боец мне так и не успел сказать, но остановиться и вернуться назад уже не мог, о чем в дальнейшем очень жалел.

Капитан прикурил сигарету и жадно затянулся. Несколько минут мы сидели молча, и я не решался нарушить это молчание. Докурив сигарету, капитан продолжил свой рассказ:

«Вы, наверное, хотите спросить, в чем заключалась моя неправда? Просто, никакой я не дядя Сережа и никогда не был соседом того юноши. Он меня с кем-то спутал, а я не хотел его огорчать. Теперь-то я понимаю, что не стоило тогда обманывать этого сильного человека. Сильного и совсем еще молодого».

«А Вы, что, опять встречались с Вашим новым знакомым?» — спросил я.

«К сожалению, не встречался. Через год после той встречи я получил письмо от Володи. Именно так зовут моего

нового друга. Написал он мне его только после окончательного определения своей дальнейшей судьбы. Заканчивалось это письмо такими словами:

«Пока афганскую землю будут топтать враги революции и пока не перестанут страдать афганские дети, не смогу я спокойно смотреть людям в глаза. Я должен быть там, где остались мои боевые товарищи».

Потом письма стали приходиться чаще, и теперь мы постоянно переписываемся с Володи.

Я очень волнуюсь, если письма от Володи по каким-то причинам задерживаются».

«Так значит, Володя опять в Афганистане»? — спросил я капитана.

«Да, он окончил школу прапорщиков и снова отправился в Афганистан. Каждое его письмо — это обстоятельный рассказ о героизме и подвигах наших воинов. О себе только то, что здоров, что все у него хорошо, и трудностей вроде бы никаких нет. Недавно прислал свою фотографию. Грудь его украшают орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги».

Капитан опять закурил, а я сидел и заново осмысливал все сказанное им. Как виноваты мы перед Володиным поколением, как благодарны мы ему за отвагу и честь.

Прощаясь, мы договорились обязательно встретиться вновь.

ВЫСТРЕЛ В ГОЛОВУ

Служил старший лейтенант Велехов в отдельной авиационной эскадрильи, расположенной под Ленинградом, вот уже двенадцать лет. Некоторые его однокашники уже майорами ходили, а он за эти годы только раз отмечал получение очередного воинского звания. Да и как его получишь, если должность авиационного техника по АДО другого звания не предполагала. Работу свою Анатолий Велехов любил и ответственно к ней относился. А вот любви к жене Татьяне Анатолий уже давно не испытывал. Конечно, поначалу какое-то чувство тянуло его к Татьяне, но назвать это чувство любовью Анатолий бы не решился.

Все произошло как-то уж очень быстро. Участь на последнем курсе училища, познакомился Анатолий с Татьяной в училищном клубе на вечере. После танцев проводил он ее, как положено, до дома и хотел уже распрощаться, как обхватила его Татьяна своими цепкими руками и присосалась так, что сил никаких не было от нее отцепиться. Точнее, силы на дело нехитрое он все же нашел. И так уж случилось, что Татьяна оказалась первой девушкой, с которой он оказался так близок.

Может быть, именно поэтому в тот вечер, в порыве страсти он и промямлил: «Я люблю тебя, Таня».

А Таня оказалась девушкой сметливою и очень чувственной. Будешь тут чувственной, если подружки уже повыходили замуж за курсантов, а она, сколько ни встречалась с ними, никак не могла окольцеваться.

Мертвой хваткой она вцепилась в Анатолия и уже не выпустила до самого ЗАГСа.

Анатолий, может быть, и отцепился бы от нее, но когда она известила его о своей беременности, сдался и дал согласие на свадьбу. Не дай бог, Татьяна до политотдела дойдет.

Свадьбу отгуляли перед самым выпуском. Уже на свадьбе Татьяна изрядно выпила и не единожды вешалась на шеи однокашников Анатолия. Родители Анатолия попытались в последний раз его отговорить, но что сделано — то сделано. Чувственные гормоны оказались сильнее родительских увещаний.

После свадьбы Анатолий все же высказал Татьяне пару ласковых, а заодно поинтересовался ходом беременности, на что жена как-то уклончиво ответила:

— Пока малыш меня не беспокоит.

Анатолию этот ответ показался странным, но занятый подготовкой к отъезду в часть, он удовлетворился и им.

И вот лейтенант Велехов со своей молодой женой прибыл в часть для дальнейшего прохождения воинской службы. Дали им тогда комнатку в коммунальной квартире, в которой проживала семья механика по авиационному оборудованию, прапорщика Матвеева.

Поначалу лейтенанта определили в группу наземников, но он так просился на борт, что командование эскадрильи пошло ему навстречу, и Анатолий Велехов стал членом одного из экипажей. А служба летного экипажа военно-транспортной авиации нередко разбавляется командировками в тот или иной регион нашей необъятной Родины.

Вот и экипаж, к которому был приписан лейтенант Велехов, частенько убывал в командировки.

Из первой командировки Анатолий частенько звонил своей жене, интересуясь ее здоровьем и поведением еще не родившегося малыша. В один из таких звонков он узнал, что у Татьяны случился выкидыш. Узнав об этом, он очень сильно расстроился и с трудом дождался окончания коман-

дировки. А как же не расстроишься, если ожидаемый ребенок уже не родится. Да и состояние жены его тоже волновало, мало ли что могло случиться при выкидыше.

По прибытии на базу он отпросился у командира и поспешил домой. Татьяна его встретила так, будто он никуда и не убывал. Анатолию даже показалось, что жена была под небольшим кайфом.

— Наверное, переживает из-за потери малыша, — подумал он и не стал резко реагировать на состояние жены.

Жена тем временем накрыла на стол, достала из тумбочки бутылку водки и предложила выпить за его возвращение. После стопки глаза у нее загорелись, она встала со стула, подошла к Анатолию и его обняла.

— Слава богу, — промелькнуло у Анатолия в голове, — а я невесть что подумал.

Ночью Татьяна удовлетворила его на все сто процентов, отдавшись, как в последний раз. Впрочем, в постели она всегда была горячей и обворожительной.

Но поутру она встала не с той ноги. На все вопросы Анатолия отвечала резко и неохотно. Списав ее резкость на недосып, Анатолий поспешил в часть. Настроение его нельзя было назвать хорошим. Это заметили и сослуживцы.

После другой командировки Анатолий обратил внимание на изменившееся поведение соседа. Раньше они могли поболтать на кухне или перекинуться парой шуток, а теперь прапорщик отводил глаза и старался уйти от разговора. Да и Татьяна вдруг стала курить и никакие увещания не могли заставить ее бросить эту вредную привычку.

Червь сомнений еще активней внедрился в сознание Анатолия, но он сдерживал себя, пытаясь развеять эти самые сомнения. Да и работа отнимала слишком много времени, чтобы заикливаться на поведении жены.

Через пару лет Велеховым дали отдельную однокомнатную квартиру, и Анатолий немного успокоился.

— Вот теперь заживем, — думал он.

Вот только ребенок у них так и не получался. Может быть, поэтому Татьяна стала чаще выпивать и по своему усмотрению использовать время длительных командировок Анатолия.

По гарнизону уже давно ползали слухи об ее ненасытной тяге к мужикам, но Анатолий не обращал на них особого внимания. Он продолжал честно выполнять свой воинский долг, не думая о наградах и почестях.

Иногда он пытался заговорить с женой на тему слухов, но та всякий раз списывала это на злые языки завистливых баб, которых, по ее словам, в гарнизоне было много.

После ее высказываний сомнения все же оставались, но бурная ночь не оставляла от них никаких следов.

Так тянулось до тех пор, пока злые языки не внедрились в экипаж. С этого момента старший лейтенант Велехов стал объектом злых шуток и подначек. Всем известно, что языки у мужиков развязываются после третьего стопаря. И вот тогда держись, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Да ладно бы только пьяные разговоры, страшнее были осуждающие взгляды однополчан. И эти взгляды Анатолий стал ощущать всеми фибрами израненной души.

И вот настал тот день, когда израненная душа не выдержала, и случилось то, что случилось.

В этот день старший лейтенант Велехов заступил в наряд дежурным по части. Получив пистолет и приступив к дежурству, Анатолий проверил посты и вернулся в комнату дежурного.

Дождливая погода не добавляла Анатолию оптимизма, а шальные мысли, как назло, будоражили его сознание. Что он только не передумал за этот вечер.

Он перелистал в уме все страницы супружеской жизни и не нашел ничего радужного, кроме безумных ночей, проведенных с Татьяной.

Но одними ночами сыт не будешь. Наоборот, в картинки этих самых ночей вдруг стали врываться другие мужики,

и их участие в любовном безумии было страшнее любого испытания.

Анатолий вскочил и, словно ополоумевший, выскочил из комнаты дежурного. Непослушные ноги понесли его в сторону родного дома. Каждый шаг добавлял Анатолию небывалой решимости, и только у порога квартиры он на секунду задержался, потом открыл ключом дверь и вошел в спальню.

На кровати лежала жена в объятиях замполита эскадрильи. Кровь прилила к голове Анатолия, он выхватил из кобуры пистолет и выстрелил сначала в замполита, потом в ошалевшую Татьяну.

Если бы он позволил ей сказать, хотя бы, слово, второго выстрела могло и не случиться. Но решимость вовремя спустила курок.

После выстрелов на Анатолия навалилась полная опустошенность. Присев на стул, он несколько минут тупо смотрел на бесчувственные тела, потом сунул пистолет в рот и сделал последний выстрел. Последний выстрел в голову.

ДВЕ ЖЕНЫ БОРИСА СМИРНОВА

Жил наш Борис, поживал, да добра наживал со своей женушкой Галиной Борисовной. Была Галина Борисовна дородной хохлушкой с совсем незамысловатыми потребностями. Самым главным для нее была семья и все, что вкладывалось в это понятие. Борис тоже особыми изысками не отличался, был худосочным и непривередливым муженьком. Обзаведясь ранней лысиной, на особое расположение женщин он не рассчитывал. Да и до женщины ли пашущему с утра до вечера человеку. Будешь тут пахать, если два рта в лице сына и дочери постоянно ждали его, не скрывая своего аппетита.

Так бы и жили Смирновы в мире и согласии, но напился как-то раз Борис до потери памяти. И вернулась ему эта самая память только на следующее утро в квартире доселе незнакомой женщины. Ощупав взглядом свое голое тело, Борис посмотрел по сторонам, а заметив бутылку пива, дрожащей рукой схватил ее и на одном дыхании опустошил. По телу разлилась прохладная приятность, и снова захотелось жить. Захотеться-то захотелось, но прежде нужно было определиться со своим местонахождением. Борис встал с дивана, накинул приготовленный заботливой рукой халат и направился на кухню, откуда доносились какие-то звуки, и потягивало чем-то жареным. На кухне он застал худощавую женщину, суетившуюся возле плиты.

— С добрым утром, Борис, — поздоровалась она с ним.

— С добрым утром, — пробурчал в ответ Борис, — как это я здесь оказался?

— Все очень просто, — улыбнулась женщина, — вы вчера выпили лишнего и прикорнули на дворовой скамейке. Я побоялась, что вы замерзнете, поэтому перетащила вас к себе. Хорошо, что сосед помог мне в этом.

— А как зовут-то Вас, спасительница?

— А зовут меня Катериной, — представилась женщина.

— А почему я оказался голым на вашем диване, — опять спросил Борис.

— А потому, что вы сильно запачкались, и я постирала Ваше белье.

— Что, и куртку выстирали, — с удивлением спросил Борис.

— И куртку выстирала, — подтвердила Катерина, — а давайте лучше позавтракаем, а то остынет все.

Она усадила Бориса за кухонный стол и предусмотрительно выставила на стол бутылку беленькой. Увидев бутылку, Борис заглотнул внушительную слюну и потянулся к ней, но Катерина опередила его и сама наполнила два граненых стакана.

— Борис, давайте выпьем за знакомство, — предложила она.

Борис в одно мгновение опрокинул стакан и без особого желания приступил к закуске.

А на столе были соленые огурцы и квашеная капуста, салат «Мимоза» и балычок. В общем, есть — не хочу.

— Как это не хочу, очень даже хочу, — промелькнуло в голове у Бориса. И, несмотря на похмелье, он за столом хорошо потрудился. Допив и Катеринин стакан, Борис поклевал салату, но закружившаяся голова чуть не уронила его со стула. Катерина помогла ему добраться до дивана и прилегла рядом с ним. Пока он спал, Катерина внимательно обследовала его тело. Давненько она не видела в своей кровати голого мужика. В целом он ей понравил-

ся, и только Борисова грудь показалась ей немного хиловатой.

— Какой-никакой, а все мужичок, — подумала она.

Проснулся Борис уже под вечер. Увидев рядом Катерину, он попробовал ее обнять, но какая-то сила так и удержала руку на весу.

— Извини, Катерина, но мне пора домой, а то загулялся я что-то, — извинился Борис и постарался поскорей освободить диван.

Катерина не стала его удерживать, она, молча, передала ему высохшую одежду и потянулась на кухню. Уже перед самым уходом, Катерина спросила Бориса:

— А ты еще придешь ко мне?

— Конечно, приду, — с уверенностью пообещал Борис и поспешил покинуть уютное Катеринино гнездышко.

Выйдя на улицу, Борис подумал про себя:

— Вряд ли я еще раз приду сюда.

Дома, конечно, состоялся неприятный разговор с женой Галиной. Перемежая русские и украинские слова, Галина обрушила на его голову увесистую тираду.

— Слава богу, что под рукой не оказалось сковородки, — подумал Борис, прикрыв на всякий случай свою лысину.

Но до сковородки дело не дошло, и Галина, выпустив пар, уже спокойней предложила Борису попробовать приготовленный ею борщ.

Чтобы сгладить свою вину перед женой, Борис готов был съесть не только борщ, но и протолкнуть в пересохшее горло тушеную картошку с мясом, запив ее кваском.

— Все-таки, какая хорошая кухарка, моя женушка, — подумал он, а вслух старательно нахваливал приготовленные ею блюда.

И эти нахваливания сыграли свою положительную роль. Сердце Галины оттаяло, она прижала непутевую голову Бориса к своей увесистой груди и произнесла:

— Боря, ты больше не будешь меня огорчать?

Тепло женской груди ударило ему в голову, и он поспешно произнес:

— Конечно, не буду. Ну, поднабрался с друзьями, с кем не бывает.

— Да уж пусть лучше с кем-нибудь будет, но не с тобой.

— Ну, хорошо, сказал же, что больше не повторится, — буркнул Борис.

На этом их первое выяснение отношений и закончилось.

Долго Борис удерживал свое желание побывать у Катерины, но через месяц не выдержал и нарисовался возле ее двери. Среагировав на звонок, Катерина открыла входную дверь и, увидев Бориса, не смогла сдержать своей радости. Ее глаза так и брызгали флюидами возбуждения, и это возбуждение в тот же миг перекинулось на Бориса. Обняв Катерину, Борис присосался к ней своими губами, отчего ноги женщины подкосились, и она повисла на Борисовых руках. А дальше все было по-взрослому, поэтому пересказывать свершившееся не имеет никакого смысла. Во-первых, потому, что читатель и без описания может обо всем догадаться, а, во-вторых, для того, чтобы не слишком его возбуждать.

Потом был ужин при свечах, которые предусмотрительно приготовила Катерина. На ночлег в этот раз Борис не остался, но зато оставил Катерине незабываемое впечатление от своего визита.

И такие встречи стали происходить все чаще и чаще. Галинино сердце, конечно, чувствовало что-то неладное, но делать какие-то резкие движения она никак не решалась.

Так и жил Борис, как у Христа за пазухой и на четырех грудях сразу.

А с наступлением лета, Катерина пригласила его в Египет. Борис не сразу принял ее предложение. Его внутреннее «я» некоторое время сопротивлялось внешнему желанию, особенно, при виде Галины. Но соблазн был слишком велик, и Борис сдался. Наговорив Галине кучу приятностей, он сообщил ей о своей командировке.

— А что это тебя в командировку-то посылают, — спросила она, — ты же раньше никуда не уезжал.

— Раньше не уезжал, а теперь посылают, — с некоторым раздражением ответил он.

— И надолго тебя посылают?

— Да на две недели всего.

— Ничего себе, всего, — возмутилась Галина, — целых две недели он называет «всего».

— Ну, вот так получилось, кроме меня некому туда поехать.

— А куда это туда, — заглянув ему в глаза, задала новый вопрос Галина.

— Да, в Среднюю Азию, была бы она неладна, — на ходу придумал Борис, — не могут чурки без нас запустить новое оборудование. Им, видите ли, наставников подавай.

Ну, дает Борис, врет, как из рога изобилия и не краснеет.

И чем убедительнее говорил Борис, тем доверчивей становилась Галина. В конце концов, она собрала Бориса в командировку, и тот отчалил в южные края.

Две недели Борис с Катериной любовались красотами Египта, коптили свои тела под палящим солнцем и омывались в теплых водах южного моря. Какая же это благодать.

С уверенностью могу предположить, что через такой отдых прошла большая часть читателей, поэтому на деталях останавливаться не буду.

Возвращение блудного мужа было встречено с нескрываемым подозрением и некоторой настороженностью.

— Глянь-ка, Света, каким загорелым из командировки возвратился твой отец, — позвала Галина дочку.

Светлана вышла в прихожую и обомлела:

— Папка, а где это ты так загорел?

— Как где, в Средней Азии, — бодренько ответил Борис.

— А что это ты там, только и делал, что загорал, — с издевкой спросила Галина.

— Почему, только загорал, я и работал много работал, — менее уверенно произнес Борис.

— Посмотрите на этого работничка, даже загорелая лысина говорит о том, что ты очень перетрудился, — еще с большей издевкой произнесла Галина.

— Ты бы лучше позволила мне переодеться, а потом и задавала вопросы.

— Ах, тебе еще надо переодеться. Может быть, ты и от жратвы не откажешься?

— И не откажусь, — поднапрягшись, произнес Борис.

— Мама, ну дай же папе переодеться, — вклинилась в разговор Света.

— Да уж пусть идет переодеваться, — разрешила Галина и прижалась к стенке, дабы пропустить Бориса.

Протискиваясь между стенкой и Галиной, Борис не мог ни коснуться ее шикарной груди. И это касание хоть на малую долю сняло Галинину подозрительность, но только на малую долю.

Привезенные Борисом подарки тоже сделали свое миротворческое дело. Галина тут же примерила подаренный ей цветастый халат, а Света восхитилась соломенной шляпой, купленной для нее.

По старой русской традиции подарки требовали обмытия, что они и сделали. А обмытие имеет приятную особенность сглаживать недопонимание и сблизжать конфликтующие стороны.

В общем, на этом конфликт был исчерпан, да и конфликт ли это был.

Правда, в постели Галина самым тщательным образом исследовала загорелое тело Бориса и уgomонилась только после получения очередной порции ласк.

Через несколько дней Борис принес с работы грамоту, в которой черным по белому было написано следующее:

— Настоящей грамотой награждается Смирнов Борис Федорович за профессиональную помощь нашим киргиз-

ским партнерам в наладке оборудования и обучении персонала.

Ну, естественно, подпись и печать.

Эта грамота расставила все точки над «и», но многоточия продолжали копошиться в Галинином сознании.

Сердцем она чувствовала какой-то подвох, но разумом постоянно пыталась затушить тлеющие угли сомнения.

А Борис, раз вкусив вседозволенности, продолжал встречаться с Катериной, которая готова была мириться с его двойной жизнью, так как одиночество не делало ее счастливой.

В конечном итоге Галина тоже смирилась с неадекватным поведением Бориса и с его редкими командировками в Среднюю Азию.

А, может быть, просто приняла это за закономерную неизбежность, как принимает ее немалое число российских женщин.

Ничего не поделать, такова жизнь. И она нередко диктует свои непредсказуемые правила, от которых, порой, невозможно отказаться, ибо каждый отказ может привести к необратимым последствиям. А надо ли это нам?

ДВОР НАШЕГО ДЕТСТВА

Сегодня, вовсе не случайно я взялся за перо, решив пробудить свою память.

Детство постоянно сидит в человеческой памяти и терпеливо ждет своего часа.

Вот и для меня настал, по видимости, день воспоминаний, день моего путешествия в детство. Наше детство выпало на послевоенные годы, годы трудового энтузиазма, взаимовыручки и неподдельного коллективизма.

Мы ощущали чувство локтя и во дворе, и в школе. Но, все-таки, больше в то время нас воспитывал двор. Двор, но не улица в худшем ее смысле.

Наш двор был большим, уютным и достаточно знаменитым. С одной стороны его ограничивали два дома. Один из них своим фасадом выходил на улицу Советскую. На его стене была установлена мемориальная доска в честь основателя русского театра Федора Григорьевича Волкова. Доска свидетельствовала о том, что именно в этом доме жил в свое время Ф.Г.Волков, и посмотреть на обитель великого русского актера периодически приходили толпы экскурсантов. Они внимательно слушали экскурсоводов, многозначительно качали головами и громко обсуждали только что услышанный факт.

Мы проходили мимо экскурсантов с высоко поднятыми головами, с таким чувством, будто сами были великими актерами, и только благодаря нашему таланту набрал обороты русский театр.

С другой стороны границами двора были забор и старые сарайки, в которых держалась всевозможная живность от куриц до поросят. Третий дом делил наш двор на две части, которые мы соответственно называли передним и задним дворами.

В переднем дворе нам приходилось играть под постоянным наблюдением взрослых, так как все окна смотрели на этот двор очень внимательными взорами. Да и длинная скамейка, на которой с утра до вечера сидели дворовые кумушки, находилась тоже в этом дворе.

Зато на заднем дворе мы были полными хозяевами или, по крайней мере, так нам в то время казалось.

Там была наша законная территория со своим детским и, безусловно, справедливым уставом.

Детворы в трех домах жило много, и в свободное время она вся высыпала во двор, наполняя его своими характерами и привычками.

Как в любом дворе, имелись свои заводилы и у нас.

У девчонок заводилой была Ритка Марченко — широкоплечая и, на первый взгляд, неповоротливая девчонка. Но это только на первый взгляд. На самом деле она была очень подвижной и смелой девчонкой, которую побаивались даже некоторые мальчишки.

За глаза ее обзывали Ритой-Читой, но это только за глаза. А так ее звали просто Риткой. Всем казалось, что Ритка живет счастливо, ибо никогда не унывает. На самом же деле жизнь Ритки сладкой вряд ли можно было назвать.

Ритка жила вместе со своей мамой Кларой Михайловной — сухой, замкнутой и неразговорчивой женщиной. Ходили слухи, что Клара Михайловна была цыганкой. Может быть, такие слухи возникли оттого, что носила она всегда длинные пестрые платья, большие сережки в ушах и красивое красное ожерелье на шее.

Домочадцы делали тщетные попытки узнать, где работает Клара Михайловна, но ни она сама, ни Ритка никогда

не говорили об этом. А так как большую часть дня Клара Михайловна пропадала на работе, большинство из домохозяек считали ее работу ответственной и важной.

Может быть, эта ответственная работа и наложила на Клару Михайловну печать замкнутости и строгой придиристичности, которую на себе часто ощущала Ритка.

Но как бы ни доставалось Ритке, она никому не жаловалась и на следующий день выходила во двор, как ни в чем не бывало. Чего-чего, а гулять Ритке никогда не запрещалось, и за это она была очень благодарна Кларе Михайловне.

У мальчишек заводилой был Толька Большаков, и не столько за свой рост и силу, сколько за неисчерпаемую изобретательность и выдумки. Деловые предложения и варианты озорства так и сыпались из него и, что самое важное, большинство из них имели нашу поддержку.

Толик, как и Ритка, жил вдвоем со своей мамой, так как две его старших сестры уже давно вышли замуж и жили своими семьями, а отец погиб в самом конце войны где-то под Варшавой.

Раньше мы как-то не задумывались над причиной нашей безотцовщины. Только значительно позже мы смогли осознать, какой ценой досталась нашему народу Победа над фашизмом.

А пока отсутствие отцов мы принимали как само собой разумеющееся и полностью отдавались своему бесшабашному детству.

Я уже упоминал о деревянных сараях, которые, вместе с поленницами дров, охраняли задний двор и играли немаловажную роль в нашей дворовой жизни. Именно здесь мы организовывали настоящие сражения. У каждого воина была своя деревянная сабля, свой фанерный щит и, конечно же, свой боевой характер. С каким старанием мы готовили боевое оружие, какие замысловатые вензеля выжигали на рукоятках своих боевых клинков, с какой любовью разрисовывали фанерные щиты.

Самым главным художником-консультантом был старший брат Игорехи Кузнецова, Сергей. Он уже учился на втором курсе автомеханического техникума, увлекался историей и живописью. Его мнение было для нас вполне профессиональным и авторитетным.

Сражались мы не на жизнь, а на смерть, но после примирения не было среди нас обиженных проигравших и зазнаек-победителей. Мы еще долго обсуждали наши жаркие баталии, подшучивая над неудачниками. Сражение на саблях было, как мы считали, сугубо мужским делом и, пожалуй, только в этом мероприятии девчонки, как слабый пол, не участвовали. Для них на время боев существовали классики и скаалки. В остальных играх, включая футбол и даже ножички, девчонки принимали самое живое участие.

А игр было великое разнообразие: лапта и двенадцать палочек, прятки и чурики, фантики и сломанный телефончик, казаки-разбойники и попа-заганяла, городки и вышибалы, чижик и жоска и т. п.

Все игры очень сложно перечислить, еще сложнее их описать.

Самым интересным было то, что некоторые игры привлекали и взрослых. Было очень смешно наблюдать как, играя в попа-заганяла, вместе с детворой на перегонки бежал, отдуваясь, толстый дядя Вася Сочилов, по прозвищу Карась. Это прозвище подчеркивало основное увлечение дяди Васи, но кроме рыбалки он еще очень любил ходить в лес по грибы. Он знал все грибные места в округе и, к нашей великой радости, часто брал нас с собой. Всех желающих дядя Вася взять не мог, поэтому нам приходилось завоевывать право на грибной промысел своим примерным поведением. Благодаря дяде Васе мы на практике прошли грибную науку и всем сердцем полюбили природу.

Несмотря на свою доброту, дядя Вася при сборе грибов придерживался некоторых строгих правил.

Ему очень не нравилось, когда кто-нибудь из нас плелся за ним по пятам. И, если в наших рядах находился ослушник, то при выходе на грибное место дядя Вася изрекал: «Чур, эта поляна моя». И тут уж ничего не поделаешь, лучше молча ретироваться, выискивая новое грибное место. Мы уже знали, если дядя Вася не откликается на наши ауканья, значит, набрел на большое грибное место и пока не соберет все грибы, ни за что не откликнется.

Но как только с дяди Васиного носа спадали очки, по лесу начинали раздаваться отчаянные призывы о помощи, и тут-то уж в полной мере отливались дяде Васе слезы обиженных.

Какой-нибудь шутник не сразу отдавал дяде Васе найденные очки. Он некоторое время ходил рядом и восхищенно приговаривал: «Ах, какой хороший грибок. Ух, ты, вон еще один»! И чем больше проказник приговаривал, тем сильнее расстраивался дядя Вася.

Но чтобы ни случилось с нашим дядей Васей, без грибов мы никогда не возвращались, а чаще ходили за определенным видом грибов: сегодня — за рыжиками, в следующий раз — за красными или боровиками.

Но вернемся в наш двор, заглянем в беседку, где установлен обитый стол для игры в домино и там с утра до вечера старички забивают «козла». Вместе с ними играет только одна женщина — старая аристократка, тетя Сима. Она живет на третьем этаже, ее балкон смотрит как раз на беседку. Как только в беседке раздается призывный стук костяшек, так тетя Сима, с неизменной папирсой во рту, спускается во двор и надолго располагается за столом. Надолго потому, что считается одним из лучших игроков и ее очень трудно высадить из-за стола. Но самое главное заключается в том, что тетя Сима легко переживает свое поражение и никогда не покрикивает на своих партнеров. Мужчины при тете Симе тоже немножко смиреют и считают за честь сыграть в паре с ней.

Нам очень хочется хоть одним глазком заглянуть в беседку, но нас туда не пускают — не детское это дело — сиднем сидеть. Немного расстроившись, мы вычерчиваем возле беседки на земле большой круг, делим его на равные части по количеству игроков и с помощью перочинного ножа пытаемся оттяпать друг у друга по солидному куску. Игра идет до тех пор, пока один из нас не вытесняет остальных из круга. Игра нас так увлекает, что мы не замечаем, как бежит время.

Неподалеку другая группа ребят лупит лаптой деревянного чижа, стараясь как можно дальше его забросить. Ведущий пытается на лету его поймать, а остальные мешают ему и гонят чижа дальше. И чиж, и лапта, как и атрибуты для других игр, сделаны детскими руками и являются общими. Но жоску для жонглирования и монету, или чекан, для игры в расшибалку каждый уважающий себя игрок должен иметь свои и дает их в другие руки только в исключительных случаях.

Жоска представляла собой маленький мешочек, набитый солью или речным песком. Чтобы стать победителем, этот мешочек необходимо было как можно большее число раз отжонглировать ногой. Среди нас были большие специалисты жоски, выбивавшие ее более 300 раз. Чтобы в дальнейшем достойно выступить в состязании, мальчишки, украдкой от других глаз, тренировались где-нибудь в закутке.

Расшибалкой мы называли игру на деньги. За эту игру нам частенько перепало от взрослых, поэтому играли в нее тайком. Валтузя поочередно личными чеканами денежную мелочь, мы старались перевернуть как можно больше этой мелочи.

После игры выигравшие счастливишки бежали на ближайший рынок за семечками. Семечки были такими маслянистыми и в меру жареными, что дух захватывало. Малая доля семечек доставалась и проигравшим, но это уже был жест щедрого и бескорыстного сердца победителя.

Огромной радостью для мальчишек нашего двора был момент, когда заядлый голубятник и молчун Вадька Богомолов открывал голубятню и выпускал на волю своих голубей, самых красивых в нашем представлении голубей в мире. Нам казалось, что в будке этих голубей — целая тысяча, хотя на самом деле, было не более тридцати, но зато каких голубей: и ленточных, и кременчугов, и чаек, и почтарей, и еще бог весть каких.

Мы начинали оглушительно свистеть и махать кепками, не давая голубям сесть на ближайший дом или голубятню. Голуби взмывали высоко в небо и кружились, кружились С каким удовольствием мы наблюдали за свободным полетом красивых птиц. А как громко начинало биться сердце, когда Вадька, расщедрившись, давал на несколько минут голубя тебе в руки. Счастье так и струилось из наших глаз, а разговорам потом не было конца.

Но трудно было добиться расположения заядлого голубятника в силу того, что Вадька был очень некомпанейским человеком. Свою нелюдимость он старался скрыть в общении с голубями.

Может быть, его замкнутость была вызвана неадекватным поведением его отца, дяди Леша.

На фронте дядя Леша был сильно контужен, и после войны ему пришлось сменить свою довоенную специальность токаря. Он сколотил двухколесную деревянную телегу и перевозил на ней крупногабаритные вещи клиентов от магазина до нужного места.

Была после войны и такая специальность — возчик с телегой.

Возчики со своими телегами собирались обычно у самых оживленных торговых точек и ждали своего звездного часа в лице солидного клиента.

В основном, им приходилось перевозить мебель и строительные материалы, дрова и всякий скарб. Так как машин для перевозки в то время не было, то возчики без дела не сидели.

На деятельность Вадькиного отца никто бы внимания не обратил, если бы не его необычное возвращение после рабочего дня. Уж очень дружной и спаянной была артель возчиков, и конец рабочего дня отмечался у них по-своему. По их понятию, было большим грехом не выпить в дружной компании в конце рабочего дня по сто грамм чего-нибудь крепенького. А где сто, там и двести, а там и..... После таких возлияний, дядя Леша прибывал во двор двумя, чередующимися способами. Или он, сильно шатаясь, шумно ввозил во двор свою телегу и засыпал рядом с ней, или кто-нибудь из поделльников подвозил его на телеге к дворовым воротам и там оставлял.

Вадька очень переживал за отца и, может быть, поэтому был замкнутым и обидчивым. Он мог и накостылять любому за насмешки в адрес отца. Но мы уважали Вадьку и старались в его присутствии не говорить о дяде Леше. За это он делал нам еще одну приятность.

Вечером Вадька брал у спящего отца ключ от телеги и катал нас на ней по всему двору. Боязливый визг девчонок и восторженный смех мальчишек не замолкали до тех пор, пока родители не загоняли нас домой.

А назавтра зарождался новый день, и солнечные лучи вновь украшали просыпающийся двор.

Первым во дворе начинал шубуршиться дворник, дядя Ваня Серебряков. Он добросовестно выполнял свои обязанности, несмотря на то, что в войну потерял кисть левой руки. Метла с необычайной скоростью перемещалась по двору, делая его чистым и ухоженным. Проснувшиеся жители выходили утром в ухоженный двор и с благодарностью вспоминали дядю Ваню.

Только по истечении лет до меня дошла мысль о главенствующей роли дяди Вани в жизни нашего двора. Он был в курсе всех дворовых событий и сердцем чувствовал, кому, прежде всего, необходимо помочь. Он был очень общительным и люди отвечали ему взаимностью.

Если в квартире испортился кран или засорилась канализация, ключи от квартиры несли к дяде Ване и рассказывали ему о своей беде. Он сам шел в домоуправление, вызывал слесаря и строго следил за его работой. Халтура под таким приглядом не проходила.

Жильцам не было никакой необходимости отпрашиваться с работы и ждать в течение дня появления слесаря или электрика.

Для больных он мог сходить в аптеку или в магазин, для одиноких молодых мам — за ребенком в садик или в школу. В общем, его трудно было застать сидящим без дела.

Так он убежал от одиночества, от тоски по жене, рано ушедшей из жизни. Единственный сын давно уже работал на Севере, домой не заявлялся, да и не писал. Комната в подвале тяготила дядю Ваню. Он уходил в народ и был всегда желанным собеседником в любой компании.

Но, вместе с тем, дядя Ваня был и первым карающим органом по отношению к забулдыгам и любителям помахать кулаками. Да и нам, мальчишкам за озорство нередко попадало дяди Ваниной метлой. Но мы не обижались на нашего справедливого дворника и, по мере возможности, помогали ему. Особенно зимой наша помощь была ему очень кстати. Снегу за ночь выпадало столько, что быстро убрать его не было никакой возможности.

Тогда почти в каждой семье были металлические ломы и деревянные лопаты для уборки снега.

С помощью лопат расчищались в снегу дорожки к подъездам, а лом помогал справиться со льдом. Причем снег со двора долго не вывозился, в центре его образовывались огромные сугробы, в которых мы вырывали пещеры, зажигали в них свечки и под мерцающий свет рассказывали друг другу самые невероятные истории, почти все похожие на страшилки.

Лучшим рассказчиком был Славка Шумилов, которого мы всерьез называли ходячей библиотекой приключений.

Вскоре нам стала понятна история происхождения этих повествований.

В нашем доме в небольшой комнате чердачного типа одиноко жила горбатенькая баба Рая. В эту комнату вела очень крутая и узкая лестница. До некоторых пор мы побаивались бабу Раю за ее неестественный вид. Больно часто в сказках злые люди представлялись горбунами.

Но Славка Шумилов был ее далеким родственником, поэтому ходил к ней в гости, помогал в заготовке дров, носил их на самую верхотуру. За это баба Рая угощала его вкусным чаем с вареньем и рассказывала ему удивительные истории и сказки. И всегда в рассказанных ею историях побеждало добро, а зло трусливо отступало.

Через Славку стали ходить к бабе Рае и мы. Как прекрасны были эти волшебные вечера на чердаке у бабы Раи. Там, у маленького окошка, мы учились быть добрыми и чуткими к чужой боли, учились сопереживать и вместе преодолевать трудности.

Я никогда не забуду этих дивных вечеров и буду в вечном долгу за них перед доброй бабой Раей.

Зима нам нравилась еще и потому, что снег в это время года был для нас самым основным строительным материалом. Из него мы лепили снежных баб и снегурочек, строили и заливали высокую горку, сооружали снежную крепость, вокруг которой разгорались самые настоящие баталии. Девчонки были санитарками и подносицами снарядов, то есть снежных комков, мальчишки стояли насмерть, не допуская в крепость неприятеля. Только наступление темноты или зов родителей останавливали наше сражение.

В одной из таких баталий Олежке Соколову комком снега угодили прямо в глаз, который сразу же запыл и чуточку посинел. Ни причитания наших санитарок, ни слезы самого потерпевшего не спасли глаз от посинения. Ох уж этот синяк. Он вложил в руки Олежкиного отца лопату, с помощью которой тот развалил нашу крепость.

На следующий день нам пришлось взять самодельные клюшки и гонять этими клюшками резиновый мяч. Олечку мы настойчиво игнорировали. Точнее, делали вид, что не замечаем его. На самом деле, нам было жалко несчастного раненого Олечку.

После игры Олечка ходил вокруг нас и все спрашивал: «Ну, чего вы, я то что»? Но мы оставались глухими к его мольбам.

Каково же было наше удивление, когда на следующий день мы обнаружили на месте разрушенной крепости Олечку с отцом и сестренкой. Они с энтузиазмом делали новую крепость. От их разгоряченных тел валил густой пар, лица их покраснелись, но дело продвигалось не так быстро, как им хотелось.

Мы, не сговариваясь, бросились им на помощь, а дядя Митя, Олечкин отец, все приговаривал: «Да мы сейчас такую крепость отгрохаем, что держись». И мы действительно отгрохали высокую крепостную стену с несколькими ходами сообщения.

Потом сообща полили ее и довольно посмотрели на созданное творение. Больше всех радовался дядя Митя, называл нас настоящими строителями и обещал как-нибудь поиграть в войну вместе с нами.

А с каким волнением мы ждали праздников. В каждой квартире пахло пирогами и хорошим настроением. Мы жили рядом с центральной площадью, на которой проходили все праздничные события. Двор был проходным и во время праздников через него стремились прорваться в ряды демонстрантов сотни желающих. Когда по нашей улице двигались колонны демонстрантов, никакие ворота или оцепления не могли сдерживать любопытных и уже подогревших себя взрослых. Мы тоже пробирались через милицейский заслон в праздничные колонны и торжественно проходили с криками «ура» мимо главной трибуны. Нам в ответ раздавались призывы «Да здравствует.....» и всякие поздравле-

ния в зависимости от того, в колонну какой организации мы попадали.

На площади играл сводный духовой оркестр, но на него никто внимания не обращал, все взоры были устремлены на трибуну.

Так мы умудрялись пройти мимо трибуны не по одному разу, вклиниваясь и вклиниваясь в новые ряды демонстрантов.

А вечером на площади вновь играл духовой оркестр, но теперь уже все стремились на эту музыку, на свет праздничных иллюминаций. Люди приглашали друг друга на танец, улыбались друг другу, иногда по-пьяному поругивались, а то и перемахивались кулаками.

Для детей праздник заканчивался немного раньше, поэтому мы торопили время, чтобы быстрее стать взрослыми.

Но все же из всех праздников нам больше всего нравился Новый год — праздник разукрашенных елок, детских утренников и подарков.

Родители из кожи лезли, чтобы достать как можно больше билетов на всевозможные елочные представления для своих детей. Они готовили всякие вкусности, разнообразные подарки и ждали в свой дом маленьких гостей. Причем пакеты для подарков в каждой семье делали по-своему и наполняли их различными сладостями, фруктами и игрушками, чаще всего самодельными. Специальных елочных наборов-подарков в то время не было, а если и были где-нибудь, то мы об этом как-то не догадывались.

В нашем дворе была строго отработанная очередность посещения елочных праздников.

В каждой семье были свои Деды Морозы и Снегурочки, а если их даже и не было, мы все равно водили вокруг елки веселые хороводы, рассказывали стихи, пели песни и поздравляли друг друга.

Елки сближали нас. Выступая перед взрослыми, мы приобретали определенную раскованность и уже не стеснялись взрослой аудитории.

Самые веселые елочные представления проходили во Дворце пионеров, где, кроме хоровода вокруг елки, были еще различные аттракционы и, самое главное, комната сказок Арины Родионовны. Стены и потолок этой комнаты украшали росписи из детских сказок, а в воздухе витали возбуждающая таинственность и дух волшебства.

Неожиданно открывались маленькие двери, появлялась великая сказительница Арина Родионовна и сказка оживала. Мы еще долго потом находились под впечатлением сказаний Арины Родионовны, нам очень хотелось, чтобы сказки никогда не кончались.

После белоснежной зимы наступала весна со звонким журчанием ручейков, по которым нескончаемой вереницей плыли сделанные нами кораблики, и вместе с этими корабликами уплывало в прошлое наше босоное детство, такое бесшабашное и непростое.

Мы росли, вместе с нами выросли наши игры, появлялись новые интересы и увлечения. И, чтобы познакомиться с одним из увлечений, нам придется перейти на другую сторону улицы и как следует рассмотреть место будущих событий и, может быть, встретиться с основными действующими лицами.

На этой стороне улицы стоял большой пятиэтажный дом, который все почему-то называли домом специалистов. В нем и действительно проживали врачи, инженеры и другие номенклатурные работники. В этом же доме, вместе с мамой и двумя старшими братьями жил великий выдумщик и прогульщик Колька Зябликов.

Его мама, хоть и не относилась к категории номенклатурных работников, зато работала какой-то учетчицей в домоуправлении.

Мы сдружились с Колькой, а через него и с другими пацанами дома специалистов и теперь поочередно играли то в нашем дворе, то во дворе наших соседей.

Именно Колька увлек нас интересной идеей, которую мы решили, во что бы то ни стало, претворить в жизнь.

У Кольки с братом возникло желание построить к весне небольшую яхту, но Виталий, брат Кольки, уехал в Ленинград, поступил в Макаровку, а чертежи и некоторые детали оставил Кольке. Колька поклялся брату, что к весне построит яхту и спустит ее на воду.

Итак, Николай стал нашим главным конструктором и, надо сказать, умело руководил бригадой неопытных подсобников, которую мы представляли. В подвале, где строилась яхта, раздавались стук топора и такие, вновь появившиеся в нашем лексиконе слова, как шпангоут, киль, мачта и т. п.

Изготовив основные детали яхты, мы перенесли их к месту будущей стоянки, собрали, просмолили и покрасили уже собранную яхту. Все уже было сделано, но материала для паруса мы никак не могли достать.

Что же делать? И тут я вспомнил о своих знакомых с маминой работы. Работала мама в две смены швеей-мотористкой в артели «15 лет кооперации инвалидов», которая специализировалась на производстве спецодежды. Когда мама работала в вечернюю смену, мне вменялось в обязанности перед сном прибегать к ней на работу, дабы убедить, что со мной ничего не случилось, и я иду спать. На проходной меня уже все знали, да и в мамином цехе я был представлен всем работникам.

В артели была хорошая художественная самодеятельность. Мама тоже участвовала в ней, играя в струнном оркестре на балалаечном контрабасе. В праздники участники художественной самодеятельности часто выступали перед работниками своей артели и даже приглашались в другие организации. Мама, чтобы не оставлять без надзора, брала меня с собой. Сначала я просто наблюдал за арти-

стами и был рядом с ними. Потом мне доверили бубен, и я старательно лупил по нему, отбивая ритм. Как-то, услышав мое тихое пение, дядя Веня — баянист и руководитель оркестра, попросил меня спеть под аккомпанемент баяна, и я стал солистом артельного ансамбля. Пел я всего две песни и обе, не моего возрастного уровня. Но, может быть, именно это и являлось главной причиной бурных аплодисментов, которые раздавались по окончании моего исполнения. Первой песней была: «Закурю-ка что ли, папироску я, мне бы парню жить, да не тужить, что, естественно, про любовь. Вторая песня была еще любовней: «О, голубка моя, как тебя я люблю,»

После моего выступления на глазах у растроганных зрителей появлялись слезы умиления и меня долго не отпускали со сцены. Только исполнение на бис песни «Орленок» завершило мое пребывание на сцене.

Мама была безмерно счастлива, а дядя Веня шутиливо упрекал меня за то, что он совсем замучился, аккомпанируя мне.

К дяде Вене я и пришел за советом по поводу отсутствия материала. Дядя Веня внимательно выслушал меня, надолго задумался, а потом произнес: «Просто так материал я вам дать не могу, да вы и не возьмете». Я уж было хотел воскликнуть: «Возьмем, возьмем», но дядя Веня продолжил: «А вот если вы окажете нам помощь, то я смогу вас за это парусиной наградить. Приходи со своими друзьями и помоги нам выпустить красивую газету к Международному женскому дню, а я поговорю с директором и все улажу».

Вот с этим предложением я и пришел к своим кораблестроителям. Немного поразмыслив, мы единогласно приняли предложенную дядей Веней идею, но для ее реализации нам требовались таланты, которые бы смогли изобразить не какой-нибудь ширпотреб, а настоящую газету для взрослых. И такие таланты нашлись в лице нашего школьно-

го пиита Сеньки Германа и двух художников — Вовки Золотарева и Женьки Денисова.

Газета получилась на удивление красивой и объемной. Она понравилась директору артели и дядя Веня в торжественной обстановке вручил причитающийся нам материал.

Стоянка нашей яхты на берегу реки Которосль находилась вблизи стен старого кремля, поэтому свое детище мы называли «Старая Русь», тем самым, делая яхту причастной к истории нашего древнего города.

Спуск на воду был назначен на 1-ое Мая, но обстоятельства сложились так, что под парус яхта встала несколько раньше. Можно было понять нетерпение нашего главного конструктора, ему хотелось поскорей опробовать на воде свое детище.

О том, что яхта под парусом плывет в направлении Волги, мы узнали от Сеньки Германа. Он, запыхавшись, влетел во двор и истошно прокричал: «Колька спустил на воду „Старую Русь“. Вместе с ним Вовка, Игореха и Генка».

Мы сначала опешили от такого известия, потом со всех ног припустились на Стрелку, ругая Кольку за то, что не сдержал слова и не предупредил нас. Когда мы прибежали на Стрелку, яхта с Которосли выплывала на Волгу метрах в двадцати от берега.

Мы подбежали к воде, сорвали с голов шапки и стали старательно махать ими, чтобы ребята на яхте заметили нас. Ребята, увидев нас, в ответ замахали радостно руками. Нам было завидно и немножко обидно. «Пусть только попробуют приплыть, — думали мы, — зададим мы им тогда трепку».

И тут с другого берега показался тупоносый буксир РБТ. Он хоть и был маленьким по размерам, но волны от него были ужасно большими. Летом, в жару мы любили качаться на этих волнах, но сейчас они стремительно приближались к нашей яхте, и было в этом что-то тревожно-устрашающее. Колька не успел поставить яхту поперек волны, «Старая

Русь» накренилась на левый борт, зацепив парусом воду. Ребята по инерции вывалились в холодную воду. Мы стали носиться вдоль берега, кричать и махать шапками. С буксира потерпевших заметили и поспешили на помощь.

Так печально и немного комично закончилось первое речное путешествие на яхте «Старая Русь». Мне с Сенькой пришлось вдоль берега отбуксировать яхту к месту стоянки, а горе-мореплаватели, эти мокрые курицы были тайно доставлены на крышу сарая, куда им принесли старые ватники, валенки и шапки. Хорошо, что в этот день солнце светило по-весеннему щедро.

Но все тайное когда-нибудь становится явным. О купании горе-яхтсменов в этот же вечер узнали родители, и больше всего досталось Кольке, как главному заводиле.

Любовь к яхтам на этом не закончилась и «Старая Русь» была не последней яхтой, нами построенной.

Были у нас и другие увлечения. С одним из них нас познакомил Сенька Герман. Однажды он записался в секцию настольного тенниса и всячески пропагандировал еще неизвестную нам игру. Сначала Сенька махал перед нашими носами своей фирменной ракеткой, а потом стал устраивать соревнования с использованием шарика и ракетки. Кто больше всех прожонглирует шарик с помощью ракетки, тот и победитель.

Как-то раз за этой игрой застал нас участковый, старший лейтенант Акимов. Имени и отчества старшего лейтенанта запомнить не удалось, так как мы его никогда по имени, отчеству и не называли. Посмотрев на соревнование, он, молча, повернулся и ушел, а через неделю во дворе дома специалистов появились доски и фанера. Наш старший лейтенант пошептался с главным инженером моторного завода, который проживал в доме специалистов и тот изыскал возможность выделения столь ценных строительных материалов для нужд детворы.

Так во дворе дома специалистов появился настоящий теннисный стол, смотрителем которого был безоговорочно назначен Сенька Герман. Он же по совместительству был утвержден в должности тренера.

Первые показательные партии Сенька сыграл со своей младшей сестрой, которая тоже понимала толк в теннисе, а потом спарринг-партнерами Сеньки становились поочередно все члены нашей компании. Игра эта вскоре увлекла многих обитателей дома специалистов и его окрестностей.

А в нашем дворе жизнь текла своим чередом: резвилась детвора, старушки чинно восседали на своей скамейке, а старички по-прежнему забивали «козла». Да, по выходным, ближе к вечеру устраивались танцы. И если раньше танцевали под гармошку, то теперь молодежь кружилась под мелодии с пластинок. Семья Захарычевых приобрела радиолу, которую выставляла на подоконник и из окна лились современные «Бэсамэ, бэсамэ мучо», «Кукарача», «Мамай о керу» и другие.

Вот под такую музыку и выплясывала молодежь, а старушки сидели на скамейке, лузгали семечки и вспоминали, быть может, свою молодость. Иногда они о чем-то шептались и безобидно подшучивали над танцующими.

Были в нашем дворе и любители острых ощущений, подогревавшие винцом свой темперамент. Особенно выделялась святая троица во главе с Яковом Палычем Салтыковым, худым и нескладным по своей фигуре человеком. Было ему около семидесяти лет. Победу Яков Палыч встретил в Кенигсберге в звании старшего сержанта, в должности командира пехотного отделения. Когда Яков Палыч одевал свой праздничный костюм с двумя орденами Красной Звезды и многочисленными медалями, мальчишки окружали его и, перебивая друг друга, закидывали вопросами о войне.

Но о войне Яков Палыч рассказывать не любил и только по пьяному делу развязывал свой язык и все удивлялся, почему это его, такого длинного ни разу не царапнуло,

а только неоднократно оглушало и засыпало землей. Правда, однажды, сидя на скамейке, Яков Палыч скупно по-мужски всплакнул и поведал нам о своем друге Миколе, который, в отличие от Якова Палыча был подвижным, низкорослым хлопцем. Вот этому маленькому человеку суждено было накрыть своим телом Якова Палыча, защитив того от верной смерти. Вот так, ценой своей жизни спас своего товарища украинец Микола. И мы верили в то, что если бы Якову Палычу представилась возможность спасти своего друга, он, не задумываясь, сделал бы это.

По натуре своей Яков Палыч был добрым человеком. Вспоминаю, как ругал Яков Палыч Кольку за то, что тот отстегал поводком свою собаку. А с какой любовью, как с человеком, разговаривал он с соседским котом. Как бы Яков Палыч ни напивался, мы его не боялись, а только жалели. Жалела его и жена, баба Оля, пухленькая седоволосая женщина. Она никогда не ругала Якова Палыча и постоянно всем говорила о том, что до войны тот почти совсем не пил спиртного. Яков Палыч, в свою очередь, тоже никогда не кричал на бабу Олю. Многие удивлялись, как такой добрый человек мог лишать жизни других, а ведь на фронте Яков Палыч убил не один десяток фашистов.

В отличие от Якова Палыча, Валька Тяпин был хмурым и вспыльчивым человеком, моложе того лет на двадцать. Говорили, будь-то бы, жена не дождалась его возвращения с фронта, и Валька очень переживал предательство близкого человека.

Всю войну Валька не расставался с баранкой своей полуторки, да и сейчас шоферил на ремонтном комбинате. Руки у Вальки были в наколках, которые говорили о его недавнем пребывании в местах не столь отдаленных. А сидел он там за то, что сбил как-то по пьянке человека.

Мы побаивались Вальку, хотя не было ни одного случая, чтобы тот поднял на кого-нибудь из пацанов руку. А вот с кем-нибудь из мужичков Валька частенько сцеплялся

и только Яков Палыч мог успокоить размахавшегося бузотера. Его то Валька уважал и беспрекословно слушался.

Но как в эту компанию затесался Юрка Смирнов, по прозвищу Бутя, никто не мог предположить, как и то, откуда взялось это прозвище.

Бутя и возрастом своим сильно отличался от собутыльников, ему еще и тридцати-то не было. Он нигде не работал, сидел на шее своей матери, кроткой и запуганной женщины. От этого человека можно было ожидать любой подлости и только из-под тишка. Иногда в Буте что-то просыпалось, и он устраивался на какую-нибудь работу, но больше месяца нигде не задерживался.

В один из летних дней случился с ними курьезный случай. В этот день набрали они с утра пораньше дешевого портвейна и пошли на берег Волги подлечить свои головки. Подлечились они основательно и решили с размахом проплыть по Волге на Валькиной лодке, благо погода этому благоприятствовала.

Что взбрело в голову Якову Палычу, но метрах в ста от берега он вдруг резко встал и со словами «Валька, айда домой», шагнул через борт. Вслед за ним в воде оказались и Валька с Бутей. Спасло их то, что на воде в выходной день было много лодок и катеров.

Мокрые и испачканные мазутом, они появились во дворе в самый разгар танцев. Танцы разом прекратились, и все взоры устремились на трех потешных. Валька с Бутей поддерживали Якова Палыча с боков. Они шли вихляющей походкой и громко причитали о том, что целых две бутылки портвейна ушли на дно. Яков Палыч с блаженной улыбкой порывался гундосить призывную песнь для своей жены: «Моя милка, стол накрой, Салтыков идет домой».

Когда на следующий день Якову Палычу напомнили об этом случае, он сильно сомневался. А во дворе еще долго не могли забыть купание собутыльников и частенько подшу-

чивали над ними, напоминая между делом о вреде пьянства. Трезвые, они это понимали....

В соседнем доме жил Игорь Пантелеев, был он на два года старше меня и уже несколько лет ходил в секцию бокса. Мы с нескрываемой завистью смотрели на него, когда он с перчатками через плечо шел в секцию и возвращался обратно. Может быть потому, что нас в один из вечеров отлупили парни с соседней улицы, я упросил Игоря взять меня в секцию.

Очень запомнился тот день, правда, с выпадением некоторых эпизодов, когда я переступил порог спортивного зала. Да и залом то, в полном смысле этого слова, его было нельзя назвать. Помещение для занятий находилось в старой, заброшенной церкви. Его отремонтировали, покрасили и отдали секции бокса общества «Спартак».

По залу бегал кругленький человек небольшого роста, казалось, что он не бежит, а перекачивается по залу, покрывая на своих подопечных. Это был известный в областном масштабе тренер Гетман Николай Иванович.

После того, как Игорь меня представил, Гетман посмотрел на мою нескладную фигуру, трусоватый вид и изрек: «Дорогой мой, это несерьезно. Но, если ты настаиваешь, то, пожалуйста. Переодевайся и на ринг. Пантелеев, помоги одеть этому рыцарю перчатки».

Так оказался я на ринге один на один с бывалым второразрядником. Устоять на ногах я смог какие-то секунды, а, может быть просто мгновенье. Времени в этот момент для меня не существовало.

Когда мы возвращались после тренировки, Игорь поведал мне о том, что так Николай Иванович поступал с каждым новичком, дабы проверить его на прочность. Многие, после первого подобного испытания, больше никогда не появлялись в уютном зале секции, а тот, кто все-таки приходил на следующее занятие, оставался надолго предан боксу.

За свою спортивную жизнь Гетман воспитал не одного классного боксера, а те из них, кому не суждено было стать известными спортсменами, стали просто настоящими людьми.

Можете себе представить выражение лица моей мама, когда я с заплывшим глазом предстал перед ее очами. Она и слышать не хотела ни о каких будущих тренировках.

Чтобы усыпить мамину бдительность, пришлось прибегнуть к маленькой хитрости.

Свою спортивную форму я оставлял у Игоря, а перед тренировкой брал с собой шахматы и шел, якобы в шахматный клуб.

Так продолжалось до тех пор, пока в наш двор к своей бабушке не стало приходить чудесное создание в образе Тани Сусловой. Я влюбился в Таню с первого взгляда, но, если другим девчонкам мне не составляло труда наплести кучу красивых слов о любви, то Тане о своих чувствах я никак не решался сказать.

От Таниной бабушки я узнал, что Таня по вечерам посещает балетную студию при Дворце пионеров и я, нисколько не сомневаясь, записался туда. С боксом было покончено раз и навсегда. Мама была очень довольна моим новым выбором, не подозревая о причине столь поспешного решения.

Теперь я, стоя у станка, отрабатывал балетные па и постоянно отыскивал глазами Таню.

Рядом со мной у станка стоял мой одноклассник, Женька Телешенко, который, уже второй год посещал студию и, что самое неприятное, жил с Таней в одном доме.

После каждого занятия мы втроем доходили до их дома, и я один возвращался в свой двор. Душу скребли кошки, но третьим лишним я себя не считал, поэтому упорно провожал их после занятий.

Однажды, после очередного занятия, мы возвращались с Таней вдвоем, и я осмелился признаться ей в своих чувствах.

Таня только весело хихикнула и быстро попрощавшись, убежала домой.

На балете была поставлена жирная точка, да и времени на него уже не оставалось, нужно было зарабатывать на взрослую жизнь.

Двор притих и состарился, а мы и не заметили, как закончилось наше детство.

Мы разлетелись в разные стороны и с каждым годом все реже встречались на ярославских улицах.

Недавно, после долгого отсутствия, я вновь побывал в нашем дворе. Мой дом стоял с заколоченными окнами, и в нем никто уже не жил. Он, по словам соседей, уже который год готовился к сносу, но так и не был снесен. Я молча постоял, потом взял кусок известки и на двери своего подъезда написал: «Здесь был Георгий Скрипкин» и поставил дату.

На следующий год мне посчастливилось вновь побывать в Ярославле. Зайдя в старый двор, под своей надписью я обнаружил свежую надпись: «Здесь была Татьяна, теперь уже Телешенко».

ДЕТСКАЯ ЛЮБОВЬ

Что было в утробе матери будущий мужчина, конечно, не помнил. Зато, появившись на свет, он, вволю накричавшись, стал внимательно наблюдать за всем происходящим.

Его карие глазки так и зыркали по сторонам, и если на особях мужского пола взгляд долго не задерживался, то представительниц женской половины человечества прожигал насквозь. От прожигающего взгляда даже выдавая виды акушерка чуть не выронила его из рук. Но, в конце концов, все обошлось благополучно, и счастливые родители довели малыша до дома.

На радостях был накрыт праздничный стол, за которым нарекли малыша Вениамином, в честь сидевшего за столом дедушки.

Прослезившийся дедушка произнес первый тост:

— Ну что ж, давайте выпьем за внука моего Веньку, вижу, шустрым будет мальчонка.

Присутствующие с удовольствием выпили, а некоторые из них так и рвались высказать здравицу в честь народившегося.

— Пусть растет умненьким и послушненьким, — верещали одни.

— Пусть будет здоровым и фартовым, — басили другие.

— За Веньку-мальца, — заплетающимися языками предлагали третьи.

Шум праздничного застолья теребил окрестности до самой поздней ночи. И только виновник торжества сопел в две дырки в новенькой детской кровати.

Прошло несколько лет. Вроде бы сбылись пожелания большинства гостей церемонии spryskivaniya Венькиного рождения. Вырос он крепким и симпатичным мальчиком, да и мозговитостью отличался от своих сверстников. Как и у большинства пацанов была у Веньки в школе первая любовь. Звали его любовь Веркой. Ее длинные русые волосы были ровно разделены на две тугих косички, кончики которых щекотали при ходьбе упитанный Веркин зад. Ох, и заводили же те две косички Веньку. Точнее не сами косички, а их кончики. Он так завидовал этим самым кончикам и очень хотел своими руками занять их место. Но до поры до времени Венька сдерживал свое желание и только иногда подергивал за косы упитанную Верку. Кстати, было видно, что его подергивания не вызывали у Верки отрицательной реакции.

— Перестань заигрывать, — смеясь, кричала Верка.

— А я и не заигрываю, — игриво отвечал Венька.

На других девчонок в ту пору Венька даже не заглядывался, но поехав в первый раз в пионерский лагерь, он без ума влюбился в пионервожатую. Дети звали ее Еленой Ивановной, но на отчество она явно не тянула. Пионервожатой Лена подрабатывала после второго курса педагогического института. Не только девичья красота пленила Веньку. Такой ладной фигуры с гибкой талией и упругой грудью не было ни у кого в ближайшем Венькином окружении. А упругость груди удалось Веньке прочувствовать во время фотографирования отряда, которым руководила Елена Ивановна.

Когда длинноносый фотограф попросил выстроиться перед объективом, Венька тут же пристроился рядом с вожатой. А когда фотограф посоветовал отрядовцам стать плотнее, Елена Ивановна одной рукой обняла за плечи рядом стоявшего Веньку, а другой девчонку, председателя отряда.

И вот тут-то своей непутевой головой Венька и почувствовал упругость груди Елены Ивановны. От этой самой упругости его голова закружилась, и он поплыл. Если бы не рука Елены Ивановны, завалился бы Венька к ее стройным ногам.

Весь срок пребывания в лагере Венька старался быть рядом с вожатой, но его любовь так и осталась безответной.

По приезде домой Венька более внимательно присмотрелся к Верке. А так как у той впереди ничего не просматривалось, стал все чаще перекидывать свой взгляд на девчонок постарше.

Однажды этот взгляд так тронул шестиклассницу Катьку, что та не выдержала и очень краткой фразой послала Веньку куда подальше.

Но Венька был не из тех сопляков, что отступают после первой неудачи. Он продолжал прожигать взглядом Катькины прелести до тех пор, пока та не сдалась.

— Ну что ты на меня все время зыркаешь? — сердито заявила она.

— Ничего я не зыркаю, — покраснев, ответил Венька.

— Как же не зыркаешь, если я постоянно ловлю твой одуревший взгляд, — уже мягче сказала Катька.

— И ничего не одуревший, — заупрямился Венька, — может быть, ты мне нравишься.

Катька с улыбкой посмотрела на Веньку и с издевкой произнесла:

— Ой, держите меня, жених выискался.

При этом она положила левую руку на свою выпирающую грудь. Уж лучше бы она этого не делала. Одурманенный таким жестом, Венька бросился к Катьке и, уткнувшись в эту самую грудь, запричитал:

— А может быть, я тебя люблю, а может быть, я тебя люблю.

Первым Катькиным желанием было оттолкнуть Веньку, но его жалостливый тон ее так растрогал, что она еще крепче прижала Венькину голову к своей груди.

Так и стояли они несколько мгновений, пока Катька ни опомнилась и со словами «ну хватит, Венька», высвободилась из его объятий.

Ополоумевший Венька со всех ног бросился прочь и не заметил, как Катька мило улыбнулась ему вслед.

Прибежав домой, Венька плюхнулся на диван и, уткнувшись в подушку, по-щенячьи заскулил. Неописуемая обида сковала его дрожащее тело.

С этого дня Венька решил мстить всем девчонкам на свете.

И первой, кому захотел отомстить Венька, была, конечно, Катька. Долго он думал о способе мести и, наконец, остановился на том, что будет ходить мимо Катьки, будто ее и не существует вовсе.

Такие хождения Катьке совсем не понравились и, потерпев пару дней, она первой подошла к Веньке:

— А ты чего это проходишь мимо, словно я пустое место?

Не поворачивая головы, Венька выпалил:

— А ты для меня и есть пустое место.

Услышав такое, Катька не на шутку рассердилась:

— Я пустое место?! Да ты сам-то....., сам-то место..... никакое. Совсем недавно в любви мне признавался, а теперь.....

— Да, — перебил ее Венька, — признавался, ну так что из этого.

— А то из этого, что я, может быть, и поверила, — потупив глаза, произнесла Катька.

На этом месте Венька впервые посмотрел Катьке в глаза и, убедившись в ее искренности, сменил гнев на милость:

— Да ладно, Катька. Ты, в общем-то, даже ничего.

— Не ничего, а очень даже симпатичная, — уточнила Катька.

— Ну, симпатичная, — пробубнил Венька и невольно улыбнулся. Катька улыбнулась ему в ответ.

С той поры окружающие частенько видели их вместе. И пусть росточком он был меньше Катьки, но, идя рядом с ней, картинно задирал свой нос и всеми фибрами души чувствовал, как сверстники ему завидуют.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Через два года Катька поступила в колледж и надолго выпала из Венькиного поля зрения.

ДИАЛОГ С ЖЕНЩИНОЙ

Выйдя из дома, я нос к носу столкнулся с проживающей в соседнем подъезде Ольгой, женщиной средних лет, стремящейся быть молодой и задорной.

— Значит, до электрички нам придется идти вместе, — с грустью подумал я, но все же выдавил подобие улыбки:

— Доброе утро, Ольга.

В ответ на приветствие, я услышал:

— Нет, Георгий, в такую скверную погоду утро добрым быть не может. Вот в Испании погода, так погода. Тут тебе и солнце, и море, и

В этом месте она запнулась, потом обратилась с вопросом:

— А вы были в Испании, — и, не дожидаясь ответа, продолжила, — а какие там люди, душечки, да и только. Имея такой темперамент, они никогда не ругаются. Нас так радушно встречали везде. Конечно, женщины там не конфетки, зато мужчины — настоящие рыцари.

Обратив внимание на мужчину, который нес в руках банку с краской, она резко сменила тему разговора:

— Кстати, мне тоже нужно делать ремонт, а то обои уже совсем выгорели. А вы делали ремонт?

— Год тому назад, — ответил я.

— А я уже и не помню, когда в последний раз занималась ремонтом. Вот у меня подруга, так та через год меняет обои. Даже переехав в Испанию, она постоянно чего-то ремонтирует. Вы знаете, она ухаживает за таким прелестным ста-

риком. Не просто стариком, а самым настоящим доном. Я прямо обалдела, когда впервые увидела самого настоящего дона. А вы видели настоящего дона? — и, не дожидаясь ответа, продолжила, — так вот, моя подруга ухаживает за этим доном и его великолепным садом. Ах, какие там цветы. Мы здесь только и знаем, что розы, да ромашки, а там изобилие цветов. Куда ни посмотришь, цветы, цветы, а еще фрукты. Сколько там фруктов.

Она с трудом справилась с обильным слюновыделением, посмотрела на меня и воскликнула:

— Мне кажется, что вы никогда не ели столько фруктов.

Я хотел было возразить, но Ольга произнесла:

— Знаю, что вы сейчас скажете. Мол, фруктами сыт не будешь. А я вот фруктами объедалась. От винограда мне даже плохо становилось. А какое там вино. Я вообще-то не выпиваю, но там мы с подругой бутылочку осиливали. Лежишь на пляже, попиваешь вино и фруктами закусываешь. Такой кайф, просто райское наслаждение, — она опять проглотила слюну и продолжила, — а еще мне в Испании нравилось ходить по бутикам, сколько в них всяких брендов.

Произнеся слово бренд, она с достоинством посмотрела на меня, мол, куда тебе до высоких материй.

Я хотел вставить фразу про бренд, показав тем самым, что тоже не лыком шит, но Ольга вдруг сказала:

— А вот обои там мне совсем не понравились. Все они какие-то аляпистые, а я люблю строгий рисунок. Вот свои комнаты я оклею обоями в пастельных тонах с хорошо подобранным рисунком. А у вас какие обои?

— У меня-то, — переспросил я, — всякие, красные и зеленые

— Да, мужчины в обоях совсем не разбираются, — перебила меня Ольга, — им только футбол подавай. Испанский дон тоже страстный болельщик. У самого песок из одного места сыплется, а кричит у телевизора, как сумасшедший.

В это время к платформе подошла электричка, и мы вместе вошли в ее вагон. Глазами я искал скамейку только с одним свободным местом, но Ольга опередила меня:

— Георгий, садитесь сюда, — указала она на свободное место рядом с собой.

— Господи, еще целых полчаса я буду вынужден выслушивать Ольгин треп, — с горечью подумал я, но, все же, сел рядом с Ольгой.

И диалог продолжился.

— Ну и гремит этот вагон, — начала Ольга, — вот в Испании электрички совсем не такие. Там они ходят быстро и без шума. Раз и ты уже в Барселоне, два и ты в Сарагосе. Представляете, за три дня можно объехать всю Испанию. А вам хотелось бы побывать в Испании?

— Хотелось бы, — с придыханием ответил я, — но,

— Вы опять сейчас скажете, что работа, времени нет. Все это отговорки. Время всегда можно найти. Правда, если бы не подруга, переехавшая в Испанию, я вряд ли бы туда собралась. А так подруга пригласила и я поехала. Теперь я готова ездить в Испанию постоянно.

В это время электричка проезжала мимо одного из супермаркетов, и Ольгино внимание на минуту отвлек мужчина, вывозивший из магазина набитую продуктами тележку.

— Такого в Испании не увидишь, — показав на мужчину, воскликнула Ольга, — там берут понемногу, потому что любят все свежее. Не думаю, что у этого мужчины большая семья.

Просто есть мы стали без ограничений и без разбора. А вы любите много есть?

— Нет, — отвлекся я от пробегающего мимо пейзажа.

— И правильно делаете, — похвалила меня Ольга, — кто много ест, у того лишний вес и большая нагрузка на сердце. Вот в Испании много не едят, поэтому большинство испанцев стройные и даже худые. А вы мне

посоветуете, когда лучше делать ремонт, — вдруг спросила Ольга.

— Ремонт, — переспросил я, — лучше летом, пока тепло.

— Я тоже так думаю, — согласилась она, — за зиму закуплю весь необходимый материал, а летом приступлю к ремонту. Пока ремонт не сделаю, в Испанию не поеду. А еще мне хочется побывать во Франции.

Но разговор о Франции так и не состоялся, так как электричка прибыла в Петербург.

При выходе из вагона Ольга протрещала еще несколько фраз, которые пролетели мимо моих ушей.

Я сделал вид, что очень тороплюсь на работу, простился с Ольгой и поспешил к входу в метро.

— Интересный диалог получился, — подумал я, — вряд ли мне удалось вставить в разговор десятка два фраз. А, впрочем, Ольгино щебетание отвлекло меня от производственных мыслей, которые бы грызли мое сознание всю дорогу до города.

И неизвестно, что лучше.

ДОЛГОЖДАННЫЙ РЕБЕНОК

В свои пятьдесят лет Елене Ивановне очень хотелось стать бабушкой. Ее единственная дочь уже два года, как вышла замуж, но с ребенком у молодых что-то не получалось. Напрасно Елена Ивановна склоняла дочь с зятем на обследование. Они, конечно, обещали, но попыток не делали.

И вдруг дочь Елены Ивановны сообщила ей весть о втором месяце беременности. Радости Елены Ивановны не было конца. Она уже представляла себя счастливой бабушкой с младенцем на руках. Чтобы не накликать неприятности, она не рассказала об этой новости никому из знакомых.

Дочь Елены Ивановны, Александра, тоже была рада результатам обследования, и, первое время, делила эту радость вместе со своим мужем. Но с мужа радостная волна сошла очень быстро, по вечерам он весь погружался в компьютерные игры и выныривал из них далеко за полночь.

Что только не предпринимала Александра, чтобы отвлечь мужа от компьютера. Она пробовала излить на него всю свою нежность, уйти к подруге, принять позу обиженного ребенка, но притяжение компьютера было намного сильнее. Даже отрываясь от него и попадая в объятия Александры, муж делал такое постное выражение лица, что уж лучше бы оно было обращено к компьютеру.

Но за компьютером постное лицо быстро преображалось, в глазах разгорался бесовской огонь, и руки с невероятной скоростью начинали барабанить по клавиатуре.

От такого невнимания настроение у Александры падало до нуля, и печаль застилала глаза неизбежной слезливостью, которой муж совсем не замечал.

По ночам Александра нередко просыпалась от прикосновения к ней холодного мужниного зада и долго не могла заснуть. Как не хватало ей в такие моменты простого человеческого внимания и ответной нежности. Подступающий к горлу ком душил ее самолюбие и вынуждал думать о неизбежно плохом:

— А, может быть, он меня разлюбил? А, может быть, у него появилась другая?

И таких «может быть» приходило на ум очень и очень много. Нередко мокрая от слез подушка выдавала ее бессонницу, а ведь после бессонной ночи ей приходилось по двенадцать часов выстаивать в торговом зале модного бутика, обслуживая капризных модниц.

Беспардонная усталость наваливалась на Александру все чаще и чаще. Жизнерадостная еще вчера, сегодня она превратилась в бледную, обделенную счастьем женщину.

Коллеги по работе сразу заметили эту неприятную перемену, но заигравшийся муж этого не замечал. Только когда Александре стало совсем плохо, он оторвался от компьютера и вызвал скорую помощь.

В клинике, куда привезли Александру, ей остановили кровотечение и сделали УЗИ. Лечащий врач попытался успокоить взволнованных родственников, но Елена Ивановна уехала из клиники в полном расстройстве. Что-что, а сердце матери нелегко обмануть, а сердце изначально почувствовало неладное.

На следующий день кровотечение возобновилось, и боль внизу живота Александры усилилась. Медсестры напичкали ее лекарствами и сделали болезненный укол. И такие про-

цедуры Александре пришлось переносить целую неделю, но положительного результата это не принесло.

Заключение врачей было категоричным и нелицеприятным — операция по выемке остатков плода неизбежна.

В эту ночь две женщины пролили столько слез, что ими можно было окропить не одно человеческое горе.

Целых две недели Александра отходила от операции, находясь на больничном, из которых только два дня муж выражал ей хоть какое-то внимание. А потом опять компьютер с препротивным шлепаньем по клавишам и нервными воплями.

И хотя врачи успокоили Александру убедительным утверждением о возможной беременности, глядя на мужнину спину, она стала в этом сомневаться.

А как хочется долгожданного ребенка двум женщинам со слезливыми глазами.

ЖИЗНЕННЫЕ ПАРАДОКСЫ

Пока был жив отец, Мила чувствовала себя самым счастливым человеком на этом свете. Про тот свет она и думать, не думала. Ее родители вот уже пятнадцать лет жили в мире и согласии и, как могли, лелеяли свою единственную дочь. А папка вообще души в ней не чаял. Возвращаясь с работы домой, он вручал Миле или маленькую шоколадку, или большую фруктину. Чаще всего это было яблоко, иногда груша. И Мила его очень и очень любила. Не подумайте, что она любила его только из-за угощений. Совсем нет, просто, она уже не могла представить своего папку без этих самых угощений.

И вот папы не стало. В один из зимних вечеров на папу напала группа молокососов и забила его до смерти. Добычей этих ублюдков стал кошелек с двумя бумажными стошками и мелочью рублей на двадцать. Да, в другом кармане они обнаружили маленькую шоколадку, и ее тоже оприходовали.

Все-таки, как дешево стоит в нашем мире человеческая жизнь, особенно тогда, когда за нее вообще никто не отвечает. Ублюдков так и не нашли. А, может быть, и не хотели искать?

На похоронах Мила рыдала навзрыд, и никакая сила не могла ее успокоить.

После смерти отца она замкнулась в себе, потеряв еще не окрепший смысл жизни. Правда, на автомате она все же закончила одиннадцатый класс и приступила к подготовке в педагогический институт. Именно в этот период мама

оправилась от смерти мужа и познакомилась с симпатягой лет тридцати. Ее не смутила восьмилетняя разница в возрасте и некая меркантильность избранника. Месяца два они встречались вне дома, и только изредка мама приводила мужчину домой. За этот период Мила успела поступить в педагогический институт и полностью отдалась занятиям в ВУЗе. У Милы появились новые знакомые, и смысл жизни вновь высветился перед ней.

А в Новый год мама объявила Миле о том, что ее избранник с этого момента будет жить вместе с ними. Мила и раньше осуждала маму за поспешность приближения к себе какого-то мужчины, а тут не выдержала и впервые нагрубила ей. Но Милина грубость только раззадорила маму, и ее избранник вселился в их жизненное пространство.

Его слащавый вид раздражал Милу все больше и больше, но ее раздражение только возбуждало маминого избранника. Проходя мимо, он, будто бы нечаянно, задевал Милу, поэтому она старалась как можно реже быть дома.

Но однажды случилось то, отчего у Милы помутилось сознание, и она покинула отчий дом навсегда. Думаю, что взрослый читатель понимает, что я имею в виду, поэтому не буду пересказывать омерзительного поведения маминого избранника. Хотя руки чешутся, чтобы наказать ненасытного развратника.

С большим трудом Мила поселилась в общежитии института, и теперь каждый человек в мужском обличии стал вызывать у нее чувство раздражения и злобы. Хорошо, что в педагогическом институте молодых людей можно было по пальцам пересчитать.

Зато в общении с девчонками она старалась забыть все плохое и вспоминала только папу.

Однажды, общаясь со своей соседкой по комнате, которую звали Ниной, она опять вспомнила папу и вдруг заплакала так, что та пришла ей на помощь. Присев рядышком,

она обняла плачущую Милу за плечи и стала целовать ее заплаканные щеки и губы, приговаривая:

— Не плачь, глупенькая, папу все равно не вернешь.

Мила, как-то сразу, отдалась ее ласкам и несколько минут была в состоянии полного опустошения. Потом, прекратив плакать, она обняла свою соседку и, в знак благодарности, поцеловала ее в губы.

— Вот тот человек, с которым мне будет легко и приятно, — подумала Мила.

В этот момент Нина поймала на себе ее ласковый взгляд и получила от этого большое удовольствие.

А потом были совместные походы в кино и в ночные клубы, но приставания парней отменялись ими в самом зародыше. И только потому, что вдвоем они чувствовали себя очень и очень комфортно. А раз так, да ну их, на фиг, этих мужиков.

С мамой Мила общалась только по телефону, да та и не настаивала на каких-либо встречах. У нее и своих проблем хватало, молодой сожитель не отличался особой верностью и проявлением достаточного внимания. Ну, да черт с ней, сама этого хотела.

А Мила с Ниной продолжали успешно учиться, помогая друг другу во всем. Не только помогая, но и удовлетворяя друг друга. В свободное от учебы время они подрабатывали то в детских садах, то репетиторами. За репетиторство они неплохо получали, поэтому могли себе позволить модно одеться и иногда шикануть.

Побывав в одном из ночных клубов, они напоролась на жесткое приставание особой мужского рода, что окончательно убедило их в звериной сущности оных. Поэтому походы в клуб они заменили домашними застольями с приглашением однокурсниц. Иногда их кампанию разбавляли и однокурсники. Один из таких разбавителей долго присматривался к подругам и, в один из вечеров, пригласил их прогуляться до интересного клуба, который он периодически посещал.

После некоторых колебаний Мила и Нина согласились на предложение, и клуб 69 открыл перед ними свои двери. Этот клуб посещала молодежь с нетрадиционной ориентацией, и, наверное, поэтому он был оформлен в розовые и голубые цвета. Атмосфера в клубе была непринужденной и, в полной мере, свободной. Слащавые молодые люди обнимались и целовались прямо за столиками. Тем же самым занимались молодые вертихвостки. Они делали это так раскрепощено, будто рядом вообще никого не было.

Эта раскрепощенность поначалу шокировала наших подруг, но под воздействием выпитого коктейля их тоже расслабило и понесло. Так они нашли не только приятное место для расслабухи, но и приобрели новых друзей мужеского пола. С этими друзьями можно было веселиться по полной, не боясь какой-либо агрессии. Правда, в один из вечеров, их веселье переросло в нетрадиционный секс. Случилось это в гостях у одного из молодых людей. В этот вечер его родители уехали на дачу, хата освободилась, и тусовка была перенесена из клуба туда.

Выпив и потанцевав, молодые ребята принялись ласкать друг друга, и их ласки возбудили наших подружек. Как-то непроизвольно они подключились к любовной игре и уже ласкали друг друга в четыре пары рук. Но до полового акта в нашем понимании его, дело не дошло. Правда, ласки от этого не оказались пресными. Наоборот, участвующие в них получили полное удовлетворение. Об этом красноречиво говорили их разгоряченные тела и томные взгляды.

Иногда Мила задумывалась над своим поведением и даже мысленно осуждала себя, но тяга к Нине была значительно сильнее всяких раздумий.

Но последний экзамен был сдан, дипломы защищены, и Нина уехала к себе на родину, а Мила была приглашена преподавателем русского языка и литературы в одну из местных школ. Работая в школе, она не забывала и о репетиторстве.

Именно репетиторство и обеспечило ей встречу с девушкой, к которой у Милы возникли новые, не слабые чувства. Звали эту белокурую девушку Олей, а ее родители очень хотели, чтобы дочь без всяких проблем поступила в юридический институт. С этой целью они и нашли репетитора в лице Милы.

Уже на первом занятии Мила обратила внимание на то, что при виде Оли ее сердце учащенно забилось. На втором занятии она, при объяснении материала, несколько раз коснулась Олиной руки. Кроме того, ее колени неоднократно касались Олиных коленей, и та не пыталась их убрать. В момент прощания Мила похвалила Олю за усидчивость и погладила ее по голове. При этом она почувствовала ответное Олино движение и еще больше возбудилась. Но торопить события она не хотела, так как в полной мере еще не убедилась в Олином настрое.

Хотя к следующему занятию она тщательно подготовилась. Ее короткая юбка лишь чуть-чуть прикрывала женские прелести, а облегающая футболка подчеркивала выпирающие соски.

Такой вид репетиторши ни в коей мере не насторожил Олю. Зайдя в комнату, она мило улыбнулась и сказала, что готова заниматься, как никогда. Для Милы Олины слова явились неким возбуждающим посылом, и она не стала оттягивать приятные минуты сближения. Обняв Олю, она поцеловала ее в губы и призналась в том, что с первого занятия почувствовала неопишемое влечение к ней. По Олиному взгляду она поняла, что та тоже возбудилась от ее поцелуя, и тогда Милины руки приступили к обследованию юного тела ученицы. В общем, урок прошел в возбуждающей, обоюдотрепетной атмосфере и закончился взрывным оргазмом, после которого Оле не захотелось идти домой. Но, мало ли что не захочется, есть еще такое понятие как «надо».

Вместо двух раз в неделю, Оля стала приходить на занятия четыре-пять раз, и Мила была этому очень рада. Она

даже не подозревала, какой запас энергии скрывается во внешней Олиной скромности, какой прилив возбуждения исходит от нее.

Но все хорошее когда-нибудь кончается, закончились и занятия по репетиторству. Оля с трудом, но поступила в юридический институт, и их встречи стали случаться все реже и реже.

Да еще на одном из родительских собраний Мила увидела мужчину, очень похожего на отца, и доселе неизведанные чувства тронули ее. Она сделала все от нее зависящее, чтобы привлечь внимание мужчины, и тот повелся на ее соблазняющий взгляд.

Около года они встречались тайно на квартире, которую снимала Мила, и казалось, что их встречи перерастут во что-то большее. Но, когда мужчина пожелал оставить ради нее свою семью, Мила категорически с этим не согласилась. А, поразмыслив, поняла, что семейная жизнь с мужчиной не для нее. Тяга к женщине оказалась значительно сильнее, да и мужчина при ближайшем рассмотрении совсем не походил на ее отца.

А Нина, тем временем, без отрыва от учительства сменила не одну партнершу, но те оказались не такими соблазнительными, как Мила. Во время летних каникул она навестила свою студенческую подругу и призналась ей в любви. Для Милы ее признание не оказалось неожиданным, так как она сама частенько вспоминала их любовные игры в общении.

Через год у Нины умерла мама, оставив ей двухкомнатную квартиру, и Мила переехала к ней. Они работали в разных школах, и никто из соседей не мог заподозрить их в интимной близости. Ну, живут себе две подруги в одной квартире, так что из этого.

Однажды между ними произошел следующий разговор:

— Мила, а ты не задумывалась над мыслью о приобретении ребенка?

— Задумывалась, но только не решалась тебе об этом сказать.

— Знаешь, а мне все чаще хочется приласкать какого-нибудь малыша.

— Значит, ты хочешь мальчика, — спросила Мила.

— Нет, почему же, я и девочке была бы рада.

— А мне хочется мальчика, — призналась Мила.

Услышав это, Нина обняла свою подругу и произнесла:

— Так давай возьмем из детдома какого-нибудь мальчика.

— Давай, — согласилась с ней Мила.

Несколько дней они ходили в один из детских домов, присматриваясь к мальчикам. Наконец, сошлись на кандидатуре кудрявого симпатяшки, отличавшегося от других кротким нравом и выразительными глазами.

Потом началась длительная процедура сбора документов и оформления материнства. В конце концов, маленький Сережа оказался в Нининой квартире, и семейная жизнь потекла своим чередом. При этом он получал в два раза больше материнской ласки и любви, что ему не всегда доставляло удовольствие. И только потому, что отцовской любви ему явно не хватало, но с годами он с этим смирился и родителей не обижал. А, отслужив в армии, и получив родительское благословение, женился на молодой и красивой девчонке. Через год у молодой четы появилась девочка, а потом и мальчик, и любвеобильные бабушки с удовольствием приняли их.

Дай бог им семейного счастья и большого количества внуков и внучек, которые обязательно порадуют их правнуками и правнучками. Ведь жизнь все равно продолжается, хотя и не совсем традиционно начиналась.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Мне было пятьдесят пять лет, когда я встретил ее в одном из петербургских ресторанов. Она сидела за одним из столиков с двумя подругами и, потягивая шампанское, беззаботно щебетала.

Я сел за соседний столик и заказал двести грамм моего любимого коньяка. Я нередко приходил в этот ресторан, чтобы поужинать и заодно поразмышлять о смысле жизни. Выпив пятьдесят грамм коньяку и закусив ломтиком лимона, я попытался прокрутить в памяти события сегодняшнего дня. А день выдался вполне удачным, за исключением выходки одного из дизайнеров, который никак не хотел исправить явно неудавшийся модуль, сделанный для одного из наших клиентов. В конце концов, конфликт был улажен, и клиент одобрил работу дизайнера.

Я продолжил размышления, но очаровательный голос заставил меня посмотреть в сторону говорящего. Передо мной стояла женщина лет тридцати-тридцати пяти, которую я выделил из троицы соседнего стола.

— Разрешите присесть, — произнесла женщина.

Я немного смутился, но уже через мгновение предложил женщине кресло.

Она осторожно села в него и задала новый вопрос:

— Валерий Павлович, а Вы меня не помните?

Я внимательно посмотрел на женщину, и что-то знакомое уловил в ее улыбающемся лице. Уловить-то уловил, но никак не мог вспомнить имени собеседницы.

— Валерий Павлович, я Лена, Лена Кудрявцева, — под- сказала мне она, — помните, я училась в одном классе с Вашей дочерью.

И тут я вспомнил белокурую девчонку, которая несколько раз приходила в наш дом, вспомнил и выпускной бал, во время которого я станцевал с ней, всем своим телом почувствовав ее девчоночью энергию. А еще я вспомнил ее лукавый взгляд, стрельнувший в меня в момент прощания.

— Лена, — обрадовался я, — очень рад Вас видеть. Сколько зим, сколько лет. Выпьете со мной немного коньяку?

— Нет-нет, — поспешно отказалась Лена, — я уже достаточно выпила шампанского.

— Тогда расскажите, пожалуйста, немного о себе, — попросил я.

— Да вроде бы и рассказывать-то нечего, — смутилась она.

— Это как это нечего, — удивился я, — не виделись уже около двадцати лет, а Вам и рассказать нечего.

Лена внимательно посмотрела на меня и начала свой рассказ:

— После школы поступила я в финансово-экономический институт, где и познакомилась со своим будущим мужем. По окончании ВУЗа получила хорошую должность в одной престижной фирме. Муж тоже хорошо устроился. Через два года у нас родилась Сашенька, и все бы было хорошо, но муж разбился на машине. Сейчас мы живем вдвоем с дочкой. А Вы как живете?

— Я то, — переспросил я, — живу тоже вроде ничего. Три года, как похоронил жену и сейчас полностью отдаюсь своей работе.

— А где Вы работаете? — с интересом спросила Лена.

— Работаю в рекламном агентстве, точнее, в своем рекламном агентстве.

— Так Вы занимаетесь бизнесом? — оживилась Лена.

— Можно сказать и так, — подтвердил я, — вот только настоящим бизнесменом себя не считаю.

Лена оглянулась на своих подруг и произнесла:

— Девчонки, вы меня не ждите, я встретила своего хорошего знакомого.

— Это здорово, что она представила меня хорошим знакомым, — подумал я, — а еще лучше, что она остается со мной.

В общем, мы просидели с ней до самого закрытия ресторана, после чего я вызвал такси и проводил Лену до дома. Возле подъезда мы скромно попрощались, обменявшись номерами телефонов.

Через несколько дней я попробовал ей позвонить, но трубку никто не взял. Молчала трубка и в следующий раз, и в следующий

Я уже стал забывать про Лену, но в один из дней в Одноклассниках получил от нее всего три слова: здравствуйте, Валерий Павлович.

Я так обрадовался этим словам, что тут же ответил на ее приветствие.

— Лена, — написал я, — если бы Вы только знали, как обрадовался я Вашему приветствию. Примите мое приглашение, давайте встретимся где-нибудь.

Согласие я получил в этот же вечер, и из всего предложенного Лена выбрала боулинг.

На следующий день мы встретились в развлекательном центре и, выбрав дорожку, приступили к игре, не забывая общаться под звон бокалов.

По стилю игры было заметно, что Лена — не новичок в боулинге, хотя постоянно подчеркивала, что играет изредка. Она уверенно выбрала шар и также уверенно бросала его в сторону кеглей.

Я, конечно, мог бы выиграть у нее без особых усилий, но, заметив ее азарт и эмоциональные переживания, решил не портить ей настроение. И каждый раз, когда она удачно выбивала кегли, я темпераментно расхваливал ее бросок, стараясь дотронуться до ее руки или талии. Каждое такое

прикосновение доставляло мне истинное удовольствие, на волне которого мне так и хотелось ее обнять.

Лена, эта умная женщина чувствовала мое нестерпимое желание, и это чувство окрыляло ее. Она покраснелась не то от коньяка, не то от моей близости, а, может быть, и от того, и от другого. Ее глаза горели юношеским огнем, и я уже предчувствовал продолжение вечера у меня дома. Но часы показали одиннадцать, и Лена заторопилась домой, где ее ждала Сашенька. И опять мы простились довольно-таки сдержанно. Правда, в этот раз она поцеловала меня в щечку.

И опять история повторилась. Ее трубка молчала, а в один из дней я увидел ее выходящей из супермаркета. Подойдя к своей машине, она посмотрела на меня, махнула в качестве приветствия рукой и скрылась в машине.

По всей видимости, эта сцена ее как-то задела, и вечером я получил от нее послание такого содержания:

— Вы думали, что увидев Вас, я брошусь Вам на шею, но я так торопилась, что мне было не до этого.

Эти слова меня ужасно задели, и я даже не удосужился ей ответить.

Прошел месяц и я увидел ее в маршрутном такси. Холодно поздоровавшись, я встал возле выхода, но входящие пассажиры подтолкнули меня к месту, где сидела она. Я стоял и ждал, когда она коснется моей руки и тихо скажет:

— Валерий Павлович, ну что же Вы.

Но прикосновения я так и не дождался. Более того, мне самому не единожды хотелось наклониться и ее поцеловать. Но я этого тоже не сделал и, не попрощавшись, вышел из маршрутки. Идя домой, я проклинал себя за то, что не сделал первого шага, хотя и нашел оправдание в том, что на целых двадцать лет старше ее:

— Да, если бы мне скинуть годков этак десять, разве стал бы я тушеваться перед молодой женщиной.

Но что случилось, то случилось. А мой поступок, оказывается, так расстроил Лену, что она в тот же вечер написала

мне длинное письмо с просьбой о прощении, если она меня чем-то обидела.

Так возобновилась наша переписка, ускорившая договоренность о новой встрече. А новая встреча должна была состояться у меня дома.

Я с волнением готовился к этой встрече. Накупил в супермаркете всяких деликатесов, прибрался в квартире и приготовил кассеты с релаксационной музыкой.

Лена пришла в легком шелковом платье, с распущенными волосами, вся такая красивая и загадочная. От нее исходил аромат великолепных французских духов, за которым хотелось идти, хоть на край света.

Выпив по глотку коньяку, мы заговорили о всяких пустяках, но релаксационная музыка входила в нас, затуманивая наши сознания и возбуждая все больше и больше. Наконец Лена не выдержала и прижалась ко мне. Мои руки автоматически скользнули по ее телу, и трепетная дрожь объединила нас надолго. Мы с упоением ласкали друг друга, заглушая неистовыми поцелуями вырывающиеся из груди стоны. Но как только мои руки зашли слишком далеко, Лена вскочила и, поправив прическу, произнесла:

— Милый, от твоих ласк я совсем забыла про свою дочь, а ведь она без меня не уснет.

Я с сожалением проводил Лену до двери и на прощание крепко расцеловал.

От следующего моего приглашения Лена категорически отказалась, объяснив это тем, что приглашена на день рождения какого-то родственника.

Я никак не мог понять резких перемен ее настроения. То она очень стремилась ко мне, то категорически меня избегала. Мою голову почему-то не посещала мысль о том, что Лену мучают сомнения, что она не в силах сделать осознанный выбор в настоящее время. Но этот выбор она сделала в тот же вечер.

Я сидел дома в обнимку со своими грустными мыслями, когда раздался звонок телефона. В трубке я услышал взволнованный голос Лены:

— Милый, я хочу сейчас же увидеть тебя. Мне не хочется быть на этом празднике живота. — Ленка, милая Ленка, я жду тебя, я хочу тебя, я люблю тебя, — воскликнул я, и слезы радости брызнули из моих глаз. Хорошо, что Лена не видела моей минутной слабости.

ИСТОРИЯ МУЖЧИНЫ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ ЛЮБИТЬ И БЫТЬ ЛЮБИМЫМ

ПОЯВЛЕНИЕ НА СВЕТ

Что было в утробе матери будущий мужчина, конечно, не помнил. Зато, появившись на свет, он, вволю накричавшись, стал внимательно наблюдать за всем происходящим.

Его карие глазки так и зыркали по сторонам, и если на особях мужского пола взгляд долго не задерживался, то представительниц женской половины человечества прожигал насквозь. От прожигающего взгляда даже выдавшая виды акушерка чуть не выронила его из рук. Но, в конце концов, все обошлось благополучно, и счастливые родители довели малыша до дома.

На радостях был накрыт праздничный стол, за которым нарекли малыша Вениамином, в честь сидевшего за столом дедушки.

Прослезившийся дедушка произнес первый тост:

— Ну что ж, давайте выпьем за внука моего Веньку, вижу, шустрым будет мальчонка.

Присутствующие с удовольствием выпили, а некоторые из них так и рвались высказать здравицу в честь народившегося.

— Пусть растет умненьким и послушненьким, — верещали одни.

— Пусть будет здоровым и фартовым, — басили другие.
— За Веньку-мальца, — заплетающимися языками предлагали третьи.

Шум праздничного застолья теребил окрестности до самой поздней ночи.

Прошло много лет. Вроде бы сбылись пожелания большинства гостей церемонии spryskivaniya Венькиного рождения. Вырос он крепким и симпатичным ухажером, да и башковитостью отличался от своих сверстников.

Жил себе Венька, не тужил, безоглядно влюблялся, в меру грешил и на старости лет решил рассказать свою историю одному из друзей.

ИСТОКИ ЛЮБВИ

Как и у большинства пацанов, была у Веньки в школе первая любовь. Звали его любовь Веркой. Ее длинные русые волосы были ровно разделены на две тугих косички, кончики которых щекотали при ходьбе упитанный Веркин зад. Ох, и заводили же те две косички Веньку. Точнее не сами косички, а их кончики. Он так завидовал этим самым кончикам, что при виде их его руки не находили себе места. Но до поры до времени Венька сдерживал свое желание и только иногда подергивал за косы упитанную Верку. Кстати, было видно, что его подергивания не вызывали у Верки какой-либо отрицательной реакции. — Перестань заигрывать, — смеясь, кричала Верка.

— А я и не заигрываю, — игриво отвечал Венька.

На других девчонок в ту пору Венька даже не заглядывался, но поехав в первый раз в пионерский лагерь, без ума влюбился в пионервожатую. Дети звали ее Еленой Ивановной, но на отчество она явно не тянула. Пионервожатой Лена подрабатывала после второго курса педагогического института. Не только девичья красота пленила Веньку. Такой ладной фигуры с гибкой талией и упругой грудью не было ни

у кого в ближайшем Венькином окружении. А упругость груди Венька в полной мере прочувствовал во время фотографирования отряда, которым руководила Елена Ивановна.

Когда длинноносый фотограф попросил детей выстроиться перед объективом, Венька тут же пристроился рядом с вожатой. А когда фотограф посоветовал отрядовцам стать плотнее, Елена Ивановна одной рукой обняла за плечи рядом стоявшего Веньку, а другой девчонку, председателя отряда. И вот тут-то своей непутевой головой Венька и почувствовал упругость груди Елены Ивановны. От этой самой упругости его голова закружилась, и он поплыл так, что на фотографии получился с открытым ртом и закатившимися глазами. Если бы не рука Елены Ивановны, завалился бы Венька к ее стройным ногам.

Весь срок пребывания в лагере Венька старался быть рядом с вожатой, но его любовь так и осталась безответной.

По приезде домой Венька внимательней присмотрелся к Верке. А так как у той впереди ничего не просматривалось, стал все чаще перекидывать свой взгляд на девчонку постарше.

Однажды этот взгляд так тронул шестиклассницу Катьку, что та не выдержала и очень краткой фразой послала Веньку куда подальше.

Но Венька был не из тех сопляков, что отступают после первой неудачи. Он продолжал прожигать взглядом Катькины прелести до тех пор, пока та не сдалась.

— Ну что ты на меня все время зыркаешь? — сердито заявила она.

— Ничего я не зыркаю, — покраснев, ответил Венька.

— Как же не зыркаешь, если я постоянно ловлю твой одуревший взгляд, — уже мягче сказала Катька.

— И ничего не одуревший, — заупрямился Венька, — может быть, ты мне нравишься.

Катька с улыбкой посмотрела на Веньку и с издевкой произнесла:

— Ой, держите меня, жених выискался.

При этом она положила левую руку на свою выпирающую грудь. Уж лучше бы она этого не делала. Одурманенный таким жестом, Венька бросился к Катьке и, уткнувшись в эту самую грудь, запричитал:

— А может быть, я тебя люблю, а может быть, я тебя люблю.

Первым Катькиным желанием было оттолкнуть Веньку, но его жалостливый тон ее так растрогал, что она еще крепче прижала Венькину голову к своей груди.

Так и стояли они несколько мгновений, пока Катька ни опомнилась и со словами «ну хватит, Венька», высвободилась из его объятий.

Ополоумевший Венька со всех ног бросился прочь и не заметил, как Катька мило улыбнулась ему вслед.

Прибежав домой, Венька плюхнулся на диван и, уткнувшись в подушку, по-щенячьи заскулил. Неопикуемая обида сковала его дрожащее тело.

С этого дня Венька решил мстить всем девчонкам на свете.

И первой, кому захотел отомстить Венька, была, конечно, Катька. Долго он думал о способе мести и, наконец, остановился на том, что будет ходить мимо Катьки, будто ее и не существует вовсе.

Такие хождения Катьке совсем не понравились и, потерпев пару дней, она первой подошла к Веньке:

— А ты чего это проходишь мимо, словно я пустое место?

Не поворачивая головы, Венька выпалил:

— А ты для меня и есть пустое место.

Услышав такое, Катька не на шутку рассердилась:

— Я пустое место?! Да ты сам-то....., сам-то место.....
никакое. Совсем недавно в любви мне признавался, а теперь.....

— Да, — перебил ее Венька, — признавался, ну так что из этого.

— А то из этого, что я, может быть, и поверила, — потупив глаза, произнесла Катька.

На этом месте Венька впервые посмотрел Катьке в глаза и, убедившись в ее искренности, сменил гнев на милость:

— Да ладно, Катька. Ты, в общем-то, даже ничего.

— Не ничего, а очень даже симпатичная, — уточнила Катька.

— Ну, симпатичная, — пробубнил Венька и невольно улыбнулся.

Катька улыбнулась ему в ответ.

С той поры окружающие частенько видели их вместе. И пусть росточком он был меньше Катьки, но, идя рядом с ней, картинно задирал свой нос и всеми фибрами души чувствовал, как сверстники ему завидуют.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Через два года Катька поступила в колледж и надолго выпала из Венькиного поля зрения. А, как вы знаете, свято место пусто не бывает. И вскоре Венька присмотрел себе новую пассию. Правда, тогда он и не предполагал, что какую-то девчонку можно называть таким взрослым словом.

Ему так понравились голубые глаза Гальки из параллельного класса, что он даже не обратил внимания на кривизну ее ног. Конечно, в любви к ней Венька не признавался, но смотрел на нее подобострастней кота, заглядывающегося на колбасу. Такой взгляд Гальке поначалу не понравился, но несколько подаренных конфет сделали свое дело, и Венька получил доступ к голубоглазке.

Они стали чаще встречаться и даже ходить в кинотеатр на дневные сеансы. Как правило, Венька покупал билеты на последний ряд, запасался кулечком семечек и приглашал польщенную Гальку. А на последнем ряду разве можно было усидеть спокойно. Шаловливые Венькины ручонки так и тянулись к Галькиному телу. Поначалу Галька сильно сопротивлялась, но разве устоишь перед таким натиском. Кулек с семечками так и оставался не открытым, зато Галь-

кино тело было самым серьезным образом исследовано вдоль и поперек. А еще эти страстные поцелуи, от которых губы целующихся разбухали до безобразия. Я уже не говорю о головах, которые кружились в течение всего сеанса. После такого просмотра в этих головах вряд ли что оставалось. Может быть, только название фильма, да имена некоторых героев. Поздними вечерами Венька не раз пытался зажать Гальку в каком-нибудь углу. Его так и распирало от сладостного перевозбуждения, но до половой близости у них так и не дошло. Всякий раз Галька шлепала его по щеке и убегала домой. И тогда Веньке казалось, что их отношениям пришел конец, но они снова встречались, и все повторялось, как и в прошлый раз.

СПРОС НА НАСТОЯЩИХ МУЖИКОВ

А тут подросла повестка в военкомат, и загремел наш Венька в десантные войска, так как обладал недюжинным здоровьем. Ох, и трудна служба в десантуре, зато именно в армии Венька впервые почувствовал себя настоящим мужиком. А с настоящих мужиков и спрос особый. В отличие от занятий в школе, на которых он только в полуха слушал своего преподавателя, к занятиям по парашютной подготовке относился очень ответственно, за что неоднократно получал благодарности от своего взводного.

Но вы не подумайте, что спрос ограничивался исключительно парашютной подготовкой. Спрос на настоящих мужиков будоражил в городе и девичью среду. Да еще какой спрос. Девчонки толпами бегали за здоровенными молодцами в облегающих грудь гимнастерках. На этой почве у десантников неоднократно возникали конфликтные ситуации с местными пацанами, из которых они почти всегда выходили с честью. А, как вы знаете, победителей не судят, а безоговорочно отдаются им. И первой Венькиной жертвой стала Тоська, дочь одного из местных прапорщиков. Ника-

кие угрызения совести Тоську не ограничивали. Именно поэтому уже на первом свидании Венька потерял свою цельность. Я не буду пересказывать все детали происшедшего, но кайф он тогда получил полный, хотя и очень быстрый. Тоська даже обиделась. Но эта обида только раззадорила Тоську, и она, без особого афиширования, решила обучить Веньку половому искусству. А вы же, конечно, представляете, что может сделать женщина с ее незаурядной хитростью и сноровкой. Итак, под чутким Тоськиным руководством, Венька научился сдерживать свой неугомонный оргазм. Их половое общение превратилось в более чувственный и страстный процесс.

И тут, Венька почувствовал себя ну, если не королем секса, то настоящим половым разбойником. Поднадоевшей Тоськи ему стало мало, и он переключил свое внимание на других женских особей. Только теперь уже он диктовал условия, держа процесс совокупления в своих руках. Тоську Венька, конечно, тоже не забывал, но встречался с ней нечасто и непродолжительно. Только секс и ничего больше.

За время службы через его руки прошел не один десяток красивых и не очень красивых девушек. Были тут и совсем молоденькие хохотушки, и налившиеся соками разведенки. И каждую из них Венька удовлетворял без каких-либо послаблений. Уж удовлетворять, так удовлетворять. И вряд ли хоть одна из них торопилась забыть неукротимую Венькину близость. Женщины тем и отличаются от мужиков, что умеют прощать и долго помнить в основном хорошее. Только вы не подумайте, что за свой разгул Веньке не доставалось. Доставалось, да еще и как. За годы службы он неоднократно сидел на губе, вызывался на заседание комсомольского бюро и был бит объединившимися соперниками. Но никакие напасти не могли заставить Веньку не любить женщин. Вот таким он был любвеобильным.

Выйдя на гражданку, Венька убедился в том, что спрос на настоящих мужиков не иссякает и там. Несколько меся-

цев он упивался гражданской жизнью, иногда упивался так, что на следующее утро не мог понять, где же он проснулся или, а с кем же он сегодня спал. Но такие случаи были нечастными. Чаще же Венька помнил и место ночлега, и объект совокупления.

Из всех проходных женщин ему запомнилась, пожалуй, только Анфиса. Запомнилась она ему, прежде всего, своей ухоженностью. Глядя на таких женщин, мужчина обычно не торопится оторвать от нее своего взгляда. А какую страсть излучали все ее повадки. Сексуальным было даже то, как она подносила сигарету ко рту. Именно это движение притянуло Венькин взгляд и вызвало извержение слюны. Он подошел к ее столику и объявил о желании познакомиться. Правда, в этот раз Венька получил от нее только строгий взгляд, да неувимый жест невнимания. Но Венька не был бы половым разбойником, если бы сдался с первой попытки.

На следующий день он опять приперся в тот самый ресторан, и теперь Анфиса позволила ему присесть рядом. Завязалась непринужденная беседа ни о чем, и только один раз Анфиса подняла свою бровь, услышав о том, что Венька служил в десанте. Не знаю, какие мысли крутились в этот момент у нее в голове, но смею предположить:

— Да, десантника в моей биографии еще не было.

Наверное, именно этот факт Венькиной биографии стал последней точкой в ее сопротивлении. Хотя нет, она еще очень артистично сопротивлялась ему в постели. И это сопротивление Веньку так завело, что возгласы восторга и наслаждения вырывались из уст Анфисы до самого утра.

Но не все коту масленица, пора и честь знать. Поблуждав по закоулкам разгульной жизни, Венька взялся за ум и устроился работать на камвольную фабрику. А на этой фабрике, как вы понимаете, работают, в основном, женщины. То есть, запустили козла в огород. Хотя, устраиваясь на фабрику, Венька, точнее Вениамин, совсем не думал о распутной жизни. Напротив, устроившись на нее, Вениамин сделал пред-

ложение Анфисе. Ему тогда показалось, что он уже созрел для семейной жизни, и считал Анфису подходящей для этого парой. Но, к сожалению, Анфиса так не считала. Она четко дала ему понять, что семейный аркан — это не для нее. Такой отказ стал серьезным поводом для возвращения к половым подвигам. И такие подвиги начались.

Камвольная фабрика визжала от Вениаминовых проказ, точнее визжали ее сотрудницы. Кстати, они не столько визжали, сколько восхищались его сексуальными способностями. Многие из них так и вешались ему на шею, но Вениамин с годами стал очень разборчивым. Не каждая удосуживалась его внимания. Из-за этого на фабрике то и дело возникали конфликты с участием неудовлетворенных им женщин. Даже всесильный партком не мог повлиять на безнравственное поведение Вениамина. Да и как тут повлиять, если женщины сами виноваты. А работником Вениамин был безотказным и исполнительным.

Однажды, гуляя в парке, заметил Вениамин белобрысого пацана, пытавшегося стянуть у зазевавшейся женщины кошелек. Поймав проходимца, он не повел пацана в милицию, а проводил до квартиры и передал его с рук на руку его мамаше. Та искренне поблагодарила Вениамина и хотела уже при нем наказать сына, но тот вступился за мальчонку. Так Вениамин познакомился с Колькой и его мамой, которую звали Светланой Павловной. На следующий день Вениамин опять появился в квартире Светланы Павловны, но уже с бутылочкой вина и небольшим тортиком. Светлана Павловна быстро накрыла на стол, и они втроем принялись трапезничать. За бокалом вина Вениамин и узнал, что Светлана Павловна работала медсестрой в районной больнице. На сынишку у нее времени не хватало, и тот рос под влиянием улицы. Колькин отец бросил их, когда тому исполнилось три года. С той поры Колька и перешел в разряд безотцовщины. Сидя за столом, Колька внимательно слушал рассказ матери, не забывая за обе

щеки уплетать понравившийся ему торт, запивая его газировкой.

Вениамин сам не мог понять, чем Светлана Павловна смогла притянуть его к себе. То ли в этом виноват был Колька, к которому он прикипел душой. То ли душевность самой Светланы Павловны заворожила Вениамина. Но суть не в этом. С той поры Вениамин и Светлана стали встречаться каждый день, и, в конце концов, зарегистрировались в ЗАГСе. Пышной свадьбы они не играли, но для близких и друзей накрыли шикарный стол. А через год у них родилась девочка, и Вениамин предложил назвать ее Анфисой.

Так закончилась разгульная жизнь нашего полового разбойника, и началась жизнь человека, нашедшего свою любовь. Но это уже другая история.

КОЛОКОЛА

В одном маленьком городе, на самом высоком месте стояла красивая белая церковь с такой же красивой белой колокольней.

На колокольне сияли медью семь колоколов от самого маленького до самого большого.

Колокольный звон далеко разносился по округе, радуя горожан. Особенно торжественно звучали колокола в дни церковных праздников, когда в каждом звоне слышались только радостные нотки, и люди спешили насладиться завораживающей музыкой колоколов.

Они радушно поздравляли друг друга с праздником, от их улыбок на улицах становилось светлей и чище.

Но были времена, когда колокола звучали тревожно, с каким-то неестественным надрывом. Такой звон собирал горожан, предупреждая их об опасности, которая надвигалась на город: будь то вооруженный до зубов захватчик, или опасная эпидемия, или разбушевавшаяся стихия.

Заслышав такой звон, люди забывали о маленьких и больших ссорах и сообща защищали родной город, не жалея при этом ни средств, ни сил и даже своих жизней.

Только самоотверженность и сплоченность позволили горожанам выстоять и сохранить свой маленький город.

Жизнь в городе текла своим чередом. Но после одной дождливой ночи горожане не услышали привычного колокольного звона. Какая-то нечистая сила, а иначе эту силу

и нельзя было назвать, в общем, какая-то нечистая сила сняла колокола и утащила их в неизвестном направлении.

Горожане собрались у оскверненной нечистой силой церкви, долго обсуждали случившееся и, наконец, приняли решение о начале поисков пропавших колоколов.

Самым выносливым из них пришлось идти на все четыре стороны с наказом, чтобы без колоколов они в город не возвращались.

Жизнь в городе стала какой-то безрадостной и монотонной. Горожане то и дело посматривали с надеждой вдаль, надеясь увидеть там возвращающихся искателей. Но время шло, а ушедшие так и не возвращались.

Семьдесят дней и ночей люди с надеждой смотрели на горизонт и, наконец-то, увидели своих уставших посланников. Не все из них вернулись из опасного путешествия, а те, кто вернулся, поведали горожанам о том, что за семью морями в непроходимых джунглях удалось найти им осколки пропавших колоколов. Осколки эти разбросаны на большие расстояния, и собрать их они не смогли. На обратном пути повстречался им какой-то старец, который поведал о том, что восстановить колокола можно только, сделав семь добрых дел, не считая того, которое будет заключаться в нахождении всех осколков и возвращении их на родную землю.

Погоревали горожане, да делать нечего. Снарядили они всю мужскую половину в дальние края, а старики, женщины и дети остались дома с думой о добрых делах. Долго думали оставшиеся горожане и, наконец, решили, что, перво-наперво, уберут они следы нечистой силы с церкви, а, заодно, почистят и весь город. Во-вторых, поставят памятник не вернувшимся землякам. В-третьих, постараются накормить голодных. В-четвертых, построят кров для бездомных. В-пятых, облегчат судьбу калекам и больным. В-шестых, обучат всех безграмотных, и, в-седьмых, обеспечат работой безработных.

Так они и сделали. С той поры колокола вернулись на свои места и малиновым звоном радуют горожан. А горожане, в свою очередь, не забывают делать добрые дела, потому что только добрые дела позволили им вернуть колокольное наслаждение, а, вместе с ним, веру, надежду и любовь.

КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИХОРАДКА

Сидел как-то за компьютером великовозрастный Хмырь, перекидывался с виртуальными знакомыми ничего не значащими тарабарскими фразами, типа «а че», «елы-палы», «блин», «казуал» и т. п.

Перекидывался Хмырь, перекидывался, и так ему грустно стало, что пошел он в ближайший ларек и купил там себе две банки энергетического напитка.

Одну банку он выпил залпом прямо у ларька, другую же принес домой и, прежде, чем выпить, опять углубился в компьютер.

Энергетика напитка очень быстро нашла общий язык с кирпичом (центральным процессором), и кликуха (компьютерная мышь) забегала по паласу (коврик для мыши) с утроенной скоростью.

Хмырь топтал клавишу (набирать какой-нибудь текст) так, что мыльница (электронная почта) с трудом поспевала за ним, а тачка (компьютер) начинала глючить (работать с глюками, перебоями) от избытка офтопов (высказываний не по теме).

Наконец, тачка не выдержала и окончательно зависла, наступил полный пипец (без комментариев). Грызун (компьютерная мышь) затаих на потрепанном коврике, а с перегретой клавиши в изнеможении свалились руки Хмыря.

Несколько минут Хмырь тупо смотрел на моню (монитор компьютера), потом, почувствовав себя чайником (мало-

опытный пользователь), высказал ему свой решительный флейм (оскорбление).

Удовлетворив тем самым свое самолюбие, он схватил со стола банку энергетического напитка и решительно ее открыл.

Сначала из банки стал медленно выходить какой-то пар, затем вырисовалась чья-то небритая морда, потом появилось и все человекообразное существо.

«Ня (возглас восхищения), — произнес Хмырь, уставившись на существо, — ку (приветствие в чатах)», — приветствовал он его.

Человекообразное существо вопросительно уставилось на Хмыря, и тот понял, что простого компьютерного сленга появившейся образине знать не дано.

«Раз ты у нас такой лузер (неудачник), то буду разговаривать с тобой, не напрягая своего ОЗУ, — произнес Хмырь, после чего спросил у существа на ломаном русском, — как тебя зовут-то, чмо небритое?»

Существо, приняв слово «чмо» за что-то хорошее, с улыбкой ответил: «Достопочтимый юноша, Джин я, великий и всемогущий Джин».

«Джин», — переспросил Хмырь.

«Джин, Джин», — подтвердило существо.

«А чем же уж ты так всемогущ», — вновь спросил Хмырь.

«А тем и всемогущ, что готов исполнить три твоих заветных желания», — ответил Джин.

Услышав эти слова, Хмырь надолго задумался, а, придя в себя, переспросил: «А можно загадать пять желаний?»

«Нет, — категорично ответил Джин, — только три и ни одного больше».

Хмырь удрученно вздохнул, но все же сказал свое первое желание: «Хочу, чтобы все юзеры стали усерами».

Поймав на себе вопросительный взгляд Джина, он повторил желание по-русски: «Хочу, чтобы все компьютерные пользователи были малоопытными».

«Хорошо, — сказал Джин и, стукнув себя по лбу, воскликнул, — пусть сейчас же исполнится первое желание моего достопочтимого друга».

«А теперь, Джин, марш спать, — потребовал Хмырь, — в следующий раз я сообщу тебе свое второе желание».

Джин моментально выполнил требование своего нового хозяина и тут же исчез в банке из-под энергетического напитка.

Хмырь бросился к компьютеру и всю ночь забрасывал вопросами своих, ставших малоопытными, участников форума. Мало того, что он от души посмеялся над их безграмотными ответами, но еще не пожалел для них флеймов.

В общем, ночь прошла при полном его превосходстве, и он впервые почувствовал себя хозяином виртуального пространства.

Но на следующий день оскорбленные участники форума не вышли с ним на связь.

Что только он не делал, чтобы вызвать их на диалог. Он рассылал по всем адресам свой респект (проявление уважения), изображал из себя рофля (человек смешной, с чувством юмора). Все было напрасно, никто не откликнулся на его призывы.

Расстроенный Хмырь вызвал из банки Джина, и ознакомил его со своим вторым желанием: «Хочу, Джин, стать главным госаком, то есть главным профессиональным игроком во всей компьютерной сети».

«Хорошо, — сказал Джин и, стукнув себя по лбу, воскликнул, — пусть сейчас же исполнится второе желание моего достопочтимого друга».

Сказав это, он без предупреждения скрылся в алюминиевой банке.

В эту ночь Хмырь от души наигрался во все компьютерные игры, ни разу не проиграв.

Во вторую ночь Хмырь опять радовался своим победам, но на третью ночь он заметил, что еще до выстрела против-

ник замертво падает на виртуальную землю, а лихие гонщики прижимаются к виртуальной обочине, пропуская его машину.

Разозлившись, Хмырь в очередной раз вызвал Джина и прокричал ему свое третье желание: «Хочу, чтобы меня признали главным хакером, то есть главным взломщиком компьютерных сетей».

«Хорошо, — сказал Джин и, стукнув себя по лбу, воскликнул, — пусть сейчас же исполнится третье желание моего достопочтимого друга».

Сказав это, он попрощался с Хмырем и растворился в воздушном пространстве.

Через несколько минут Хмырь оказался на Всемирном хакерском форуме, где его единогласно провозгласили Главным хакером мировой компьютерной сети.

Прямо на форуме он получил массу заманчивых предложений, как от властных структур, так и от различных бизнес-элит.

Но, если назваться Главным хакером с помощью Джина Хмырю удалось, то показать себя в деле он не смог. Из всех сетей ему удалось взломать только свою, но в ней ничего интересного, кроме флуда (многократное повторение одинаковых сообщений) он не нашел. А повторяющееся сообщение было таким — fuck you (да пошел ты).

ЛЕТЧИКИ ПРИЛЕТЕЛИ

В один из зимних дней, старенький самолет Ли-2 взлетел с базового аэродрома и взял курс на юг. Командир экипажа, капитан Лебедев, передал управление второму пилоту и ненадолго задумался. Вот уже более четырех лет он не бывал в маленьком городке Тверской области.

— Интересно, помнит ли меня чернобровая красотулька по имени Анна, — подумал он, и тут же получил утвердительный ответ, — конечно, помнит, вот я-то ее вспомнил. Хотя, если бы не полет, то вряд ли в моей памяти всплыл ее образ.

— Командир, курс 178 градусов, — вмешался в его раздумья штурман корабля, старший лейтенант Пегов.

— Есть 178, — подтвердил информацию Владимир Лебедев и, взглянув на второго пилота, взял рекомендованный курс, — а скажи-ка мне Никита, в котором часу мы будем на месте?

— Ориентировочное время выхода на аэродром посадки 18 часов 27 минут, — доложил Никита Пегов.

— Радист, а какая погода в районе посадки, — задал новый вопрос капитан Лебедев.

— Температура — 22 градуса, ветер восточный 5 метров в секунду, нижний край облачности 950 метров, возможен снег, — доложил радист, прапорщик Василий Колюжный.

— Ну, что ж, бывало и похуже, — подытожил командир.

— Командир, а после ужина куда-нибудь пойдем, — спросил второй пилот, лейтенант Юрий Чесноков.

— Кто пойдет, а кто и в гостинице отдохнет, — ответил командир, — и вообще, рано еще планы строить. Лучше следди за курсом.

А в это время в грузовой кабине строили планы борттехник, старший лейтенант Григорий Иванько и бортмеханик, прапорщик Иван Петров.

— Интересно, командир разрешит нам сегодня на танцы сходить, — задал вопрос Григорий.

— Вряд ли, — предположил Иван, — пока прилетим, да зачехлим самолет, пройдет много времени. Вот если завтра, то по настроению.

— А я бы уже сегодня развеялся, — сказал Григорий.

В этот момент в грузовую кабину вышел Никита Пегов:

— Чувствую, что уже настроились на приятный вечер.

— Хотелось бы, — подтвердил Григорий.

— Хочется, перехочется, — с ухмылкой произнес Никита, — а теперь по местам, скоро посадка.

И, действительно, самолет приступил к снижению, войдя в плотные облака. А в плотной облачности не расслабишься. Нисходящие и восходящие потоки воздуха бросали самолет, как пушинку. Штурвал так и норовил вырваться из рук командира.

А тут еще снежный заряд накрыл аэродром посадки, уменьшив посадочную видимость. Вся надежда была только на штурмана и его приборы, особенно на АРК. Именно автоматический радиокompас четко отслеживал положение самолета относительно наземных приводов. Используя показания компаса и АРК, Никита контролировал полет самолета, давая четкие команды на изменение курса, а командир, с помощью авиагоризонта старался выдержать курс и глиссаду посадки.

Уже был пройден дальний привод, а полоса так и не просматривалась. И только над ближним приводом, то есть на удалении 1000 метров от ВПП, командир увидел освещенную огнями полосу. От напряжения у него взмок

не только затылок, но и руки, крепко державшие штурвал. Такой же напряг был у экипажа до самой посадки. И даже когда колеса шасси коснулись полосы, командира не покидало это напряжение. И только когда самолет вырулил с взлетно-посадочной полосы, вздох облегчения наполнил пилотскую кабину.

— Командир, — воскликнул второй пилот, — вы просто гений. Только с высоты шестьдесят метров мы увидели полосу, а как классно вы посадили самолет.

— Ладно, салага, хватит петь дифирамбы, — улыбнувшись, произнес командир, — лучше помоги зарулить на стоянку.

А у самого в мозгу звучала песнь победителя, песнь покорителя очередного снежного заряда. Именно такие экстремальные моменты спланивают экипаж вокруг надежного и опытного командира, коим является Владимир Лебедев.

И вот двигатели выключены, борттехник, бортмеханик и радист остались у самолета, а командир, штурман и правый летчик направились к КПП. Но перед их уходом борттехник спросил у командира:

— А горячего в гостиницу брать?

— Возьми литра два, — предложил командир.

Встретился экипаж уже в гостинице. Правда, на звание гостиницы двухэтажный деревянный барак явно не тянул. В комнате, куда заселили экипаж, был такой дубак, что раздеваться вовсе не хотелось. Холодный сквознячок был явным хозяином данной комнаты. Именно поэтому командир обратился к правому летчику:

— Юрий, ну-ка сходи к администраторше, побеседуй с ней.

— Хорошо, командир, будет сделано, — сказал правый летчик и вышел из комнаты.

Через несколько минут Юрий вернулся и доложил:

— Командир, администраторша обещала прислать сантехника, может он что-нибудь посоветует.

— Ну, хорошо, а сейчас сходи-ка с радистом в местное сельпо, да купи что-нибудь на ужин, а то столовая уже не работает.

Юрий с радистом ушли за продуктами, а остальные члены экипажа попытались занавесить одеялами промороженные окна.

И тут в комнате появился неказистый мужичонка в потрепанной ушанке, фуфайке, стеганых штанах и больших серых валенках. Его слезливые глаза были подернуты хмельным туманом, но держался он бодренько:

— Какие будут указания?

— А как зовут-то тебя, мил человек, — в свою очередь спросил командир.

— А зовут меня Никодимом, значит, — ответил мужичок.

— Так вот что, Никодим, нехорошо вы встречаете заслуженных летчиков, очень нехорошо.

— Дык ведь нечасто к нам, значит, заслужонные-то залетают, — выбросив хитринку из глаз, промямлил Никодим.

— А раз нечасто, то и принимать их нужно по высшему разряду, — посоветовал командир.

— Дык я бы, значить, рад, да не все в моих силах, — закатив глаза, произнес Никодим.

— Никогда не поверю, что у такого спеца силенок не хватит, — командир шлепнул Никодима по плечу, — вон ты у нас какой орел.

Но Никодима на хвалебной мякине не проведешь. Склонив на бок ушанистую голову, он отрыгнул:

— Орел, может и орел, значит, а силенки сами по себе не приходят. Организм тоже требует подкрепления.

— А что, если подкрепление будет, удовлетворишь наши потребности, — спросил командир.

— Да Никодим, значит, в лепешку разобьется, а дело сделает.

— А посуда-то у тебя есть, — задал новый вопрос командир.

Услышав такое, Никодим быстро залез во внутренний карман фуфайки и вытащил оттуда залапанную четвертинку:

— Она, значит, всегда при мне.

— Григорий, — обратился командир к борттехнику, — наполни-ка Никодимову емкость.

Борттехник достал из мешка канистру с воронкой и отлил из нее ровно четверть литра.

Никодим хотел уже отпить из бутылки, но командир его остановил:

— Нет уж, орел, вот сделаешь дело, тогда и заправишься.

Никодим поцеловал бутылку и убрал ее во внутренний карман фуфайки:

— Командир, а пусть со мной кто-нибудь из ребят сходит, — попросил он.

— Никита, проводи Никодима, ты у нас главный по навигации, — приказал командир.

— Хорошо, командир, сделаю в лучшем виде.

Никодим с Никитой ушли выполнять задание, а Григорий пробурчал:

— Вот прохиндей, дуриком прикидывается, а сам себе на уме.

— А что ты удивляешься, — вступил в разговор бортмеханик, — у нас в каждом городе такие встречаются. Этот еще по-божески, всего четвертинку выдал, а другие поллитровку норовят подсунуть.

— Да черт с ней, с четвертинкой, лишь бы дело сделал, — сказал командир.

В это время из магазина вернулись Юрий и Василий.

— Чувствую, что теплей в нашем «люксе» так и не стало, — проворчал Юрий.

— Не стало, но мы ждем, — сообщил борттехник, — тут нам обещали доставить грелок во весь рост.

— Командир, неужели мы дожили до светлого будущего, — задал вопрос Юрий.

— Пока не дожили, но надеемся дожить, — ответил командир, — чур, я беру светленькую грелку.

— А я хочу сразу две грелки взять, — поддержал командира борттехник.

— А нам-то грелки достанутся, — на полном серьезе спросил Юрий.

Но ответа он не услышал, так как дверь отворилась, и в комнату вошли Никита с Никодимом. В руках у каждого было по масляному радиатору и по одеялу.

— Принимайте источники тепла, — заявил Никита, — а мы пойдем за другими экземплярами.

Никита с Никодимом удалились, а борттехник принялся подключать доставленные радиаторы.

— Ничего себе грелки во весь рост, — расстроился Юрий.

— А ты раскатал губенку-то, во весь рост ему подавай, — хихикнул Григорий.

— Ты, Юра, лучше сервировкой стола займись, — посоветовал командир.

Расстроенный Юрий стал выкладывать на стол купленные продукты. К ним относились соленая капуста и маринованные огурчики, вареная колбаса и колбасный сыр, черный хлеб и пачка сухарей, а также две бутылки минералки для запивона.

Бортмеханик потянулся к сухарям, но командир шлепнул его по руке:

— Не суетись, Василий. Вот управимся с делами и сядем ужинать.

— А мы уже все принесли, — сообщил вошедший Никита.

И, действительно, они с Никодимом принесли еще по одному радиатору и одеялу.

— Вот вам, значит, обещанное, — сказал Никодим, — теперь утепляйтесь и отдыхайте. А я пойду, значит, к своей старухе. Жаждалась, уж, поди.

— Иди, иди, Никодим, только не пропадай, — разрешил командир.

Итак, радиаторы подключены, окна задраены одеялами, стол накрыт по высшему разряду, можно и расслабиться.

Борттехник разлил по кружкам спирт, а командир произнес первый тост:

— Давайте выпьем за еще одну счастливую посадку в сложных метеорологических условиях.

Все дружно поддержали этот тост и с нескрываемым удовольствием осушили кружки.

А потом началось интенсивное чавканье шестерых голодавших мужичков.

А когда борттехник начал разливать по второму разу, свет вдруг погас, а в темноте разве разольешь. Нет разлить-то можно и в темноте, но не в кружки, а мимо них.

— Ну что, Никита, иди искать Никодима, — предложил командир.

Запасливый бортмеханик включил дежурный фонарик и изъявил желание сопровождать Никиту.

В комнате у администраторши горела свечка. Сама администраторша сидела за столом и кемарила.

— А мы опять к вам, — сказал Никита, — хотелось бы увидеть Никодима.

— Увидеть его можно, да толку-то что. Он на радостях выдул всю четвертинку и завалился в чулане. Его теперь никакими колоколами не разбудишь, — сообщила администраторша.

— А что же нам делать, — задал вопрос Никита, — мы без света никак не можем.

— Есть у нас дежурный электрик, так если он тверезый, то вам повезло, — ответила администраторша, — вы посидите, а я за ним сбегая.

— Да уж, вы постарайтесь, — сказал Никита.

Через пятнадцать минут администраторша привела заспанного электрика:

— И что на ночь глядя вам не спится, — проворчал электрик, — спали бы себе и спали.

— А мы еще некоторые дела не закончили, — вступил в разговор бортмеханик.

— Ну что ж, пойдемте в вашу комнату, — без особого желания произнес электрик и пошел к лестничной площадке, включив предварительно фонарь.

Войдя в комнату, он заметил четыре радиатора и воскликнул:

— Ни хрена себе батарея, конечно, никакие предохранители не выдержат.

— Но мы надеемся на вас, — произнес командир, — не случайно же вас называют классным специалистом.

— Оно, конечно, — выпятил грудь классный специалист, — но предохранители на дороге не валяются. Их еще поискать надо.

— Ну, вы уж поищите, а мы в долгу не останемся, — пообещал командир.

Завидев на столе литровую баклажку, электрик проглотил слюны и пообещал эти самые предохранители достать.

Минут через десять свет загорелся, и электрик вернулся в комнату.

— Большое спасибо вам, мил человек, — завидев электрика, произнес командир.

— Спасибо, конечно, хорошо, но его в карман не положишь и в стакан не нальешь, — нахмурился электрик.

— Ах, да, я и забыл, а стакан-то у вас есть, — улыбнувшись, спросил командир.

— А он у меня всегда при себе, — сказал электрик и достал из кармана граненый стакан.

— Вот специалист, так специалист, — похвалил его командир, — Григорий, налей-ка товарищу.

Григорий выполнил просьбу командира, наполнив стакан до краев.

Электрик отпил солидную долю из стакана, вытерся рукавом, а оставшуюся часть перелил в вынутую из кармана четвертинку:

— Спасибо вам, добрые люди, за то, что не дали старику помереть.

Выслушав электрика, командир обратился к борттехнику:

— Долей-ка, Григорий, ему четвертинку. Уж больно хорошо он нас назвал.

Григорий выполнил просьбу командира, и электрик заторопился к выходу.

Перед дверью он обернулся и, посмотрев на командира, произнес:

— Дай бог вам неба чистого, да приземлений мягких.

Сказав это, он повернулся и скрылся за дверью.

— Всем хорош русский мужик, — сказал командир, — но тяга к спиртному... Хотя, что это я. А ну-ка наливай, Григорий.

— Командир, а позволь сказать очередной тост, — попросил правый летчик.

— Ну, рассказывай, если созрел.

— Ребята, я хочу сейчас выпить за нашего командира. В таких условиях посадить самолет не каждому дано. После четвертого разворота я чуть в штаны не наложил. За вас, командир, за ваше летное мастерство.

Да, за такой тост не грех и выпить.

Выпили и за закуску.

А во время чавканья можно и поговорить.

— Командир, а завтра на танцы пойдем, — спросил раскрасневшийся Никита.

— Может, и пойдем, — улыбнулся командир, — но только в том случае, если своевременно подготовимся к очередному полету.

— Так у нас в запасе есть целых два дня, — напомнил Никита.

— Но лучше заранее подготовиться, а потом можно будет и отдохнуть, — уточнил командир.

Выпив по третьей, экипаж окончательно разогрелся и завалился спать. Всю ночь комнату сотрясал храп то одного, то другого члена экипажа. Особым искусством храпа обладал бортмеханик. Он умудрялся храпеть и туда, и обратно.

На следующий день штурман Никита разбудил всех в 8 часов, дабы успеть на утренний завтрак.

После завтрака борттехник с бортмехаником отправились на аэродром готовить самолет, а остальные члены экипажа оккупировали класс летной подготовки и стали готовить летную документацию и необходимые для полета данные.

К обеду весь объем работ был выполнен, и командир решил экипажу прогуляться по городу.

Сам же он решил навестить ту самую Анну, с которой не виделся целых четыре года. Районный городок был небольшим по размерам, да и жителей в нем проживало чуть больше пяти тысяч. Узкие улочки были засыпаны белым снегом, поэтому казались такими ухоженными. А в прошлый раз они прилетали летом, и проезжая часть глазела на них лужами и колдобинами.

— Интересно, дома ли сейчас Анна, — шагая по заснеженному тротуару, думал командир, — вообще-то, сегодня суббота, а по субботам Анна не работала.

И вот показался старенький деревянный дом, в котором проживала Анна. И чем он был ближе, тем учащенней билось сердце командира:

— А будет ли она рада моему визиту.

Калитка скрипнула, и командир вошел в заснеженный дворик. К крыльцу вела расчищенная от снега тропинка. Подойдя к двери, он несколько мгновений постоял в нерешительности, потом сильно постучал.

В избе послышалось некоторое шевеление. Через минуту дверь отворилась и на пороге появилась постаревшая за четыре года Анна.

Она внимательно посмотрела на командира, потом глаза ее оживились, и она произнесла:

— Владимир, неужели это ты?

От таких слов у командира защемило в груди и, как говорится, в зобу дыханье сперло.

Но он сумел собраться и произнести:

— Да, Анна, это я. А в избу-то ты меняпустишь?

— Конечно, проходи, — засуетилась Анна, — дорогим гостем будешь.

И тут командир по полной расслабился. Войдя в комнату, он достал из пакета бутылку шампанского и коробку конфет, которые заблаговременно купил в местном сельпо.

Обрадованная Анна засуетилась возле стола, заставляя его разносолами собственного изготовления. Да и бутылка самогонки оказалась очень даже кстати.

Прежде, чем сесть за стол, командир обнял Анну и поцеловал так, что у той ноги подкосились. Усадив ее на диван, командир сел рядом и произнес:

— Милая Анна, а я шел сюда и думал, помнишь ли ты меня, узнаешь ли ты меня.

— А я тебя сразу узнала. А раз узнала, значит помнила. Может быть, ты поухаживаешь за мной.

— Да, конечно, — засуетился командир.

Он налил в Аннин фужер шампанского, а свою стопку наполнил самогонкой:

— Давай выпьем за нашу встречу, — предложил он.

— Давай, — согласилась Анна.

А после выпитого раскрасневшаяся Анна сама обняла командира и прошептала:

— Если бы ты знал, как я тебя ждала все это время.

— Господи, и сколько же таких женщин ждут своего счастья, не теряя надежды и думая о том человеке, который хоть на миг сделал ее счастливой, — подумал командир.

С нахлынувшей теплотой он обнял женщину, с которой был близок всего один день:

— Анна, ты уж меня прости, просто не так часто мы приземляемся на местном аэродроме.

— Ты знаешь, а у нас по городку уже прошел слух, что прилетели какие-то летчики и угощают всех спиртом. Я почему-то подумала, что это ты прилетел.

— Вот я и прилетел.

Теперь оставим командира с Анной наедине и пройдем в местный клуб, где уже начались танцы.

Именно там мы и встретим остальных членов экипажа.

Они уже не по одному разу потанцевали с местными красотками, вызывая черную зависть у городских парней.

Некоторые из них подошли к экипажу и предложили выйти на свежий воздух.

Члены экипажа переглянулись и пошли к выходу. На свежем воздухе состоялся следующий разговор:

— Короче, мы советуем вам катиться в свою гостиницу, а то...

— А то, что, — перебил говорившего Никита.

— А то мы вам бока наломаем, — зло сказал один из парней.

— То есть, если мы не уйдем, вы нас побьете, — уточнил Никита.

— Да, и не просто побьем, а покалечим, — подтвердил парень.

— А есть ли другие варианты, — задал новый вопрос Никита.

— Есть, но это будет зависеть от полноты налитого стакана.

— Ну, если дело только в этом, то мы готовы вас угостить, — сказал Никита, — Григорий, доставай свою баклажку.

Тут же нашлись емкости, в которые был перелит спирт, и довольные парни ушли на расслабон.

А экипаж вернулся в клуб и продолжил знакомство с местными красотульками. Танцы были в полном разгаре,

когда подвыпившие парни вернулись в клуб. Разгоряченные спиртным они попытались наказать летчиков, но за экипаж вступились девушки. А женская солидарность может сподвигнуть на любые подвиги.

После непродолжительного противостояния, экипаж был девушками отбит, и ими же взят в полон.

В общем, в гостиницу никто из членов экипажа не пришел. Не пришел экипаж в гостиницу и на следующий вечер.

А утром члены экипажа, как огурчики, собрались на аэродроме, и старенький Ли-2 взял курс на север.

С земли самолет провожали десятки расстроенных глаз, как женских, так и мужских.

Но в женских глазах просматривалась затаенная надежда на новую встречу.

ЛЮБОВЬ ТИМОФЕЕВНА

После смерти мужа жила Любовь Тимофеевна одна в своей однокомнатной квартире. Взрослая дочь уже давно вышла замуж и к матери заезжала нечасто. У нее всегда находился повод проехать мимо дома, в котором проживала ее мать. То потому, что на работе выматывается, то по семейным делам, то по плохому состоянию.

Любовь Тимофеевна не обижалась на дочь, хотя в сознании иногда и всплывала волна печали.

— Дело молодое, — думала она, — станет постарше, вспомнит о матери-то.

Но с годами внимание дочери так и не проявилось.

Выйдя на пенсию, Любовь Тимофеевна нашла себе незаметную работенку, устроившись уборщицей в местную больницу. И время быстрее пошло, и к небольшой пенсии какая-никакая прибавка.

К слову сказать, что-то уж больно часто Любовь Тимофеевна стала подгонять это самое время.

— А чего зря небо копить, — размышляла она, — уж и так пожила достаточно.

С этой мыслью она и жила последнее время.

Но произошло событие, которое заставило Любовь Тимофеевну поменять копошившуюся в мозгу мысль.

В один из дней она убиралась в палате, где лежали два сердечника. Поправляя одеяло одному из них, она тихо сказала:

— Дай бог тебе здоровья, мил человек.

Мил человек открыл глаза и произнес:

— Спасибо Вам за добрые слова, а как Вас зовут?

— Меня-то, Любовь Тимофеевна, — покраснев, сообщила она.

— А меня Сергей Иванович, — представился больной, — ну вот и познакомились.

Смутившаяся Любовь Тимофеевна поспешила покинуть палату.

На следующий день их разговор продолжился, и Любовь Тимофеевна узнала о том, что всю свою жизнь проработал Сергей Иванович на металлургическом комбинате, сначала простым инженером, потом представлен был в главные. И вот теперь захватили комбинат местные бандюганы, разогнав тех, кто был с ними не согласен.

Директор комбината скоропостижно скончался от сердечного приступа, хотя раньше на сердце никогда не жаловался, а Сергей Иванович слег в больницу и теперь не знает, когда из нее выберется.

— Теперь одна дорога на пенсию, — печально произнес он, — на комбинате мне уже не работать.

— Вот дожили, жируют только те, кто нахрапистей, да бессовестней, — поддержала разговор Любовь Тимофеевна.

— И не говорите, — еще больше опечалился Сергей Иванович, — вот думали, перестройка пришла, теперь уж заживем. А оно вон как повернулось.

Поняв, что начатый разговор только расстраивает Сергея Ивановича, Любовь Тимофеевна попрощалась и вышла из палаты.

Но общение продолжилось и на следующий день. Когда утренний обход закончился, Любовь Тимофеевна пришла в знакомую палату и по глазам Сергея Ивановича поняла, что он рад ее видеть.

— С добрым утром, Сергей Иванович, как Ваше здоровье?

— Доктор сказал, что я здоров, как бык, только еще недельку нужно полежать, — доложил Сергей Иванович.

— Ну, если только недельку, тогда, действительно, здоров, — улыбнулась Любовь Тимофеевна.

Присев на рядом стоящий стул, она задала новый вопрос:

— А почему к Вам никто не приходит?

— А приходить-то и некому. Жена умерла год тому назад, а сыну о своих болячках я не пишу. Он у меня в столице своей фирмой обзавелся, поэтому времени на все не хватает.

— А, может быть, стоит известить сына, — робко спросила Любовь Тимофеевна.

— Вот выйду из больницы, тогда и извещу, — пообещал Сергей Иванович.

С этого дня Любовь Тимофеевна стала приносить в палату разные фрукты, соки и молочные продукты, которые могла достать. Дефицит продуктов ощущался все явственней, и настроения он никому не прибавлял.

Сергей Иванович поначалу отказывался, но благодарность в его глазах читалась неоднократно.

Неделя проскочила незаметно, и настал день выписки его из больницы. Прощаясь, Сергей Иванович оставил Любви Тимофеевне номер своего телефона и просил обязательно позвонить.

Если бы он знал, сколько раз Любовь Тимофеевна доставала записку с номером телефона, да так и не решилась его набрать.

А Сергей Иванович помнил о ней и по истечению недели сам пришел в больницу. Сначала он поговорил с лечащим врачом, а потом отыскал Любовь Тимофеевну.

Увидев Сергея Ивановича, Любовь Тимофеевна зарделась, как в молодые годы.

Ее открытая улыбка говорила о том, что она рада этой встрече.

— Любовь Тимофеевна, а не пойти ли нам в парк, — предложил Сергей Иванович, — уж больно погода хорошая.

— Конечно, конечно, — засуетилась Любовь Тимофеевна, — я только переоденусь.

Погода, действительно, стояла замечательная. Только что прошли майские праздники, во время которых погода заливала дождями праздничное настроение горожан. И вот уже три дня, как тучи разлетелись, и жаркое солнце осушило землю.

Парковые деревья хвастались молодой зеленью, а сиреневый аромат разливался по территории парка, радуя посетителей. Правда, в полдень желающих прогуляться по парку было не так уж и много.

Наши знакомые прошли до пруда, в котором под приглядом уточек резвились маленькие утята, и сели на парковую скамейку.

— Любовь Тимофеевна, расскажите немного о себе, — попросил Сергей Иванович.

— Да вроде бы и рассказывать-то нечего, — смутилась Любовь Тимофеевна.

— Как это нечего, столько лет прожили и нечего.

— Просто жизнь моя мало чем отличается от тысяч жизней других женщин, — тихо произнесла Любовь Тимофеевна.

— И все же, мне хотелось бы узнать о Вас больше, — настаивал на своем Сергей Иванович.

— Ну, хорошо, — согласилась Любовь Тимофеевна и начала свой рассказ:

— Родилась я в одном из украинских сел, что под Донецком. В семье нас было пятеро. Кроме меня росли два старших брата и две сестры, одна постарше, другая помоложе меня.

Утром училась в сельской школе, а после обеда помогала родителям по хозяйству. То огород пополю, то за скотиной присмотрю. Были у нас куры, гуси, поросята и, конечно, корова — наша кормилица. В общем, времени на гулянье совсем не оставалось, а погулять так хотелось.

— Неужели совсем не доводилось гулять, — спросил Сергей Иванович.

— Доводилось, но только очень редко. Братьям в этом плане было посвободней, они только дрова заготавливали, да хату белили.

После окончания седьмого класса сманила меня родная тетя в Донецк, и стала учиться я там в кулинарном училище. Родители были довольны тем, что дочь хоть какую-то специальность получит. В Донецке я и познакомилась с будущим мужем Иваном. Может быть, не стоит продолжать?

— Сегодня, может быть, и не стоит, а завтра обязательно продолжите. Нет, лучше продолжишь. Давай перейдем на ты, ведь мы уже знакомы больше двух недель.

— Хорошо, на ты, так на ты.

Сергей Иванович проводил Любовь Тимофеевну до дома и при прощании долго держал ее натруженную руку.

На следующий день они снова встретились возле того же пруда, и Любовь Тимофеевна продолжила свое повествование.

Но автор почувствовал, как трудно ей это давалось, поэтому решил пересказать жизнь Любви Тимофеевны сам. На чем это она остановилась-то? Ах, да, на знакомстве со своим будущим мужем.

Итак, познакомилась Люба с Иваном на танцах и сразу влюбилась. Разве можно было не полюбить такого красавца. Он и ростом был под метр девяносто, и волосами кучеряв, да и лицом симпатичен.

Люба тоже была гарна дивчина, чернявенькая, глазастенькая, курносенькая.

В общем, Иван тоже влюбился в нее по самое некуда.

Но через полгода призвали Ивана в армию. Слез в военкомате было предостаточно, обещаний любить, как соловей лето, тоже.

По счастливой случайности попал Иван в ШМАС — школу младших авиационных специалистов, а после ее окончания в одну из авиационных частей под Ленинград.

И все это время они писали друг другу чувственные письма со следами помады от Любы и с запахом авиационного топлива от Ивана.

Приехав через год на побывку, Иван показал Любу своим родителям. Приняли Любу сдержанно, но без чванства и грубости.

А через полгода Люба окончила кулинарное училище, и сама приехала навестить Ивана. Натрепал тогда Иван старшине, что к нему жена приехала, и тот выписал увольнительную на целых два дня. Да ладно бы только увольнительную. Договорился наш старшина с заведующей летным профилакторием, и счастливой парочке выделили комнатку на эти самых два дня.

Тогда-то и состоялась их первая близость, после которой они поклялись любить друг друга всю оставшуюся жизнь.

После свидания с Иваном Люба навестила своих родителей, а потом вернулась в Донецк и устроилась поваром в столовую одного из заводов.

Ох, и трудно же ей было отбиваться от охочих мужичков, но она помнила клятву и строго ее выполняла. Судя по многочисленным письмам Ивана, он тоже помнил о ней и о той ночи, которая их сблизила. Ах, какие это были письма.

Отслужив честно три года, Иван решил остаться на сверхсрочную службу. И только потому, что командир части обещал назначить его на должность радиста в один из летных экипажей. Представляете, он будет летать.

Эту радостную новость он тут же сообщил родителям и Любе. Другую новость он решил оставить до приезда домой. А домой он приехал через три дня, потому что командование предоставило ему очередной отпуск. И ехал он уже не в солдатской форме, а в форме старшего сержанта сверхсрочной службы с голубыми петлицами.

Дома его встречали чуть скромнее, чем первого космонавта. За празднично накрытым столом собралась не только

родня, но и многочисленные соседи и знакомые. И именно за этим столом Иван с Любой объявили о своем желании стать мужем и женой. Данное известие было восторженно встречено уже подвыпившей родней и знакомыми. Только Ивановым родителям было не до восторженных восприятий. Это ж какие хлопоты предстояли им.

Так как в городском ЗАГСе молодых ни в какую не хотели расписывать раньше, чем через месяц, они решили расписаться на селе, где жили Любины родственники. Там же и свадьбу договорились сыграть.

И вот представьте себе такую картину, по селу под ручку с красавцем Иваном гордо вышагивает разодетая Люба. Весь ее вид говорил что-то вроде этого:

— Да, дорогие земляки, это я Люба, иду по селу не с кем-нибудь, а с летчиком. А кто из вас может похвастаться тем же?

И, действительно, все село высыпало на улицу, чтобы поглазеть на появившуюся пару. Все село и на свадьбе с удовольствием погуляло. Рассказывать про украинскую свадьбу я не буду, так как хорошо известно ее песенно-танцевальное содержание.

Для дальнейшего прохождения службы Иван прибыл в часть с молодой женой. Для молодых уже была обустроена комнатка в коммунальной квартире.

Люба впервые в жизни окунулась в приятность проживания со всеми удобствами. Она с благодарностью смотрела на любимого Ивана и долго не могла поверить в то, что именно с ней такое произошло.

На второй месяц пребывания в городке для Любы нашлось место повара в летной столовой, и теперь она с головой ушла в любимую работу. Летный состав сразу почувствовал изменения в лучшую сторону. Во-первых, расширился ассортимент блюд, а, во-вторых, значительно улучшилось их качество.

За такие изменения командование части выразило Любе, то есть Любове Тимофеевне, большую благодарность. Часть

этой благодарности перепала и Ивану, и этому он был очень рад. А как не обрадуешься, если сослуживцы то и дело нахваливают твою жену.

Через год у них родилась дочь, которую, по обоюдному согласию, назвали Леной.

На этом нам придется прерваться, так как у Сергея Ивановича зазвонил телефон, и он перекинулся с кем-то несколькими фразами.

— Ну, а что было дальше, — убрав трубку, спросил он.

— А о том, что было дальше, я расскажу завтра, — пообещала Любовь Тимофеевна, — а то, что-то холодом потянуло.

В этот раз Любовь Тимофеевна пригласила Сергея Ивановича на чай, и тот не отказался.

Правда до чая дело так и не дошло, потому что на столе появилась бутылочка водки и несколько тарелок с закусками, которые с удовольствием приготовила Любовь Тимофеевна.

Весь вечер Сергей Иванович нахваливал ее кулинарное мастерство и не торопился уходить домой. Но пора и честь знать. Прощаясь, Сергей Иванович чмокнул Любовь Тимофеевну в щечку. Хотел чмокнуть еще раз, но Любовь Тимофеевна скромненько увернулась.

Несколько дней они не встречались, так как Сергей Иванович занимался оформлением пенсии. Ну и хлопотное это дело, бегать по бюрократическим инстанциям и доказывать, что ты не верблюд. Наконец все документы были собраны и отправлены по инстанции.

Сергей Иванович решил отметить это радостное событие и пригласил в гости Любовь Тимофеевну.

Войдя в квартиру, она сразу обратила внимание на то, что женская рука давненько не участвовала в ее уборке, хотя особого беспорядка Любовь Тимофеевна не заметила.

Она помогла Сергею Ивановичу накрыть на стол, и празднование началось. Сергей Иванович поднял бокал за присутствующих здесь дам в лице Любви Тимофеевны, на что она попыталась возразить:

— Сергей Иванович, мы здесь собрались не ради меня, так давайте выпьем за вас, то есть, тебя.

— А что за меня пить, я теперь перешел в разряд пенсионеров, а это, сама понимаешь, радость небольшая.

— Но и для огорчения причины нет, — улыбнувшись, произнесла Любовь Тимофеевна, — я вон уже два года, как на пенсии.

— Ну, тогда давай вздрогнем, — предложил Сергей Иванович и первым опустошил содержимое стопки.

Вслед за ним отпила из своей стопки и Любовь Тимофеевна.

— А теперь я хотел бы услышать продолжение рассказа, — обратился к ней Сергей Иванович.

— Сергей Иванович, мне что-то не хочется беречь прошлое, давайте, ой, давай попробуем жить настоящим.

И я понимал, почему Любовь Тимофеевна не хочет возвращаться в это самое прошлое, не таким радужным было оно.

Но, пока она меня не слышит, я постараюсь вкратце пересказать ее жизнь.

А жизнь шла своим чередом, Иван летал в командировки, а Люба три года нянчилась с дочей. Именно так обращалась она к маленькой Леночке. А когда доче исполнилось три года, оформила ее в садик и вернулась на прежнюю работу.

Иван в это время стал частенько прикладываться к стопке, вернее не к стопке, а к стакану. Этому способствовал тот факт, что самолет, на котором летал Иван, был оборудован противообледенительной системой. Система, как система, но основой ее являлся спирт. А спирт имеет свойство испаряться и оседать в канистрах членов экипажа.

И испарялся он с завидным постоянством.

А если в доме есть спирт, разве можно мимо него спокойно пройти. Вот и Иван не мог себя пересилить. Сначала стопарик спирту, потом разливного пивка с друзьями, потом... Что было потом, Иван вспоминал с трудом, а иногда и вовсе

не помнил. Причем, он почти никогда не бузил и только изредка поднимал на Любу руку. Но состояние тревоги не покидало ее ни в будни, ни в праздники.

И все равно Иван для Любы был самым дорогим и любимым человеком. Конечно, доча была тоже самой-самой.

В части не сразу заметили тягу Ивана к спиртному, и неудивительно. Как бы Иван ни напивался, в часть он приходил чисто выбритым и аккуратно одетым. Его могли выдать только трясущиеся руки, да излишняя потливость, но мало ли отчего они трясутся.

Когда Леночке исполнилось десять лет, дали Ивану однокомнатную квартиру, и этому обстоятельству была рада вся семья. На радостях они отметили новоселье, на котором Иван опять перебрал.

Перебирал он и на родине во время очередных отпусков, но родственники списывали это на нелегкие условия службы, на опасность профессии, но только не на его слабость.

Что касается отношения к дочери, то Иван ее очень любил и частенько баловал. Люба дочь тоже любила, но излишнее баловство ей очень не нравилось. Об этом она неоднократно говорила Ивану, но тот только злился и бубнил примерно следующее:

— Если мы росли в нужде, то доченька моя должна жить по высшему разряду.

И Лене, действительно, ни в чем не отказывали. Может быть, поэтому она стала нередко дерзить матери и часто задерживаться по вечерам. В шестнадцать лет она уже попробовала спиртного и закурила, а поступив в институт, стала пропадать и по ночам.

На втором курсе института Лена познакомилась с каким-то мужичком и ушла жить к нему.

Правда, прожили они не больше года, потому что Лена была компанейской девочкой, и дома ее было не удержать. Танцы и вечеринки отнимали у нее уйму времени, но институт она, все же, закончила, в немалой сте-

пени потому, что Иван периодически встречался с деканом и одаривал его деликатесами, которые привозил из командировок. То пару арбузов астраханских подкинет, то коньячку армянского привезет, то красной рыбы с самой Камчатки.

В общем, диплом был получен, работа в коммерческой фирме обеспечена. Именно в фирме Лена познакомилась с коммерческим директором и отбила его у жены.

Через пару месяцев была сыграна шикарная свадьба, а еще через год Лена разродилась девочкой.

Все заботы по уходу за внучкой легли на плечи Любове Тимофеевны, но когда той исполнилось два года, Лена обзавелась нянечкой, и бабушка с дедушкой оказались не нужны.

С этого времени визиты дочери и внучки стали очень и очень редкими. А вскоре от постоянных запоев скончался Иван, и Любовь Тимофеевна оказалась совсем одна.

Причем в смерти отца Лена постоянно обвиняла мать, не замечая горя в ее потускневших глазах.

Вот такую историю не захотела рассказывать Сергею Ивановичу Любовь Тимофеевна.

Помнится, мы остановились на том, что Любовь Тимофеевна не стала продолжать рассказ о своем житье-бытье.

В этот вечер они с Сергеем Ивановичем выпили еще немного, и Любовь Тимофеевна засобиралась домой. Как ни упрасивал ее Сергей Иванович, она категорически отказалась остаться. Потом были еще свидания и, наконец, произошло то, о чем они старались не говорить. В один из вечеров Сергей Иванович уговорил Любовь Тимофеевну переехать к нему жить.

Он так и сказал:

— Люба, может быть, хватит нам разбегаться по своим конурам. Переезжай-ка ко мне, у меня места много. Без хозяйки как-то уж очень неуютно. Говоря это, он обнял Любовь Тимофеевну и заглянул ей в глаза.

Свадьбу они играть не стали. Просто Любовь Тимофеевна перевезла свои нехитрые пожитки к Сергею Ивановичу, и стали они жить-поживать, да горя не зная.

Узнав об этом, Лена очень обрадовалась. Как тут не обрадуешься, если квартира освободилась и делай с ней что хочешь. Не спрашивая разрешения матери, она быстренько продала квартиру, в которой ранее проживала Любовь Тимофеевна и только потом сообщила ей об этом. После такого сообщения Любовь Тимофеевна слегла с инфарктом, и пришлось отправить ее в больницу.

Сергей Иванович, как мог, старался ее утешить, постоянно навещаясь в больницу.

Через месяц ее отпустили домой, порекомендовав не нервничать и не перегружать свое сердце. Но как тут не нервничать, если приехавший к отцу сын взглянул на нее недобрым взглядом.

Судя по тому, что настроение Сергея Ивановича сильно ухудшилось, Любовь Тимофеевна поняла, что его разговор с сыном был не из приятных.

Да, сын был очень недоволен решением отца связать свою судьбу с какой-то женщиной.

Во-первых, потому что, по его мнению, прошло слишком мало времени после похорон матери, а, во-вторых, потому, что делиться с кем-то имуществом сын не собирался.

После отъезда сына Сергей Иванович еще долго ходил сам не свой. Глядя на него, Любовь Тимофеевна тоже опечалилась.

А тут еще начались постоянные звонки из Москвы, сын что-то выговаривал Сергею Ивановичу. После очередного звонка Сергей Иванович уединялся в своем кабинете и долго из него не выходил. На вопросы Любви Тимофеевны отвечал сбивчиво и нервно.

Осенью у Сергея Ивановича случился второй глубокий инфаркт, и врачи не смогли что-либо сделать.

После похорон сын Сергея Ивановича дал Любове Тимофеевне неделю для того, чтобы она освободила жилплощадь ей не принадлежавшую.

Любовь Тимофеевна переехала к дочери, но ужиться с ней так и не смогла. Та постоянно ее в чем-то упрекала, не выбирая выражений.

И, наконец, Любовь Тимофеевна не выдержала и ушла в Дом престарелых, в котором ее никто не навещает, но есть подруги, такие же, как она брошенные старушки.

Сейчас она живет воспоминаниями о прожитом. Иногда на лице Любове Тимофеевне появляется улыбка, значит, ее опять посетила мысль о том, что счастье ей подарили два любимых мужчины — Иван, да Сергей Иванович.

Живет Любовь Тимофеевна, покорно ожидая своего конца и никого не обвиняя в случившемся. Дай бог ей здоровья.

МАМА И ДОЧЬ

Теплым июньским вечером я вошел в гатчинскую электричку, сел на свободную скамейку и стал рассматривать пассажиров, спешащих к своим заветным вагонам, в которых они годами ездили от Петербурга до своих остановок.

Мысленно я анализировал недавнюю встречу с новым клиентом нашего рекламного агентства и готовился к новым творческим свершениям во имя его.

Напротив меня села молодая, довольно симпатичная девушка. Вынув из сумочки какую-то книжицу, она углубилась в чтение и затихла.

Когда электричка тронулась, я внимательней присмотрелся к моей соседке и убедился в том, что она действительно мила. Вот только грудь ее совсем меня не впечатлила, за вязаной кофтой она как-то не просматривалась.

По всей видимости, ей самой было неловко за свою грудь, так как сидела она, как-то скукожившись.

Поймав на себе мой взгляд, она одернула подол цветастого платья, прикрыв бледноватые колени, и тут же вновь опустила свои глаза.

Иногда она отвлекалась от чтения и устремляла свой тусклый взор на проносящийся мимо пейзаж. Посмотрев в окно, она смачно зевала и вновь углублялась в чтение.

Весь ее вид говорил о том, что или с оптимизмом она не знакома, или ей не очень хочется возвращаться домой. В общем, энтузиазма на ее лице я как-то не заметил, только холодный взгляд и ни грамма эмоций. Хотя с ее жгучими

черными глазами можно было творить с мужиками все, что только душеньке угодно. Глаза у нее были, действительно, выразительными, но она их очень редко показывала окружающим и только изредка зевала, отрываясь от книжки.

Всю дорогу я пытался понять причину ее безразличия и меланхолии, но, перебрав многие варианты, так и не докопался до истины.

Перед выходом на своей остановке, я вынул из портфеля свою книжку, сделал дарственную надпись и вручил девушке.

Принимая книгу, она также тускло посмотрела на меня и, ничего не сказав, уставилась в вагонное окно.

А написал я ей следующее: «Вы милы! Только прошу Вас, чаще улыбайтесь и реже зевайте, ведь жизнь так прекрасна».

Месяца через два я снова сидел в вагоне гатчинской электрички, потягивал пиво из запотевшей бутылки и мысленно прокручивал события прошедшего дня.

Вдруг передо мной пролетело что-то цветастое. Это цветастое село сначала на одну скамейку, потом, поморщившись, перешло на другую скамейку и, в конце концов, уселось напротив меня, кокетливо сказав: «Ох, уж это солнце, никуда от него не скрыться».

Я посмотрел на цветастое существо, в котором разобрал привлекательную загорелую шатенку и произнес: «Мадам! Где появляетесь Вы, там появляется солнце».

«Ах, что Вы, — ответила она, — это очередной мой каприз, не более того».

«Надеюсь, что по отношению к мужчинам Ваши капризы будут еще более пылкими», — поддержал беседу я.

Она стрельнула в меня своими живыми похотными глазами и, улыбнувшись, произнесла: «К мужчинам у меня подход особый».

Сказав это, она наклонилась ко мне так, что в вырезе платья я увидел ее маленькие груди с торчащими сосками, и на лбу у меня выступил холодный пот.

Словно не заметив моего волнения, она выпрямилась и стала внимательно осматривать вагон электрички.

Не найдя кого-то, она вынула из сумочки мобильный телефон и, позвонив, проворковала: «Доча, на какой электричке ты сегодня поедешь домой? Если на 19:24, то я сижу во втором вагоне».

Потом она еще кому-то позвонила, потом еще кому-то и уже собиралась позвонить в третий раз, как ее что-то остановило. Увидев кого-то в начале вагона, она приветливо замахала рукой.

Я оглянулся и увидел девушку, которой совсем недавно подарил свою книгу. Девушка подошла к махавшей ей женщине и равнодушно сказала: «Я тоже успела на эту электричку, мама».

Потом она села возле мамы и, скользнув по мне взглядом, уныло уставилась в окно.

По едва мелькнувшей искорке я понял, что она меня узнала, но от этой искорки ее эмоции не воспламенились.

Мама между тем стала засыпать девушку вопросами, на которые она также равнодушно отвечала.

Не обращая внимания на настроение дочери, темпераментная мама стала рассказывать ей о своей предстоящей поездке за рубеж, показывая билеты и туристическую путевку.

Дочь нехотя повернула голову, посмотрела на путевку и спросила: «Куда ты едешь в очередной раз?»

По загару было видно, что мама недавно приехала из какой-то экзотической страны, и на ее фоне бледная дочь выглядела неаппетитно.

«В этот раз я еду на Лазурный берег, — ответила загорелая мама, — говорят, там отдыхают мировые знаменитости, и я хочу их увидеть».

Данное известие никак не отразилось на эмоциональном состоянии дочери, она даже головы не повернула, услышав о Лазурном берегу.

В это время электричка подошла к моей остановке, и я вынужден был встать. И, если дочь даже не посмотрела на меня, то мама еще раз прожгла меня своим взглядом и, мило улыбнувшись, проворковала: «Еще раз спасибо за комплимент».

Выходя из вагона, я вдруг понял причину меланхолического поведения девушки, причину в образе раскованной и темпераментной мамы. А ведь дочь могла быть значительно привлекательней ее, подними она жгучие черные глаза и улыбнись своей белозубой улыбкой. Но этого, видно, ей не дано.

А, может быть, дано, но не нашелся еще тот принц, который помог бы девушке посмотреть на мир, чтобы возрадоваться солнцу.

Пока же она находится в тени своей сверкающей мамы и не стремится выйти из нее. А, жаль.

НА КЛАДБИЩЕ

Супруги Кузнецовы прожили в согласии и любви более сорока лет, но, как вы знаете, жизнь не бесконечна. На 65 году от рождения Николая Ивановича свалил недуг. Врачи обнаружили злокачественную опухоль, и долгая процедура лечения началась.

Ольга Владимировна, как могла, помогала Николаю Ивановичу справиться с недугом. Она даже уволилась с должности заведующей кафедры, чтобы постоянно находиться с ним рядом. Сознательная атеистка, она в первый раз пошла в церковь и со слезами умоляла бога, чтобы тот помог Николаю Ивановичу скорее выздороветь.

Курс химиотерапии результатов не дал, и тогда они решились на дорогостоящую операцию по удалению разрастающейся опухоли. Ольге Владимировне пришлось продать дачу и машину, чтобы собрать деньги на эту самую операцию.

После операции Николай Иванович прожил всего две недели. Умирая, он произнес последнюю фразу: «Трудно будет тебе одной, Оленька».

И случилось это в ночь на первое января 2012 года.

Сколько слез пролила Ольга Владимировна до и после смерти. Если до смерти она еще как-то сдерживала свою слезливость, то после ее разрыдалась по-бабьи надрывно и продолжительно. И никакие уговоры родных не могли остановить ее надрывное всхлипывание.

Именно в это время она поняла, как трудно ей будет без того человека, который был ее другом и путеводной звездой.

Если на девятый день она посетила кладбище с сыном и невесткой, то на сороковой день поехала туда одна.

После февральской вьюги, завалившей окрестности белым снегом, выглянуло солнышко, и морозный воздух по-особенному заискрился. Но Ольге Владимировне было не до искрящегося воздуха, она ехала в автобусе, и ее мысли перескакивали с одного события, связанного с Николаем Ивановичем, на другое.

Вот он встречает ее возле института, и они, взявшись за руки, бегут до ближайшего кафе, чтобы за чашечкой кофе высказать друг другу много нежных и ласковых слов.

Вот он надевает на ее палец обручальное кольцо, и свадебный кортеж направляется в сторону его дома.

Вот он помогает писать ей кандидатскую диссертацию. Вот...

Но автобус останавливается у главного входа на кладбище, и немногочисленные пассажиры спешат к выходу. Ольга Владимировна покидает автобус последней. Усилившийся мороз обжигает ее щеки и бессовестно лезет под шубу, но она не ощущает морозных приставаний. Она идет по дорожке и разговаривает с Николаем Ивановичем:

— Милый Коленька, как ты там без меня? Еще немного, и я приду к тебе, мой дорогой.

Старое кладбище уже осталось позади, а впереди громоздились покрытые снегом холмики свежих могил. Под плотным снежным покровом было трудно различить очертания венков и временных крестов. И только черно-серые силуэты полудиких собак резко выделялись на искрящемся белом фоне.

Проваливаясь по колено в снегу, Ольга Владимировна отыскивала могилу мужа, попыталась стряхнуть снег с венков, но быстро устала. Присев на коврик, который она прихватила с собой, Ольга Владимировна всплакнула, причитая только одно:

— На кого ты меня покинул, Коленька, на кого ты меня покинул?

Зимний день короток, навалившаяся темнота добавила еще холода, но не отвлекла Ольгу Владимировну от мрачных мыслей. Она по-прежнему бессознательно общалась с Николаем Ивановичем, пытаюсь услышать его родной баритон. Когда она замолкала, одна из окруживших ее собак подходила к ней и, прикусывая шубу, дергала за подол. Ольга Владимировна начинала шевелиться, и собака отступала на прежнюю позицию, выжидая момента, когда обладательница шубы перестанет двигаться.

Ноги Ольги Владимировны онемели настолько, что она не могла даже подняться. Как в бреду, она повторяла только одно:

— Коленька, ты только меня жди, Коленька, ты только меня жди.

А собаки подходили к ней все ближе и ближе, а одна из них приближалась к ней и прикусывала шубу, словно проверяя, жива ли она.

Очередная проверка вывела Ольгу Владимировну из состояния прострации, и она поползла в сторону забора, за которым находилось шоссе с пассажирским автобусом и дорогой к дому.

Собаки на время отвлеклись от Ольги Владимировны, переключив свое внимание на любимые Николаем Ивановичем пирожки, которые оставила она на могиле.

Громкое рычание говорило о том, что дележка шла с нескрываемым соперничеством и злобой.

Правда, рычание быстро прекратилось, и собаки вновь последовали вслед за Ольгой Владимировной.

И вот уже спасительный забор. Ольга Владимировна с трудом пролезла под ним и выползла на шоссе.

Собаки последовали вслед за ней, их хищные глаза светились во тьме недобрым огнем.

Завидев рейсовый автобус, Ольга Владимировна попыталась встать, но ноги не слушались ее. Она подняла руку и закричала, но вместо крика вырвалось тихое сипение.

Водитель автобуса все же увидел шевелящееся тело и вовремя притормозил. Из автобуса вышли несколько мужчин и помогли Ольге Владимировне подняться в салон.

Целый месяц Ольга Владимировна пролежала в больнице, моля бога о том, чтобы он отправил ее к Николаю Ивановичу. Но бог распорядился иначе, и теперь она хранит в сердце память о любимом муже и живет ради внука, которого зовут Николаем.

НАХОДКА С НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ ПРОДОЛЖЕНИЕМ

В вагон пригородной электрички Венька Губанов любил заходить первым.

Многолетний опыт ему почти безошибочно подсказывал, какая из прибывающих в город электричек поедет обратно мимо его родной станции.

Завидев нос приближающейся электрички, Венька одним из первых устремлялся на перрон, и как только спешащие в город пассажиры освобождали вагон, он шустро входил в него и стремился занять давно облюбованное место в середине вагона.

Зная, что женщины больше любят сидеть по ходу электрички, он занимал место спиной к движению. И делал он это с надеждой на то, что какая-нибудь симпатяшка сядет напротив, и будет ласкать его воображение на протяжении всего долгого пути.

Но симпатяшки редко подсаживались к Веньке, то ли из-за того, что были очень стеснительными, то ли оттого, что уж очень откровенно Венька рассматривал их, задерживая свой взгляд на женских прелестях.

Вот и в этот раз он ворвался в вагон и уже устремился к облюбованному месту, но, совершенно неосознанно, боковым зрением узрел на одной из багажных полок какой-то предмет. Придя в сознание, он рассмотрел в этом предмете спортивную сумку, которая, как магнит, потянула его к себе.

Сев под багажной полкой, Венька огляделся по сторонам и понял, что входящим в вагон пассажирам нет никакого дела до этой сумки. Это его немного успокоило, но, когда напротив него сел здоровенный мужик с трехдневной небритостью, Венькино сердце забилося учащенной.

— Неужели этот Дикобраз тоже нацелился на сумку? — пронеслось у него в голове.

Он внимательней присмотрелся к Дикобразу, но колючий взгляд небритого заставил Веньку тут же отвернуться в сторону окна.

— Ну и взгляд, — подумал он, — слава богу, что летний день долог и темнота еще наступит нескоро.

Несколько минут он глядел в окно и наблюдал за спешащими пассажирами. Точнее, мужские особи его не интересовали, а вот симпатичных женщин и девушек Венькин взгляд не пропускал.

— Ну и ножки, — роилось у него в голове, — а у этой и попка ничего. А та как приделась, один метр материалу и все прелесть наружу.

Так до самого отправления электрички Венька играл в иллюзион под названием «Раздеваю глазами», не забывая время от времени посматривать на спортивную сумку.

А когда электричка тронулась в путь, Венькины мысли полностью переключились на сумку:

— А что, если в сумке взрывчатка? Не зря же в транспорте постоянно предупреждают о том, чтобы сообщали, куда следует, о неизвестных предметах. Может сообщить, куда следует?

Венька в задумчивости почесал затылок, отчего мысль о сообщении куда следует бесследно исчезла из его сознания.

— А если не взрывчатка, то, что же в сумке, — продолжил он свои размышления, — может быть, это не простая сумка, а баул с деньгами?

От этой мысли у Веньки закружилась голова, и по телу пробежала нервная волна возбуждения.

— Было бы неплохо получить в подарок несколько пачек зелененьких, — подумал он, пытаясь пересилить нервную лихорадку.

Перед его глазами стали проплывать картинки южного курорта — лучезарное солнце, морская голубизна, бархатный песок и, конечно же, он в окружении блондинок.

Он даже не заметил, как улыбнулся от данного цветного видения, но, поймав на себе колючий взгляд Дикобраза, тут же скукожился:

— Чего этому Дикобразу от меня надо. Ишь, как зыркает, будто знает, что в сумке бабло.

Нет, так просто я сумку не отдам.

Уставившись в окно, Венька ненадолго отвлекся, но непослушный взгляд вновь скользнул в сторону багажной полки.

Пухленькая сумка стояла на полке, как ни в чем не бывало.

— Стоит, родимая, — успокоился Венька, — а почему я подумал, что в сумке бабло? Может быть, в ней россыпи драгоценностей на многие миллионы.

Венька вновь почесал затылок:

— Нет, драгоценности мне ни к чему. Попытаешься сбыть, так тебя или пристукнут, или в кутузку упекут. А мне это надо?

На очередной станции к нему под бочок подседа упитанная особа, отчего Венька почувствовал некоторую приятность:

— А кому из мужиков неприятно ощущать тепло женского тела. Я же не какой-нибудь гей.

Кстати, внимание Дикобраза тоже переключилось на упитанную особу. Не без удовольствия он периодически косился на глубокий вырез легкого платья попутчицы.

Заметив это, Венька облегченно вздохнул и злорадно подумал:

— Что, Дикобраз, женская запазуха понравилась? Смотри — смотри, кобелина небритый.

А электричка, между тем, приближалась к родной Венкиной станции.

Венька опять напрягся, и от этого напряжения настырные сомнения полезли в его непутевую голову:

— Брать или не брать? А может лучше оставить?

Но, посмотрев на Дикобраза, Венька окончательно решил:

— Нет, оставлять сумку я не стану, пусть он и не надеется.

Подумав так, он решительно встал и попробовал оторвать сумку от полки. Сумка оказалась, действительно, тяжелой.

Поднапрягшись, он двумя руками все же снял сумку с полки и с превеликим напряжением потащился к выходу.

Выйдя из электрички, он вытер со лба выступивший пот, немного передохнул и пошел в сторону жилых домов.

Его так и подмывало заглянуть в эту тяжелую сумку, но всякий раз он отгонял эту мысль:

— Нет уж, потерплю до дома, а то мало ли что.

Недалеко от дома его догнала любопытная соседка и, криво улыбнувшись, спросила:

— Чем это ты, Венька, затоварился в городе, неужто дефициту какого накупил?

Венька невольно вздрогнул, но, собравшись с мыслями, ответил:

— Какой сейчас дефицит, Петровна. Сейчас сплошное изобилие, чего хочу, то и покупаю.

— И чего же это ты купил? — поинтересовалась соседка.

— А то и купил, что тебя не касается, — раздраженно ответил Венька.

— Неужто секрет какой? — ехидно спросила соседка.

— Да нет никакого секрета, Петровна, белье с прачечной везу, — уже миролюбивей ответил Венька.

— Белье, говоришь? А что это тебя так перекосило от белья-то. Неужто оно такое тяжелое?

— Ох, и зануда ты, Петровна. Я ведь с работы иду, а не с гулянки. Перекосит тут, если отвалтузишь смену

в цеху, а потом еще по магазинам пробежаться надо, — с озабоченностью в голосе произнес Венька.

— А ты бы женился, тогда и по магазинам будет кому пробежаться, — посоветовала соседка.

— Чем пустые советы давать, взяла бы, да и сосватала какую ни на есть подходящую, — бодренько воскликнул Венька.

— А что, возьму и сосватаю, за мной не заржавеет, — хихикнула соседка.

— Вот и сосватай, а то сил уже больше нет от холостяцкой жизни.

На том они и разминулись.

Венька облегченно вздохнул и поспешил к своему дому.

Войдя в комнату, Венька первым делом решил посмотреть содержимое сумки. Правда, делал он это очень осторожно, так как мысль о взрывчатке еще сидела в его голове.

Расстегнув молнию, он заглянул внутрь и первой увидел матерчатую сумку, в которой находилось что-то внушительное.

Вынув сумку, он увидел в ней трехлитровую банку с какой-то жидкостью.

Отставив банку, он опять полез в сумку и поочередно вытащил из нее сверток аккуратно нарезанной колбасы, большой шмоток сала, с десяток вареных яиц и буханку хлеба.

Кроме того, в сумке находились одноразовая посуда, бумажные салфетки и целлофановый пакет с белым сыпучим веществом, похожим на сахар.

В боковом кармане сумки он нашел мужские трусы, две пары носок и пачку презервативов.

— Ого-го, — подумал Венька, увидев содержимое бокового кармана, — значит, мужик ехал не на один день. И ехал не куда-нибудь, а к бабе.

Эта мысль Веньку полностью расслабила, он в предвкушении чего-то хорошего потерял свои рабочие руки и принялся накрывать на стол. Благо, готовить, в принципе, было

нечего. К этому набору не хватало только зелени и овощей, которые он и вытащил из холодильника.

Стол получился сногшибательным. Сногшибательным не в том смысле, что с ног мог сшибить, а в том, что ломился всякими вкусностями и, конечно же, питьем, которое притягивало Веньку больше всех этих вкусовностей.

Сняв с банки полиэтиленовую крышку, Венька осторожно понюхал жидкость и, убедившись в том, что запах родной, сивушный, налил себе половину стакана.

Потом он сварганил большой бутерброд из колбасы и сала и только после этого маханул одним глотком содержимое стакана.

— Ну и крепка, — выдохнул Венька и сначала понюхал бутерброд, а потом с удовольствием откусил от него значительный кусок.

Прожевав откусанное, он решил немного пофилософствовать:

— Да, мужик, не повезло тебе. Чем ты теперь свою бабу угощать-то будешь?

Эта философская мысль заставила Веньку потянуться к банке и налить себе новую порцию.

Новая порция пошла лучше прежней. После нее Венька почувствовал приятное жжение в желудке и разливающееся по всему телу тепло.

— Да и на бабу лезть без презерватива не с руки, — продолжил размышление Венька, — а вдруг у нее заразность какая присутствует.

Венька потянулся к банке и налил себе третью порцию.

От третьей порции ему стало совсем хорошо, и он высказал заплетающимся языком вполне трезвую мысль:

— Нет, с бабой нужно по-хорошему, почув..чувственному. Она ласку любит. А ты, мужик, хотел ее салом охмурить. Негоже это.

Наконец ему надоело беседовать с виртуальным собеседником, и Венька пошел за соседом.

Сосед, ради приличия, поупирался немного, потом с удовольствием согласился принять Венькино приглашение.

Вот только соседова жена выразила Веньке все свое женское негодование.

Правда, выходя из комнаты, сосед уговорил ее матерными словами, и она на время уговорилась.

Когда дверь за мужиками захлопнулась, соседова жена разразилась ругательствами пуще прежнего.

В своей комнате Венька усадил гостя за стол и налил ему штрафную. А как же иначе-то, раз приступаешь к употреблению не с начала, изволь выпить до краев.

Ну что ж, до краев, так до краев, это даже совсем неплохо. Выпито, а теперь надо поговорить.

— Ты меня уважаешь, — спросил по обычаю Венька, и сосед также по обычаю ответил:

— Конечно, уважаю.

— А раз уважаешь, тогда скажи, разве можно к бабе ехать с салом, да колбасой?

Сосед удивленно посмотрел на Веньку и понял, что даже на такой каверзный вопрос ответ должен быть. Немного подумав, он решил ответить обтекаемо:

— С салом, конечно, ехать неплохо, но бабу лучше охмурять цветами. Цветы — это прекрасный элемент общения с бабой.

— Ну, молодца, — воскликнул Венька и, хлопнув соседа по плечу, предложил, — а давай-ка выпьем еще по одной.

Сказав это, он, обмочив просаленную скатерть выплеснувшейся из банки самогонкой, разлил по стаканам.

— За настоящих мужиков, — воскликнул сосед, и вылил содержимое стакана в луженую глотку.

— За мужиков, — поддержал Венька и, икнув, выпил до дна.

Немного закусив, они продолжили свое общение.

Заплетающийся Венькин язык уже полностью вышел из-под контроля хозяина и плел дело и не дело:

— А ты знаешь, как я обхаживаю женщин?

После того, как сосед, в знак согласия кивнул головой, Венька продолжил:

— Нет, ты не знаешь, как Венька умеет обхаживать женщин. Как только я их не называю — и лапушкой, и голубушкой, и ду... — здесь он икнул и продолжил, — и душечкой, и

А соседу очень хотелось выпить еще, и поэтому он прервал Венькины откровения:

— А не выпить ли нам, Веня, по маленькой?

Венька зло посмотрел на соседа, и тот добавил:

— Выпить за твоих женщин, Веня.

От этого добавления Венькино лицо разукрасила хоть и кривенькая, но улыбка, и он, дабы не упускать инициативу, промямлил:

— За женщин можно и по большой.

Он попытался поднять банку, но чуть ее не опрокинул.

У соседа моментально сработала реакция, и он успел подхватить банку.

— Разреши Веня я за тобой поухаживаю, — произнес он.

Венька только кивнул головой и еще раз икнул.

Сосед разлил по стаканам и при этом сделал себе неприличное «ух ты».

Вы не знаете, что такое «ух ты»? Значит, вы не пили в настоящей кампании.

А в настоящей кампании «ух ты» следует за тем, когда разливающий переливает края своего стакана. В другие стаканы у него, как правило, «ух ты» не получается.

Венькины глаза, хоть и были изрядно залиты, все же заметили это откровенное «ух ты».

Желваки его заходили, кулаки сжались, но он сдержал себя и, только скрипнув зубами, осушил свой стакан.

Выдохнув полной грудью, он решил не закусывая, продолжить свой рассказ:

— Женщина — это такое су... существо, которое хо...хочет-ся лапать и лапать, мять и м... мять, ти... тискать и тискать, е...

И тут он резко замолчал, так как увидел, как его сосед, без всякого на то разрешения, начал разливать по стаканам.

— А куда это ты зачастил? — косо посмотрев на соседа, спросил он.

Сосед прекратил розлив и удивленно посмотрел на Веньку:

— Так я же опять за твоих женщин хотел выпить.

Венька надолго задумался. Было заметно, что внутри его идет какая-то борьба.

В его голове картинки соседской наглости чередовались с образами женщин, с которыми он когда-то любился. Хорошо, что женские образы размыли на время соседскую наглость, и Венька разрешил:

— Хрен с тобой, разливая.

Второй раз соседа просить не пришлось, он шустро закончил розлив и, в очередной раз, сделал себе неприличное «ух ты».

Такой наглости выдержать было невозможно.

Венька весь взбывился и, схватив со стола тарелку с овощами, насадил ее на соседову голову.

Не ожидавший такой прыти сосед на минуту замешкался, но, увидев приближающийся Венькин кулак, уклонился и машинально ударил того в челюсть.

Венька взвыл и упал, как подкошенный.

Через минуту он попытался встать на ноги, но опрокинул на себя старенький стул и затих уже надолго.

Сосед матернулся, выпил свое «ух ты» и, шатаясь, вышел из комнаты.

А через час в гости к Веньке заявила Петровна с какой-то молодухой. Ей не терпелось с одной стороны выполнить свое сватовское обещание, данное Веньке, а с другой стороны помочь соседской дочери найти хоть завалящего, но мужика.

Мужик, действительно, оказался завалящим, точнее завалившимся под стол, и как ни тормозила его Петровна,

он так и не протрезвел. Да разве протрезвеешь зараз от только что выпитого.

— Ну что ж, товарка, значит не судьба, — произнесла Петровна и, налив полстакана, выпила за несостоявшееся свидание.

ОДИН ДЕНЬ НА ПЛЯЖЕ КАФЕ «ЧУНГА — ЧАНГА»

Известно, что погода летом петербуржцев не балует, но как только выпадает теплый, солнечный день, так окрестные пляжи заполняются счастливыми бледнолицыми.

В очередной выходной я тоже решил погреть на солнце свои старые кости.

Новый пляж был оборудован несколькими волейбольными площадками. Стандартные кабинки для переодевания сиротливо ютились у дороги, видимо некому было их устанавливать по своим местам

Предусмотрительный некто расставил на пляже несколько урн, которые в течение часа пропадали в огромных мусорных кучах и тогда неугомонный ветер, как шаловливый ребенок, футболил по пляжу алюминиевые банки из-под пива и колы. Наигравшись банками, он устремлял ввысь пустые целлофановые пакеты, которые, накувыркавшись в небе, медленно приземлялись на чьи-то головы или ноги.

Отдыхающие лениво поругивались, но не спешили покидать свои нагретые места.

Искупавшись в холодной воде, я развалился на махровом полотенце и стал с интересом наблюдать за отдыхающими.

Справа от меня щебетали четыре молоденьких девушки. Окающий говорок выдавал их провинциальное происхождение. Я прислушался и понял, что приехали они на берега Невы покорять питерские ВУЗы, что две из них уже сдали экзамены и ждали решения экзаменационной

комиссии, а двум другим еще предстояло пройти собеседование.

Полежав на солнце, они попарно спускались к реке и, зайдя по щиколотку в воду, не спеша прогуливались вдоль берега.

Было приятно смотреть на их стройные, свежезагорелые тела, на их милые личики, еще не тронутые столичной вульгарностью.

Слева от меня разместились бледненькие мужчина и женщина. Мужчина, осушив банку пива, повернулся на бок и захрапел, а женщина с нескрываемым восхищением наблюдала за тремя парнями, которые перекидывали друг другу волейбольный мяч.

Играли они вполне профессионально. Мяч, порой, несколько минут не касался земли.

Их загорелые, мускулистые тела блестели от пота, но они продолжали мутузить мяч своими сильными руками.

За игрой, а точнее за игроками наблюдала не только бледная женщина. Три загорелых длинноногих красотки, попивая из банок какой-то коктейль, громко и эмоционально обсуждали как саму игру, так и симпатичных игроков.

По всей видимости, именно коктейль значительно усилил их голоса и прибавил эмоциональности в чувства. Они явно стремились привлечь к себе внимание играющих парней.

Невдалеке, в тенечке, под деревом я заметил бородатого мужчину лет пятидесяти. Он сидел на раскладном стульчике, читал какую-то книгу, или делал вид, что читает.

Слишком часто отрывался он от книги для того, чтобы внимательно осмотреть пляж, а точнее, загорающих там женщин.

Иногда взгляд его ненадолго задерживался на одной из них. Это был взгляд охотника, взгляд профессионального обольстителя женщин.

Чуть дальше вновь пришедшая компания установила мангал и, шумно переговариваясь, раскладывала на развер-

нутой скатерти стандартный набор выпивки и закуски. Запах томимого на огне мяса щекотал ноздри лежащим рядом отдыхающим, вызывая у них обильное слюновыделение. А, как известно, обильное выделение слюны без возможности попробовать может спровоцировать непонятную раздражительность и даже агрессивность.

Такую агрессивность могло бы ослабить близлежащее кафе, но к нему выстроилась очередь не меньше той, что наблюдались в начале перестройки за спиртным и другими, так необходимыми человеку продуктами.

Перед глазами почему-то возникли картинки южного побережья с его суетливыми коробейниками, которые назойливо предлагали отдыхающим разнообразный ассортимент чего-нибудь съестного. Как обрадовались бы окружающие меня люди, если бы услышали до боли знакомое: «Хачапури, хинкали, пирожки, беляши и т.п.»

Но некому было произнести на невских берегах эти, так ожидаемые здесь, слова.

От вкусных мыслей меня отвлек истеричный окрик: «Ксюша, не лезь в воду, хочешь опять заболеть?» Таким образом сверх заботливая мама «умоляла» свою пятилетнюю дочь не совершать столь опрометчивого поступка.

Было жарко и Ксюше ой как не хотелось выходить из воды. Ей не хотелось уходить еще и потому, что ее сверстники весело плескались на мелководье, и она уже познакомилась с лопоухим мальчиком по имени Федор. Именно так звали его родители. Было заметно, что разговаривают они с ним по-взрослому и он, так же по-взрослому им отвечает. Федор весело брызгал водой на Ксюшу, а Ксюша так же весело отскакивала от воды, затем снова к ней приближалась и строила Федору различные гримасы.

Но заботливой маме не понравилась такая игра и она еще громче завопила: «Я кому сказала, отойди от воды». Несмотря на свою тучность, она резко вскочила, подошла к воде и, схватив Ксюшу за руку, оттащила ее. Раздались громкие

наставления тучной мамы с не менее громким плачем Ксюши. А стоило ли портить ребенку настроение в такую жару? Да и окружающим от такой реакции матери стало как-то не по себе.

Но вернемся к четырем провинциалкам. Как раз в это время к ним подошел покрытый черными волосами мужчина лет тридцати и с южным акцентом представился: «Здравствуйте, молодые и красивые. Меня зовут Гога». Я тут же вспомнил фильм «Москва слезам не верит» — он же Гога, он же Гоша, он же Жора...

«Скажите, красавицы, как вас зовут» — продолжил Гога. Девушки, немного смутившись, поочередно представились: «Оля», «Надя», «Таня», «Света».

«Очень приятно — обрадовался Гога и, указав на еще одного южанина, который разместился невдалеке, продолжил — Это мой друг, Гиви. Ему, так же как и мне, вы очень понравились. Мы приглашаем вас на бокал хорошего вина».

Гиви, в знак согласия, энергично закивал головой и замахал руками.

В это время волейбольный мяч, которым играли парни, отскочил от руки кого-то из них и ударил в затылок Гиви. Гиви вскочил, еще энергичнее замахал руками и стал по-южному громко возмущаться. Один из парней подбежал за мячиком и искренне произнес: «Ну извини генацвале, мы же ненарочно».

«Какой я тебе генацвале» — замахал руками Гиви. Южный темперамент так и пер из него.

Гога, почуяв неладное, поспешил к своему товарищу. С неохотой, он все же принял извинение парня и еще долго успокаивал взбудораженного Гиви.

Успокоив Гиви, Гога вновь подошел к девушкам, извинился за то, что пришло время им с Гиви играть в большой теннис, поэтому они на время покидают девушек, но вечером приглашают их на ужин при свечах. Он дал девушкам номер своего сотового, попросил номер телефона у понравившихся.

вившейся ему Светы. После того, как Света дала ему свой номер, он тут же набрал его и, изумившись, спросил: «Света, а почему телефон отключен?»

На что Света ответила, что по выходным она не берет его с собой, потому, что хочет отдохнуть в кругу своих подруг, но пообещала около семи вечера обязательно телефон подключить. Успокоившись, Гога вернулся к Гиви и вместе с ним удалился на большой теннис.

Наблюдая за девушками, я совсем забыл о бородатом охотнике. Взглянув под дерево, я не обнаружил там ни бородача, ни его раскладного стульчика.

Оглядев внимательней пляж, я заметил знакомую бороду возле молодой женщины в красном купальнике. На ее носу разместились большие очки. Нет, не солнцезащитные очки, а очки, предназначенные для дальнорук или близорук людей. Судя по поведению, дальнорукостью женщина не отличалась. Все движения и позы выдавали ее близорукость, на что и рассчитывал наш бородатый охотник. Он сидел на своем стульчике и, глядя на воду, говорил о чем-то возвышенном своей бледнолицей собеседнице. Та, в знак согласия, постоянно кивала своей маленькой головкой и подобострастно смотрела в рот бородача.

«Да, — подумал я — с пляжа эти двое непременно уйдут вместе».

Я перевернулся на другой бок и увидел рядом со мной новое действующее лицо. Это была молодящаяся блондинка лет сорока в откровенно открытом купальнике, с ярко накрашенными губами и привлекательным кольцом на симпатичном пупке.

Она приветливо улыбнулась, вынула из пачки длинную сигарету и, немного замешкавшись, элегантно прикурила ее. Как красиво она курила, как жеманно, чисто по-женски стряхивала пепел, постукивая по сигарете длинным лакированным ноготком.

Я снял солнцезащитные очки и стал внимательно рассматривать блондинку. Солнце уже серьезно поработало над ее телом. Оно покрыло нежным загаром ее высокую грудь, ее, чуть тронутые целюлитом бедра. «Зачем она так ярко накрасила свои чувственные губы? — подумал я, — ведь загорелое лицо привлекательно само по себе. Ну да бог с ним с лицом».

«Интересно, а что она думает обо мне?»

«Ах, какой самоуверенный. Почему это я решил, что она думает обо мне. Может она лежит и мечтает о каком-нибудь заморском красавце или богатом мужичке».

«Ну что ж, пусть мечтает, пусть ждет своего заморского принца» — почему то с раздражением подумал я и перевернулся на другой бок.

Три загорелых красотищи продолжали обсуждать парней, которые уже не играли в волейбол, а мирно лежали невдалеке на своих покрывалах, не обращая никакого внимания на длинноногих подруг.

Тучная мама не переставала поучать свою маленькую дочь.

Неугомонный Федор, забыв про Ксюшу, резвился в воде с другой девочкой.

Бледный мужчина, наконец-то, проснулся, чтобы пропустить очередную банку пива, а его спутница накинула на плечи платок, дабы не сгореть, и о чем-то задумалась.

Появлялись и исчезали люди. То там, то здесь возобновлялась игра в волейбол.

На мангале готовились очередные порции шашлыков, а очередь в кафе никак не уменьшалась.

И вдруг до меня дошло, что я уже без интереса рассматриваю пляж и его обитателей. Все мои мысли роятся вокруг образа загорелой блондинки, которая лежит у меня за спиной и думает.....

Нет, она не думает ни о каком заморском принце.

Интересно, а почему она расстелила свое покрывало рядом с моим?

Неужели я ей приглянулся. Вот осел.

Я вспомнил ее приветливую улыбку, ее неподдельное замешательство при прикуривании сигареты. Так приветливо мне уже давно никто не улыбался.

Я обязательно должен отблагодарить ее за улыбку и за то, что лежу рядом с такой симпатичной женщиной.

Наверное, она тоже лежит и ждет от меня ответной улыбки. «Интересно, почему это он не поворачивается ко мне?» — думает она.

Нет, нужно сейчас же повернуться и

Внимание мое вновь привлекла шумная компания у мангала. Очередная порция шашлыков подрумянилась, за что и поднят был очередной тост: «Чтобы елось и пилось. Чтоб хотелось и могло!»

«Да, — подумал я, — хотеть то я готов, а вот смогу ли?»

В мою душу опять полезли черные сомнения, но я отогнал их и решительно повернулся.

Рядом, кроме примятого песка, я ничего и никого не обнаружил.

Только вдалеке увидел знакомый силуэт симпатичной блондинки, который медленно, вслед за солнцем уходил за горизонт.

Мое первое желание было вскочить, побежать к горизонту и остановить так необходимое мне счастье.

Счастье взаимной любви и родственной близости.

Счастье душевной теплоты и человеческого внимания.

Но ноги, почему-то, не послушались моего сердца и силуэт, как и солнце, исчез за горизонтом.

И если солнце завтра вновь обрадует меня своим светом, то женщина вряд ли вернется и улыбнется мне.

ПАЛАТА №8

В среду вечером у меня неожиданно заболел живот. Сначала боль проявилась в районе пупка, потом, плавно сместившись в правый бок, нагло развалилась по всему желудку. В начале я подумал о том, что съел на работе что-нибудь некачественное и желудок, расстроившись, напоминает мне о хроническом гастрите. Найдя в аптечке таблетки, я выпил одну из них и прилег на диван, но боль не только не уменьшилась, но стала еще агрессивней и острей. Казалось, что живот под действием неведомой силы сию минуту лопнет от перенапряжения. Я вновь встал с дивана, выпил две таблетки активированного угля, медленно прошелся по комнате. Раньше, с наступлением боли я ложился на диван животом вниз и через некоторое время боль нехотя, но все же отступала от меня. На этот раз лежание на животе не только не помогло, но еще больше обострило болевые ощущения. Сцепив зубы, я вновь встал и стал ходить из угла в угол, стремясь таким образом вытеснить из головы мысли о боли и причинах ее породивших. Наконец не выдержал и в 23 часа снял трубку и набрал 03.

«Слушаю Вас» — на другом конце провода недовольный женский голос поинтересовался причиной моего звонка.

Я, как мог, рассказал об усиливающейся боли, на что услышал заученное соболезнование и номер телефона районного отделения скорой помощи.

Скорая помощь приехала через двадцать минут. В квартиру вошел пожилой усатый мужчина. Задав несколько

вопросов и прощупав живот, он сделал вывод об обострении аппендицита, выписал направление в больницу, порекомендовал взять с собой паспорт, медицинский страховой полис и одежду для переодевания.

Так в 24.00 я оказался в приемном отделении ближайшей районной больницы.

Все скамейки приемного покоя были заняты разношерстными пациентами, за которыми, преодолевая свою боль, я стал с нескрываемым любопытством наблюдать.

Вид некоторых пациентов указывал на то, что они вызывающе бурно провели прошедший вечер. Парень лет двадцати с разбитой физиономией, еще не опомнившись от будна, все норовил обнять спующую мимо него молоденькую медсестру. При каждой попытке встать, его вновь заносило на скамейку и припечатывало к стене.

Низенький мужичонка с окровавленной головой терся грязной одеждой о халат пожилой женщины, которая из-за скрутившей ее боли ничего вокруг не замечала.

Другая пожилая женщина, судя по всему мать, пыталась удержать на скамейке своего сына с перебинтованными руками и лицом. Выпитое сыном спиртное притупило его боль и резко обострило агрессию по отношению к окружающим. Только присутствие охранника мешало ему разойтись по полной.

Растрепанная подвыпившая женщина, пошатываясь, перемещалась по коридору, напрасно пытаясь отыскать дверь, из которой она несколькими минутами назад вышла.

У регистрационного окна стоял милиционер, связанный наручниками с нагло ухмыляющимся молокососом.

Приходили утомленные врачи, забирали своих шумных пациентов. Места ушедших занимали не менее шумные новые обитатели.

Наконец очередь дошла и до меня. Ко мне подошел врач лет тридцати и попросил следовать за ним. В кабинете он еще раз осмотрел меня, выписал направление на анализы

и, подтвердив вывод об обострении аппендицита, направил в хирургическое отделение.

В хирургическом отделении медсестра определила меня в палату №8 и попросила готовиться к путешествию в операционную.

Во втором часу ночи завалили меня на операционную тележку и отвезли в зал, где мне предстояло лишиться некоторой части своего желудка.

Оказавшись на операционном столе, я посмотрел на потолок, точнее на лампы, освещавшие меня, скользнул взглядом по обшарпанным стенам и загрустил. Из грустного оцепенения меня вывела миловидная медсестра, которая, ласково мурлыкнув, принялась готовить меня к операции. Сначала она стала брить мой живот, сдувая с него сбритые волосы. Сдувая волосы, она низко наклонялась к моему животу, и я едва сдерживал свои оживающие чувства. В такие моменты мне хотелось погладить девушку по голове, по спине и ниже ее и говорить нежные, ничего не значащие слова. Мне даже показалось, что девушка ощущает мое возбужденное состояние и сознательно затягивает процедуру бритья. Ах, какие прекрасные моменты я пережил перед операцией.

Потом была капельница, наркоз и продолжительный провал памяти. Память на короткое время возвращалась ко мне. Вот я вижу чье-то склоненное надо мной усатое лицо, которое, кривляясь и гримасничая, пытается мне что-то говорить. Вот кто-то перекладывает меня с каталки на койку и пытается укрыть холодным одеялом.

Вот кто-то шепчется около меня. Вот

Это уже лечащий врач дергает меня за плечо, интересуюсь состоянием моего здоровья.

Какое к черту состояние. Я еще плыву, ощущая боль в правом боку и, почему-то, во рту.

Пересилив себя, я, криво улыбнувшись, выдавливаю из себя «хорошо» и снова погружаюсь в нирвану. Оконча-

тельно проснулся я около двух часов дня от оживления, которое было вызвано развозкой по палатам обеда. Мне тоже предложили нулевую диету, но я, поблагодарив сестру-хозяйку, тактично от нее отказался.

Соседи по палате приступили к приему пищи, а мне ничего не оставалось делать, как только наблюдать за ними со своего больничного ложа.

Слева от меня аккуратно пережевывал пищу усатый человек лет сорока, сорока пяти. Он был так увлечен едой, что не заметил моего пристального взгляда.

Справа торопливо уплетал картошку с тушеными овощами суетливый мужичонка лет пятидесяти, а может больше. Казалось, что он забрасывал в рот картошку и, не жуя, проталкивал ее в свою утробу. При этом он как-то настороженно посматривал на противоположный ряд, прикрывая телом свою тарелку.

А там, не вставая с койки, принимали пищу лежащие или частично лежащие больные.

Закончив обед, мой сосед слева тщательно вымыл под краном обеденную посуду и вместе с соседом справа удалился в курилку. На противоположном ряду вся троица, закончив обед, не сговариваясь, завалилась спать.

Я стал с интересом осматривать свое вынужденное пристанище. Палата была сравнительно большой и светлой, на два окна. В ней размещались шесть коек с тумбочками, в углу была прикреплена раковина с краном, над которым висело большое зеркало.

Через окно, где-то вдалеке просматривались крыши домов Красносельского района и удивительно чистое небо, по которому, оставляя за собой белый и пушистый след инверсии, перемещался серебристый самолет. В этот момент мне почему-то захотелось вырваться из четырех стен и по мановению волшебной палочки вдруг очутиться в серебристом самолете. Я мысленно представил себе волнующее состояние моего пребывания на высоте, взгляд, кото-

рым я победно пройдуся по находящимся на земле домам и паркам, по чуть заметным машинам, мчащимся куда-то по своим, только им известным делам.

Мысли о моей заоконной свободе прервало возвращение в палату моих соседей. Сосед справа тут же завалился спать, а сосед слева, привычно разместившись на своей койке, доброжелательно спросил: «Ну как, отошел от наркоза?»

«Да вроде отошел» — ответил я, пытаюсь повернуться на левый бок.

«Привезли тебя из операционной в пять часов утра — проинформировал сосед — ты все порывался сам перебраться на койку, но без помощи сестер у тебя вряд ли бы это получилось. Еще действующий наркоз тебя тут же усыпил, и ты хорошо поспал до обеда».

«Я, наверное, сильно храпел» — спросил я.

«Да нет. Усиленное сопение было, а вот храпа я не слышал» — успокоил меня сосед.

«А что Вас привело в эту лечебницу» — поинтересовался я.

«Меня — переспросил сосед — есть такая неприятная болезнь панкреатит, которая, периодически обостряясь, вынуждает меня вновь обращаться к процедурам».

«Панкреатит, слово-то какое звучное, прямо из времен Римской империи» — неудачно пошутил я.

Не обратив внимания на мой неуместный юмор, сосед подробно рассказал о болезни, о поджелудочной железе и печени, о процедурах, которые он здесь проходит уже несколько дней.

Кроме того, я узнал, что сосед — майор запаса, десантник, закончил после школы военное училище ВДВ, посылался за время службы по нескольким гарнизонам и республикам, успел повоевать в Чечне, где окончательно подорвал свое здоровье, да и психику. Вернувшись из Чечни к постоянному месту службы, он периодически уходил в запой, часто срывался и давал волю кулакам. Жена не выдержала

таких перепадов и ушла от него, из армии пришлось уволиться.

К счастью нашлась добрая белорусская женщина, которая приютила его и серьезно взялась за исцеление. Через два года как ветерану Чеченской войны ему удалось получить квартиру в Петербурге, и через каждые полгода его вторая жена настырно привозила его в клинику на процедуры.

Вот и в этот раз ему чистили плазму, облагораживали с помощью лазера кровь, кололи витамины и антибиотики.

Судя по тому, как сосед со знанием дела рассказывал о процедурах и результатах анализов, можно было сделать вывод о его частом пребывании в лечебных учреждениях.

Постепенно палата стала заполняться звуками просыпающихся больных. Сосед справа, проснувшись, тут же увел десантника в курилку.

На противоположном ряду первым проснулся темноволосый, небритый человек лет тридцати. Он тут же приступил к разгадыванию отложенного кроссворда, обращаясь изредка за помощью к своим соседям.

Позже я узнал, что Рома, так звали темноволосого человека, был цыганом. Две недели тому назад его порезали в пьяной драке. Осколок ножа вынули из Ромы уже во время операции. Рому только вчера перевезли из реанимации и он медленно шел на поправку.

Активно помогал Роме отгадывать кроссворд пожилой мужчина с седенькой бородкой.

Звали его Александром Павловичем, но я про себя назвал его «профессором» потому, что слишком хорошо он разгадывал озвученные Ромой слова. Лежал Александр Павлович в середине ряда, несмотря на свой щуплый вид, обладал солидным баритоном и его раскатистый голос беспрепятственно разносился по палате.

Ему только что была сделана операция по удалению желчного пузыря, вставать не разрешалось, но на коляске он периодически выезжал из палаты.

Справа от него лежал совсем молодой парень, которому не было еще и двадцати лет. Звали его Вадимом.

Тело Вадима было покрыто чудовищными наколками, и весь он казался каким-то издерганным и неприятным.

За свою короткую жизнь он уже успел побывать в колонии, потерять одну из почек, а вторую довести до такого состояния, что она очень сильно распухла, прижав какой-то нерв. И теперь, Вадим хоть и перемещался самостоятельно, одна нога при ходьбе волочилась за ним слабым усыхающим отростком. Вот и сейчас он встал с кровати и медленно зашаркал в туалет.

Мои соседи в это время вернулись в палату и суетливый мужичонка, завалившись на койку, стал вслух представлять себе завтрашнюю выписку из больницы:

«Эх, вот выйду завтра из больницы, пройду по свежему воздуху, нагуляю аппетит. Жена обещала сварить кислых щец покислей, дапотесней».

«Даю голову на отсечение, что мимо ларька не пройду» — подначил его десантник.

«Нет — как-то уж очень поспешно возразил выписывающийся — что я, себе, понимаешь, враг. Никакого ларька, домой, в натуре, и точка».

«А ты какой уж раз попадаешь то сюда» — спросил Александр Павлович.

«Ну четвертый, едрена фень. Нет пятый» — неуверенно произнес суетливый.

«Вот видишь, не такая уж длинная у тебя память — произнес Александр Павлович — короткая у тебя память. С такой памятью ненадолго тебя хватит».

«Обижаешь Палыч. По-твоему я совсем пропащий человек? Да я, если захочу, в натуре, даже не притронуся к бутылке».

«Вот-вот, если захочу. А вдруг захочешь» — засомневался Александр Павлович.

«Ну поймал, едрен фень, на слове. Сказал — не притронусь, значит — не притронусь» — уже уверенней произнес суетливый, но взгляд его при этом как-то беззащитно заегазил по палате.

«Палыч, ну что ты прицепился к Николе. Нет бы порадоваться за его выписку, а ты с расспросами» — пришел на помощь Николе Рома.

«Да я разве против его выписки. Я просто хочу, чтоб Николай больше не попадал сюда по пьяному делу» — произнес Александр Павлович.

Разговор прервало шумное появление упитанной медсестры Ольги. Все обитатели палаты поочередно подставили свои зады под крепкую Ольгину руку. А тут и ужин поспел.

В коридоре послышалось знакомое звяканье столовых реквизитов.

Прописанная мне нулевая норма включала в себя овсяную кашу и чай. Без всякого энтузиазма я как-то уж очень быстро проглотил недосоленную кашу, запил ее бледным, уже остывшим чаем и, от нечего делать, принялся разгадывать подвернувшийся под руку кроссворд.

Десантник, закончив ужин, сходил с соседом в курилку, вернувшись в палату, лег на свою койку и продолжил начатый в курилке разговор: «Я, Николай, уже лежал в этой больнице два месяца тому назад, но меня так достал один врач постоянными вымогательствами денег, то на лекарства, то на процедуры, что я на четвертый день вынужден был бежать отсюда. С какой это стати я должен платить за то, что мне положено по закону. Да и денег-то таких у меня не было, и нет. Разве на пенсию сильно разгуляешься. Я теперь безработный. Хозяину не понравилось мое отсутствие на работе, кому сейчас нужен большой работник».

Немного помолчав, десантник продолжил: «Какие только снадобья я ни использовал для хотя бы частичного избавления от боли. Один мой знакомый порекомендовал использовать способ, который ему помог избавиться от аналогич-

ной боли. При обострении болевых ощущений, он выпивал грамм по пятьдесят водки и боль на определенное время отступала, а затем и вовсе прошла. Первое время водка действительно помогала мне, но потом боль не только не уменьшалась, а стала все нестерпимей. В день я удосуживался выпивать около литра водки. В конце концов, я не выдержал и скорая помощь снова привезла меня сюда. Слава богу, я попал к другому врачу, но вяли меня без всякого энтузиазма. Своим двухмесячным самолечением я окончательно добил поджелудочную и печень. Анализы говорят о том, что дело мое кранты».

«Ну, уж зачем так грустно-то — пробасил со своей койки Александр Павлович, — раз лечат, значит надеются на положительный результат».

«Анализы-то, Палыч, не обманешь — возразил десантник, — за восемь лет моего мытарства по клиникам я научился их правильно читать, да и врачи без всякого энтузиазма смотрят на отнюдь не положительные изменения в моем организме».

«Так у тебя это уже давно» — спросил я.

«Первые признаки болезни появились еще в Чечне. Я там был с 1988 года и стресс нами снимался только с помощью крепких напитков. Чтоб как-то взбодрить себя пили всякую гадость. Не каждый мог выдержать постоянное ощущение опасности, подстерегавшей нас. А гибель сослуживцев. Ничто так не выводит из душевного равновесия как блуждавшая вокруг нас смерть, забиравшая все новые и новые жертвы. Недавно я смотрел по телевизору сюжеты из Чечни, и в них было показано освобождение из-под земли людей, которые использовались местными жителями в качестве рабов.

Точно такие дома с вертикальными трубами вдоль стен я видел и в то время. Тогда я принимал их за простые водосточные трубы, а оказалось что по этим трубам в подземелье, где находились рабы, подавался свежий воздух. Уже

в то время местные жители в больших количествах использовали рабскую силу, и никакие цивилизованные законы не действовали на территории Чечни. О каком к черту равенстве и братстве можно говорить».

Я понимал, что устами десантника говорит его контуженная войной душа. Много горя и страданий пришлось повидать ему за недолгие годы службы в горячих точках России и ближнего зарубежья. А сколько таких как он, искалеченных физически и духовно, мечется по просторам матушки России в поисках справедливости и душевного покоя.

Отголоски боевых действий еще долго будут отдаваться в сердцах не только нашего поколения.

Из грустных размышлений меня вывел мужеподобный голос упитанной Ольги. Наступило время капельниц и других вечерних процедур.

Ольга очень долго прощупывала мои кровеносные сосуды, наконец-то нашла подходящую для шприца вену. Перед операцией мне вообще искололи всю правую руку и только на кисти руки нашли сосуд, в который без особых усилий воткнули катетер.

Наступило время отхода ко сну. Ночью я проснулся от сильнейшего храпа Александра Павловича. Даже храп его был каким-то противно баритонистым.

Десантник сидел на краю кровати и пил чай из большой кружки. Ему и без соседского храпа никак не удалось уснуть. Мысли о том, что печень и поджелудочная железа дышат на ладан, не давали ему покоя. Он вновь и вновь перелистывал страницы прожитой жизни и незлобиво корил себя за моменты минутной слабости, когда он, не делая над собой никаких усилий, пытался залить спиртным житейские невзгоды и потрясения.

«Да, война подкосила мужиков, но не всех же — думал про себя десантник, — конечно, не всех. Но ведь большинство из тех, кто был на передовой, кто лицом к лицу встречался с бандитами, кто каждую секунду ощущал на себе

оптический взгляд снайпера, снимало напряжение фронтовыми ста граммами, а потом и двести, и Губила людей не только пуля или взрывчатка, но и разгильдяйство некоторых штабистов, алчность большинства интендантских крыс, которые без всякого стыда набивали свои карманы и животы. Теперь уж ни для кого не секрет, что слишком многим эта войны принесла огромные барыши, а, порой, и незаслуженную славу».

Николаю в последнюю ночь тоже не спалось, кровать под его телом жалобно поскрипывала. Наконец он не выдержал, встал и вместе с десантником пошел в курилку.

Невольно я сравнил эти две судьбы, которые пришли сегодня к одному и тому же печальному медицинскому заключению. Но если десантник действительно пережил большое количество потрясений, то Николай добивал свой организм, может быть бессознательно, но добровольно, стремясь не обижать своих собутыльников после рабочей смены. Не обижая собутыльников, он все чаще обижал своих близких. Побывав единожды в роли свиньи, он уже стыдился перед своими домочадцами появляться трезвым. Так и погрузился он в эту отнюдь не положительную роль и выйдет ли из нее после больницы.

С этой мыслью я вновь погрузился в сон, уже не обращая никакого внимания на безудержный храп Александра Павловича.

С приходом новой медсестры Юли наступил очередной день нашего пребывания в больнице с новыми уколами, капельницами и клизмами.

После обхода врачей Николай попрощался с нами и неестественно быстро исчез из палаты. Начались дообеденные медицинские процедуры с переливанием крови, перевязками и физиотерапией.

На какое-то время я остался в палате наедине со своими нерадостными мыслями: «Ах, Россия, ты, моя Россия. В этой небольшой больничной палате я вновь ощутил дыхание без-

рассудного развала страны со всеми перекосами и жертвами, с судьбами, которые перестройка ломала медленно, безжалостно и жестоко».

Вечером на смену Николаю привезли еще одного шумного, в стельку пьяного пациента с тем же неутешительным диагнозом.

Жернова перестройки продолжали безостановочно работать. Когда же они остановятся?

ПОЛОВОЙ ГИГАНТ СЕРЕГА

Даже в свои шестьдесят с лишним лет прозывался облысевший Сергей Иванович Серегой. Лысина — лысиной, но крепок он был не по годам. В меру ел, по велению души пил, с чувством отдавался. Нередко заглядывался на молодух, а бывало, что оставался у них и на ночь.

Одному богу известно, что в эту ночь происходило в квартире новоявленной молодухи, но о своих подвигах Серега непременно и красочно рассказывал собутыльникам и прочим дружбанам. И откуда только бралась его неистощимая сказительность, хотя некоторый процент были в его рассказах все таки присутствовал.

Однажды поутру возвращался довольный Серега с очередного загула. С его руки свисал полиэтиленовый пакет, в который благодарная зазноба положила ему несколько штук картофелин, да три помидорины со своего огорода. Мол, ешь, Серега, молодые овощи и сил набирайся.

И вот идет он с этим самым пакетом, а навстречу ему собутыльник Петруха. А у Петрухи в голове с самого утра засела надоедливая мысль — с кем бы приложиться к бочонку пива или бутылочке винца. А тут на тебе, на ловца и зверь плетется.

По такому случаю Петруха аж объятия расщеперил, и на его еще непотрезвленном лице тускло высветилось подобие улыбки:

— Серега — друг, откуда путь держишь?

— А ты как думаешь, — вопросом на вопрос ответил Серега.

— Неужто, опять с блуда топаешь?
— С него самого, — выпятив грудь, произнес Серега.
— А не зайти ли нам по такому случаю в пивную, — предложил Петруха.

Хоть и не входил в Серегины планы заход в пивную, но упоминание о пиве вызвало у него обильное слюновыделение. Проглотив слюну, он без удовольствия, но согласился.

В пивной дружбаны взяли сразу по две кружки пива и уселись за еще не заляпанный стол. Отпив по значительному глотку, они пустили в ход развязавшиеся языки.

— Так, значит, с блуда возвращаешься, — продолжил разговор Петруха.

— С него самого, — охотно ответил Серега.

— Ну и как очередная подруга, — задал новый вопрос Петруха.

— Баба — зверь, который раз к ней захожу, и всякий раз по-новому, — ответил Серега.

— Что значит, по-новому, — отпив из кружки, спросил Петруха.

— А то значит, что и не захочет, так вскочит, — произнес Серега, — так заласкает, что дух захватывает.

— Уж прямо так и захватывает, — высказал свое подозрение Петруха.

— А неверующему Антропу хрен в одно место, — с обидой произнес Серега.

— Да ты не обижайся, это я так, для форсу. А что это у тебя в пакете залежалось, — поинтересовался Петруха.

— В пакете-то, так там свежие овощи с ее огорода, — сообщил Серега, — у нее, понимаешь, такой ритуал вырисовался. За хорошую работу, значит, благодарит она своего постояльца свежими овощами.

— Так, значит, ты сегодня хорошо поработал, — хихикнул Петруха.

— А ты не смейся, — обиделся Серега, — вот отработал ее за ночь три раза, она мне за это три помидорины всучила.

— Неужто, три раза, — удивился Петруха, — а картошку за что?

— А картошку, Петруха, за оргазмы, которые с ней приключились, — усилив интонацию на слове «оргазмы», произнес Серега.

— И сколько же там картофеля, — поинтересовался Петруха.

— Возьми, да посчитай, — протянув Петрухе пакет, предложил Серега.

Посчитав картофелины, Петруха с недоверием произнес:

— Неужто девять оргазмов сподобил?

— А то и сподобил, — с гордостью произнес Серега, — а что ты удивляешься, у некоторых было и поболее этих самых оргазмов-то.

Посмотрев на Серегу с некоторым недоверием, Петруха все же допил первую кружку и, смачно икнув, принялся за вторую. Отпив из второй, любопытный Петруха опять завопросничал:

— А что значит поболее?

— А то и значит, что у некоторых баб этих оргазмов было более десятка, — начиная злиться, проворчал Серега.

— Ну, ты гигант, — с ехидцей пропел Петруха.

Чувствовалось, что на старые дрожжи пиво возбудило его не на шутку.

— А ты, видать, мне не веришь, — возмутился Серега, — можешь зайти к Зойке и у нее спросить.

— Неужто и Зойку ты оприходовал, — удивился Петруха.

И тут Серега пожалел о том, что согласился с Петрухой на пивную.

Не дотронувшись до своей второй кружки, он встал из-за стола и, не попрощавшись, вышел на свежий воздух.

А Петруха, допив Серегино пиво, совсем расхрабрился. Мысль об оргазмах растормошила его чувства, а заплетавшиеся ноги ступили на маршрут, связывающий пивную с Зойкиным домом.

Подойдя к двери Зойкиной квартиры, он с небольшой задержкой нажал на кнопку звонка и криво улыбнулся.

Через несколько секунд дверь отворилась, и перед ухмыляющимся Петрухой появилась худосочная Зойка:

— Чего приперся, — спросила она.

— Дык хочу с тобой перепихнуться, — расплывшись в улыбке, промямлил Петруха.

Услышав такое признание, Зойка покраснела, о чем-то задумалась, а потом произнесла:

— Подожди секунду, я только чайник выключу.

Зойка ушла на кухню, а послушный, но возбужденный Петруха остался ждать у двери, предвкушая наступление утех. В его голове рисовались эротические фантазии на тему оргазмов, блаженная улыбка не сходила с его лица.

Сошла она только тогда, когда твердая Зойкина рука опустила на его голову сковородку:

— Пошел вон, кобелина проклятый.

Второго предложения на уход Петрухе не понадобилось. Схватившись за голову, он скатился с лестницы и уже не думал ни о каких оргазмах. Заплетающиеся ноги повели его по обратному маршруту.

ПРОСНУВШИЙСЯ АЗАРТ

Всю свою сознательную жизнь прослужил Валентин Нефедов в Вооруженных силах. Сначала срочником, потом сверхсрочником, а затем и прапорщиком. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Вот и в Валькиной жизни наступил день, когда выпихнули его из армейского коллектива на пенсию. А чтобы он не слишком обижался, проводы устроили по высшему разряду. В этот высший разряд входили: официальная часть с оглашением приказа об увольнении в актовом зале и часть неофициальная за неплохо сервированным столом в одной из аудиторий.

Официальную часть, в силу ее сухости и скоротечности, описывать неинтересно, а вот неофициальную часть попробую раскрыть с некоторыми подробностями.

Сам Валька ждал обе части с нескрываемым волнением, потому что очень не любил излишнего внимания к собственной персоне. А тут, хочешь — не хочешь, а приходилось это самое внимание терпеть.

Хорошо, что официальную часть быстро свернули. Да и как не свернешь, если в соседней аудитории водка киснет.

С шумом разместившись за накрытым столом, Валькины коллеги потянулись за бутылками.

Первым, по праву, выступил начальник кафедры, на которой последнее время служил прапорщик Валентин Нефедов.

Хвалебные слова начальника заставили Вальку густо покраснеть и покрыться потом. А вот в голове, почему-то,

противенько зашевелился вопрос: «Если я такой хороший, то на кой хрен ты меня увольняешь?»

После первой Валька сумел приструнить этот самый вопрос, зажевав выпитое хрустящим огурчиком.

Но вслед за начальником хвалить Вальку принялись другие сослуживцы. И чем больше коллеги хвалили новоиспеченного пенсионера, тем настойчивей долбал этот самый вопрос его помутненное сознание.

В конце концов, вопрос вырвался наружу в виде нецензурной лексики и угроз в адрес е... начальников, которые бросаются такими специалистами, как он. Сослуживцы с трудом уgomонили разволновавшегося виновника торжества и доставили его до хаты.

На следующий день проснулся он на не разобранном диване с головной болью и противным привкусом во рту. Увидев на полу военную форму, он попытался встать, но непослушная голова вновь завалилась на подушку.

В каком-то тумане отрывки из прошлого дня начали проявляться в его сознании, но полной картины произошедшего он так и не смог представить. Предчувствие чего-то нехорошего стало медленно выводить его из похмельной дремы. Пересохшим ртом он попытался что-то сказать, но из луже-ной глотки вырвалось только какое-то мычание.

Сердобольная жена поднесла ему стакан огуречного рас-сола и произнесла:

— Ну, ты вчера и поднабрался. И не поймешь, не то с горя, не то с радости.

Уж лучше бы она этого не говорила. Выпив залпом рас-сол, Валька накинулся на нее:

— Ишь, дура, нашла чему радоваться. Мужа уволили, а ей весело.

— Да не веселюсь я, Валя, только для грусти тоже повода нет, — попыталась оправдаться жена.

— Повода нет, — передразнил Валька жену, — налей-ка мне грамм сто, а то, не дай бог, окочурюсь.

— Типун тебе на язык, — пробрюзжала жена, но стопочку болезному супругу, все же, поднесла.

Осушив содержимое стопки, Валька почувствовал естественный прилив сил, да и гул в голове значительно уменьшился.

Встав с дивана, он даже попросил у жены что-нибудь пожрать.

За кухонным столом он пропустил еще стопочку и принялся за жареную картошку с мясом. Третью стопку он выпить не успел, так как раздался звонок и на пороге появился сосед-сослуживец:

— Ты уже опохмеляешься, — с порога спросил он.

— Садись, коль пришел, — пробурчал Валька.

Второй раз просить соседа не пришлось. Он уселся на указанную Валькой табуретку и вопросительно глянул на Валькину жену. Та поставила перед ним стопку и тарелку для закуси.

По праву хозяина Валька налил соседу и предложил:

— А давай выпьем за все хорошее.

Они дружно выпили и закусили разносолами. Проглотив маринованного груздя, Валька признался:

— Послушай, Степаныч, а чем вчера все закончилось? Память напрочь отбило.

— Чем закончилось, чем закончилось. Послал ты начальников далеко и надолго.

— Что, вот так прямо и послал?

— Не знаю, прямо или криво, но послал, — произнес сосед и предложил налить еще по одной.

Дружно выпив по очередной чарке, сослуживцы продолжили начатый разговор.

— Стыдобуха-то какая, — запричитал Валька.

— Да не волнуйся ты так, — попытался успокоить его Степаныч, — с кем не бывает.

— Как же не волноваться-то, если я своих начальников на... послал.

— Ну, во-первых, они теперь тебе не начальники, а, во-вторых, все вчера поняли, что ты на радостях перебрал малость.

— Если бы малость. Раньше-то я никогда так не напивался, — посмотрев на Степаныча, сказал Валька.

— Раньше-то никогда, — подтвердил Степаныч и похозяйски разлил по стопарям.

Вошедшая на кухню жена робко спросила:

— Валентин, может быть, хватит?

— Ничего не хватит. Вот бутылку допьём, тогда и будет хватить, — заплетающимся языком пробурчал Валька. Потом немного подумал и уточнил, — может быть.

Сказав это, он демонстративно поднял стопку и осушил ее. Степаныч сделал тоже самое.

— Ну, как знаешь, — тихо произнесла жена и вышла из кухни.

Бутылку они, конечно, допили, после чего старые дрожжи сыграли с Валькой плохую шутку. Он уткнулся носом в тарелку с картошкой и засопел.

Сосед попробовал его растормошить, но поняв бесполезность усилий, пошел домой. А ведь мог бы задержаться и на вторую бутылку.

Целый месяц Валька заливал свое горе с друзьями в местной кофейне или дома, в гордом одиночестве.

Зная Валькин крутой нрав, кроткая жена только охала, да качала головой. А что еще она могла сделать в данной ситуации.

— Хорошо, что дочь живет отдельно и не видит этого безобразия, — думала она.

Одна из встреч в местной кофейне подтолкнула Вальку на хотя бы какие-то действия.

А встретился он там с одним из сослуживцев, который уже полтора года как ушел на пенсию.

За рюмкой водки он предложил Вальке устроиться на работу в охранную фирму, в которой сам работал уже почти год.

Только после третьей стопки Валька согласился съездить с ним в охранную фирму.

Жена его решению была очень рада.

Через неделю Валька приступил к своим обязанностям охранника. Работа была не пыльной, так как охранять приходилось складское помещение с графиком сутки через двое. Днем особой работы не было, потому что других охотчих до работы было предостаточно, а на ночь склад закрывался изнутри, и сон никто не тревожил.

Первое время Валька забыл о кофейне и чаще коротал время на местном озере с удочкой в руках. Но по осени клев прекратился, и кофейня была рада Вальку снова лицезреть.

Как всегда, Валька заходил в кофейню и заказывал кружку пива. Но разве остановишься на кружке пива, когда сосед за столом пьет пиво с водкой. Понимает мужик, что пиво без водки — деньги на ветер.

А потом Валька не помнил, как добирался до своей квартиры и просыпался на утро с чувством осушающей вины. Правда, рассол или бутылка пива орошали вину, и день переставал казаться мрачным и потерянным.

Валькина жена уже давно смирилась с таким распорядком, но, как на грех, в кофейне был установлен игровой автомат.

Азарт Вальку уже давно распирал, распирал и не находил выхода, а тут, на вот тебе, играй — не хочу. И пристрастился Валька к этой самой игре. Придя в кофейню, он выпивал свои фронтовые сто грамм и прилипал к автомату так, что никакая сила не могла оторвать его жаждущее выигрыша тело.

Стремление выиграть захватило его так, что он забыл о крутой выпивке, а только играл, играл и играл. Деньги заканчивались, а он занимал их и снова играл.

Занимал до тех пор, пока было у кого занимать. Постепенно желающих давать Вальке деньги в долг поубавилось, а затем и совсем сошло на нет. И тогда Валька решился на крайний шаг. Из дома каким-то странным образом стали пропадать вещи. Жена не сразу заметила пропажу вещей, а когда заметила, пожаловалась участковому, по наивности думая, что без воров тут дело не обошлось. Но участковый сразу вычислил виновника пропаж, открыв Валькиной жене глаза.

Жена попыталась поговорить с Валькой, но игровая зависимость пересилила ее увещевания, и пропажа вещей на этом не закончилась. И тогда, посоветовавшись с дочерью, жена выгнала Вальку из дома. Несколько дней Валька пытался до нее достучаться, но потом нашел собратьев по бездомному существованию и превратился в БОМЖа. И теперь неизвестно, где обитает Валька — бомж и обитает ли вообще.

ПЯТЬ МУЖЕЙ НЕНАСЫТНОЙ НАДЕЖДЫ

Познакомился я с этой женщиной на сайте одной из социальных сетей. В свои шестьдесят лет выглядела она даже очень неплохо. Это касалось не только ее ухоженности и современности модного гардероба. Ее незначительная полнота рационально вписывалась в облегающие одежды, не вызывая у окружающих какого либо отторжения. Да и замутненный взгляд только подчеркивал ее еще нерастратченную сексуальность.

Фоны выложенных на сайте фотографии просто кричали о жизненном благополучии Надежды.

Вот она улыбается на фоне крутого внедорожника, а вот уже шикарная усадьба позирует вместе с ней. На других фотографиях дальнее и ближнее зарубежья восхищались Надеждиной фигурой, облаченной в цветные наряды.

Судя по фотографиям, обладательница цветных нарядов не бывала только в Арктике и Антарктике.

Да, с такой женщиной стоило познакомиться.

Наша переписка была недолгой. Устав от ее плейкастов, я пригласил Надежду в кафе, и она сдержанно приняла мое приглашение.

Встреча состоялась на Петроградской стороны.

Она без опоздания появилась в восточном интерьере кафе, скрасив его своей обворожительной улыбкой. Я помог ей раздеться и разместиться за столиком.

Даже не посмотрев в предложенное официантом меню, Надежда заказала какой-нибудь мясной салатик и фужер кьянти. Мне ничего не оставалось делать, как продублировать этот заказ.

С исчезновением официанта Надежда внимательно посмотрела на меня и произнесла:

— В натурале вы смотрите лучше, чем на фотографиях.

Я, выдавив из себя подобие улыбки, ответил ей тем же.

В общем, первый обмен любезностями состоялся, фужеры с кьянти появились на столике, и мы выпили за знакомство.

— Теперь можно и на «ты» перейти, — утвердительно предложила Надежда, — вы, ты согласен со мной, Григорий?

— Ну как можно не согласиться с такой милой женщиной, — высказал я очередной комплимент.

Надежда игриво посмотрела на меня и предложила выпить за начало приятного общения. А тут и салаты подошли.

Закусив мясным салатом, Надежда попросила рассказать вкратце о себе, что я и сделал. Мой краткий рассказ неоднократно прерывался вопросами, на которые я старался также кратко отвечать. Удовлетворившись моими воспоминаниями, Надежда произнесла:

— Моя история значительно красочней и романтичней, поэтому приготовься слушать ее долго и внимательно.

После минутной паузы она начала свое повествование:

— Чуть больше сорока лет тому назад я, молодая глупышка, приехала в стольный град для поступления в Щукинское училище. С первого раза поступить не удалось, но вторая попытка оказалась более удачной, и я стала студенткой известного театрального училища. Со мной на курсе учились ... — тут она перечислила несколько фамилий известных артистов.

На меня перечисление этих фамилий произвело неизгладимое впечатление, что, в свою очередь, вдохновило Надежду на продолжение рассказа:

— На втором курсе я уже выскочила замуж за одного из моих однокурсников, родители которого своевременно поддерживали нас материально. Эта поддержка помогла нам перебраться из общежития на частную квартиру.

Как весело мы тогда жили. У нас постоянно собирались однокурсники и уже состоявшиеся артисты. Мы пили вино, читали стихи, пели и танцевали, танцевали и пели. В общем, жизнь была ключом, завязывались новые знакомства, обсуждались творческие планы.

Окончание училища мы отмечали несколько раз. Сначала в кругу одноклассников, потом в компании друзей, а потом в окружении родственников.

Давай на этом остановимся и выпьем за...

— За тебя, — вставил пару слов я.

— Ну, за меня, так за меня, — поддержала Надежда.

Закусив салатом, Надежда продолжила свой рассказ:

— После окончания училища мы с мужем были направлены в Ленинградский театр комедии. И там я совсем потеряла голову, прикоснувшись к руке великого артиста. Да разве можешь ты представить состояние молодой женщины, обласканной взглядом самого....

В общем, я сделала все от меня зависящее, чтобы развестись со своим мужем и выйти замуж за великого. Ах, как я была счастлива, с каким злорадством смотрела на пропахших нафталином воздыхательниц его таланта. Я уже видела себя в главных ролях театрального репертуара, но новый муженек быстро остудил мое стремление.

Как оказалось, я ему была нужна только в качестве эскорт-дивы и домохозяйки. Мне хватило года, чтобы разглядеть все его недостатки. И самым главным недостатком было то, что в постели он был никакой. Разве мог мой ненасытный темперамент смириться с зарождающимся импотентом? Конечно, нет.

И тут мне попался капитан третьего ранга, хотя в звании я тогда еще не разобралась. В моих глазах он был опыт-

ным и довольно симпатичным морским волком. Позднее я узнала, что в Ленинград он приехал за повышением квалификации. Окончив в академии высшие морские классы, мой новый избранник поспешил во Владивосток, и я, как жена декабриста, последовала за ним.

Ах, Владивосток, какие прекрасные воспоминания связаны с этим городом. Народный театр, в котором я стала настоящей примой, исколесил с гастрольями весь Дальний Восток.

Закатив глаза, она машинально подняла свой бокал и предложила:

— Давай выпьем за дальние рубежи нашей Родины.

Глотнув кьянти, она продолжила свой рассказ:

— Если бы ты знал, как публика рукоплескала мне, какие букеты цветов получала я. А какие поклонники меня окружали. На одного из них я променяла своего капитана.

Это был убеленный сединой контр-адмирал, который в свои срок пять лет овдовел и очень нуждался в женском внимании и ласке. И я не поскупилась на ласку, хотя вниманием порадовать его не могла. Да и сам адмирал был занят на службе.

Перед уходом на заслуженный отдых, он перевелся в Петербург, где вскоре скончался. Так я впервые в жизни стала вдовой, точнее богатой вдовой. Вскоре скончалась и адмиральская сестра, за которой я ухаживала. Квартира ее также перешла ко мне.

Конечно же, я не осталась без мужского внимания. Вокруг меня крутились бывшие сослуживцы мужа, один из которых поразил меня своей щедростью. Он дарил мне золотые украшения и дорогую парфюмерию, зарубежные круизы и манто. А став руководителем филиала одной из зарубежных фирм, подарил мне коттедж на берегу лесного озера.

Как прекрасно мы с ним жили, какие тусовки посещали. Мы были вхожи даже в окружение самого губернатора.

— Давай выпьем за губернатора, — предложила Надежда. Уж за кого, за кого, а за губернатора выпить — не грех.

— А где же теперь твой пятый муж, — отпив кьянти, спросил я.

— А моего пятого мужа угробили конкуренты. После одной встречи он не доехал до дому, попав в подстроенную автомобильную катастрофу. Я долго оплакивала его, но жизнь продолжается. Да я и не привыкла быть одна.

А ты мне очень понравился. Я буду непротив встречаться с тобой. Ты знаешь, я являюсь хозяйкой трех квартир и одного коттеджа. Две квартиры и коттедж я сдаю в аренду, а на полученные деньги путешествую по всему свету. Давай путешествовать вместе.

И я ответил:

— Давай не будем торопить события.

РАСЧЕТ ОКОНЧЕН?

Жил в деревне под Ярославлем симпатичный мальчишка по имени Владимир. Вот только Владимиром его никто не называл. Немногочисленные родственники звали его Вовкой, а многочисленные дружки величали Малым. Почему Малым, спросите вы? Во-первых, потому что его фамилия была Малов, а, во-вторых, потому что ростиком не вышел.

Да, вот такой уж он уродился. Имея приятную наружность с голубыми глазами и русыми волосами, ростом Вовка не дотянул. Что касается характера, то ему никак не подходила поговорка — мал клоп, да вонюч. По характеру он был тихим и обходительным пацаном. На рожон не лез, но несправедливости не терпел. Встречаясь с несправедливостью, он голоса не повышал, но обязательно ее осуждал. Может быть, поэтому дружки его уважали и нередко прислушивались. В школьном строю он всегда был последним, или, как сейчас принято говорить, крайним, а при построении на физкультуре в его обязанности входил рапорт — «расчет окончен». И чем больше Вовка повторял эту фразу, тем больше она ему не нравилась.

Учился Вовка ни шатко, ни валко. Если начальную школу он закончил на четыре и пять, то в пятом классе у него стали появляться и тройки, а в шестом уже и двойкам никто не удивлялся, кроме родителей, конечно. Точнее родительницы. Рано овдовевшая маманя, найдя в дневнике двойку, набожно крестилась, брала в руки веревку и охаживала ей Вовкину задницу.

При этом она монотонно приговаривала:

— Учись, паразит, как следует, а то неучем и останешься.

Сама мать, Пелагея Никитична, окончила в детстве четыре класса церковно-приходской школы, на том и остановилась. Но на то были веские причины, связанные с революцией и тяготами двадцатых годов. Сыну же Пелагея Никитична желала только хорошего, и это хорошее передавала через бельевую веревку.

Вовка на мать не обижался и даже жалел, понимая, как трудно ей было ставить на ноги пятерых детей. Старшие сестренки родились еще до войны и теперь были на выданье, а младшие только-только пошли в школу. Именно жалость удерживала Вовку от резких выпадов против побоев, но в седьмом классе он не выдержал и, после очередной порки, убежал из дому. Целых три дня Вовка прожил у своей тетки в соседней деревне, но на четвертый день не выдержал и вернулся в отчий дом.

Увидев его, мать очень обрадовалась, правда радости этой Вовка не заметил, потому что противная дрожь пронизывала все его неокрепшее тело. А вот веревку в ее руках он заметил сразу же. Заметил и так посмотрел на мать, что рука с веревкой зависла в воздухе. Так, с занесенной рукой Пелагея Никитична медленно опустила на стул и разрыдалась навзрыд. Только однажды Вовка слышал аналогичный мамин плач на отцовых похоронах. Пелагея Никитична как-то вся сморщилась, ее плечи тряслись, а слезы маленькими ручейками катились из глаз.

От этого вида у Вовки защемило сердце, и он тоже заплакал. Прижавшись к маме, он обнял ее за плечи и воскликнул:

— Мамочка, прости меня, пожалуйста, я постараюсь тебя не огорчать. Я постараюсь тебя не огорчать. Так они проплакали несколько минут. Потом Пелагея Никитична успокоилась, обняла Вовку и пролепетала:

— Сынок, ты же, наверно, голодный?

Сказав это, она засуетилась возле печки. Налив из чугунка еще не остывшие щи, она тихо произнесла:

— Кушай, сынок, если что, я тебе еще добавлю.

С того дня бельевая веревка использовалась Пелагеей Никитичной только по назначению. И не только потому, что Вовка, как мог, старался выполнить свое обещание, и маму не огорчал.

Седьмой класс Вовка закончил с тремя тройками и с полным желанием продолжать учебу. И желание это подкреплялось чувствами к одной однокласснице, опутавшими его. Чернявенькая Надя как-то вдруг приглянулась ему, и он впервые почувствовал учащенное биение своего сердца. И не беда, что она была на полголовы выше его. Зато какие проникновенные были у нее глаза. Не глаза, а искрящиеся угольки. Вот в этих самых глазах и утонул наш Вовка.

Ответных чувств он у Нади не вызывал, но относилась она к нему по-доброму, по-матерински что ли. В десятом классе она позволила ему себя поцеловать. После поцелуя Вовка, конечно, возбудился и даже осмелел, но тут же получил по шаловливым ручонкам и вторую попытку отложил на потом.

Десятый класс Вовка закончил успешно и уже подумывал о поступлении в институт, но судьба распорядилась иначе. В областном военкомате, куда его пригласили по повестке, ему сделали заманчивое предложение. Предложение было альтернативным: или он, в случае пролета с институтом, идет служить в армию, или уже сейчас, в случае прохождения медицинской комиссии, направляется в местный аэроклуб, где, без отрыва от производства, обучается летному мастерству с присвоением по окончании младшего офицерского звания. По выпученным Вовкиным глазам военком понял, что сразу тот ответить ему не сможет, поэтому сказал:

— Товарищ Малов, у Вас еще есть время подумать. Но думайте недолго, через неделю хотелось бы получить от Вас ответ.

Вернувшись в деревню, Вовка поделился известием со своими родственниками, и те задумались, как и не он. Выйдя из задумчивости, Пелагея Никитична произнесла:

— Сынок, летать на самолете — это так опасно.

На что дядька Федя возразил:

— Опасно везде, если без ума, а с умом, Вовка, даже очень хорошая перспектива.

На слове «перспектива» дядя Федя споткнулся, но потом продолжил:

— Вот, к примеру, институт может быть, а может не быть, а тут и от армии уйдешь и профессию летную получишь. Вот бы в мои молодые годы кто такое предложил.

Не буду пересказывать весь серьезный разговор, состоявшийся в избе Маловых, только после него Вовка принял окончательное решение учиться на пилота.

Если бы он поступал в авиационное училище, то из-за малого роста его вряд ли бы взяли. Проходя медицинскую комиссию в военкомате, при замере роста Вовка встал на цыпочки, но врач его осадил и сердито произнес:

— Да, с таким ростом в авиации делать нечего.

Он хотел еще что-то добавить, но брызнувшее из голубых Вовкиных глаз отчаянье врача остановило. А как тут не остановишься, если голубая мольба бьет тебе под самое сердце.

В общем, комиссию Вовка прошел и был зачислен в Ярославский авиационный центр.

По этому поводу во дворе у Маловых был накрыт стол, и почти вся деревня отмечала это важное событие.

Чтобы не мотаться из деревни в город и обратно, Вовка остановился в Ярославле у родной тетки и устроился грузчиком на полиграфическом комбинате. Раньше он даже и представить себе не мог, как делаются книги, которыми он пользовался в школе, а тут на вот тебе, книги шли в руки прямо тепленькими.

Теперь у Вовки был следующий распорядок дня: утром на работу, вечером три раза в неделю на теоретические заня-

тия в авиационный центр, а, если нет занятий, чтение новой книги или прогулка по набережной. Но этот распорядок сохранился только на первый месяц, а после, познакомившись с ребятами из своей группы обучения, Вовка стал посещать танцевальные площадки, на которых скучать не приходилось.

Ох, уж, эти ярославские девчонки, не то, что в деревне. Им палец в рот не клади. Девчонки-то хороши, да только при общении с ними, деревенский Вовка никак не мог избавиться от смущения и боязни. Новые Вовкины знакомые уже попробовали девчонок на вкус, а он все никак не мог решиться кого-нибудь обнять и поцеловать.

— Если сам не можешь, тогда мы поможем, — именно так рассудила одна из девчонок и, в один из вечеров, приступила к активным действиям. От ее страстных ласк у Вовки захватило дух, и он испустил его в считанные секунды. Такая скорострельность очень не понравилась страстной девчонки, и на следующую встречу она уже не пришла.

Вовка, конечно, расстроился, но долго страдать новые друзья ему не дали. Они постоянно приглашали его то на танцы, то на развеселые тусовки.

На одной из таких тусовок Вовка, нет, уже Володя, познакомился с симпатичной девушкой по имени Таня. Своими русыми волосами и голубыми глазами она очень походила на Володю, может быть, поэтому так сразу ему и понравилась. А вот характер у нее, не в пример Володиному, был заводной и компанейский. А разве такой характер даст заскучать? В общем, времени на чтение книг у Володи совсем не осталось.

— Да и черт с ними, с книгами-то. Пусть их дядя читает, — именно так подумал Володя и отложил их в долгий ящик.

Но они не только тусовались со сверстниками. Таня водила его на выставки и, как он ни упирался, затащила в краеведческий музей. Оказывается, Володя совсем не знал

своего края, но, после посещения музея, другими глазами взглянул на улицы, по которым ходил, на Волгу, в которой много раз купался.

Кстати о Волге. По весне он пригласил Таню на речную прогулку, и на теплоходе признался ей в любви. Его признание было воспринято Таней с показным спокойствием, но жаркий поцелуй говорил об ее радостном волнении.

А потом начались военные сборы, и Володя уехал в Карачиху, на аэроклубовский аэродром. После ознакомительных и учебных полетов на вертолете КА-15, он сделал свой первый самостоятельный вылет. Воспоминания об этом полете он пронес через всю свою жизнь. А как же не пронести, если тридцать минут полета были наполнены эмоциональным возбуждением, от которого сердце так и рвалось выскочить наружу. И когда Таня приехала к нему на свидание, он с нескрываемой радостью рассказал ей об этом. А Таня приезжала к нему на каждый выходной.

На второй год знакомства Володя привез Таню в деревню и познакомил ее с мамой и родственниками. По такому случаю был накрыт праздничный стол со спиртным и закусками, изготовленными умелыми руками Пелагеи Никитичны. Таня только пригубила вишневой настойки, а Володя осушил не одну стопку самогонки. Коварная самогонка сделала свое грязное дело, и Володю уложили на холодке, а Тане постелили в сестринской комнате. Проснувшись ночью, Володя поразмышлял о текущем моменте и пошел искать Таню, но бдительная Пелагея Никитична вернула его обратно в холодок. Наутро Таня высказала ему несколько нелицеприятных слов, от которых Володе даже расхотелось похмеляться. А к вечеру они собрались и уехали в город. Всю дорогу до города они ехали, думая каждый о своем. В какой-то момент Таня хотела прижаться к Володе, но что-то ее останавливало. А Володя молчал, чувствуя свою вину.

И даже светлый Ярославль, появившийся на горизонте, не смог поправить их настроение. Целую неделю они

не общались, но Володина настойчивость сделала свое дело. Таня согласилась на свидание, и общение продолжилось.

Заканчивался третий год обучения в авиационном центре, и ребята готовились к поездке на последний военно-авиационный сбор в город Вязники. А Вязники — это тебе не Карачиха за пазухой у Ярославля. Это Владимирская область, в которую не наездишься. Перед самым отъездом Таня пригласила Володю домой и познакомила со своими родителями. Отец Тани, Дмитрий Федорович, с распростертыми объятиями встретил Володю, а вот мать, Полина Сергеевна, долго к нему присматривалась. Но смотри — не смотри, а раз дочке он люб, ничего не поделаешь. И не беда, что он на полголовы ниже Тани.

За столом молодые признались, что хотят пожениться. Вот только сборы закончатся, так и в ЗАГС. Но не всегда сбывается то, что задумывается. Володю вызвали в военкомат и предложили закончить экстерном авиационное училище. Теперь он уже советовался с Таней и ее родителями. Дмитрий Федорович его поддержал, а вот Полина Сергеевна высказалась неопределенно:

— Не знаю, не знаю, а как же свадьба?

Да, со свадьбой пришлось поторопиться, и ЗАГС пошел им навстречу. Свадьба была не шумной, так как приглашены на нее были самые близкие с двух сторон, да несколько друзей. После свадьбы молодые целую неделю жили у Таниных родителей, а потом Володя отправился на учебу.

Переписывались они очень активно, за неделю получалось по четыре-пять писем, каждое из которых заканчивалось словами: «Люблю, целую и очень скучаю».

Через полтора месяца Таня сообщила ему о своей беременности, чему Володя очень обрадовался. А еще через семь месяцев у них родился сын, и это известие он обмыл со своими однокурсниками. За такое обмывание его чуть не выгнали из училища, но стране требовались военные летчики, и Володю оставили.

Через два месяца после рождения сына Володя вернулся домой в новой лейтенантской форме. Форма ему очень шла, особенно фуражка, которая выровняла его с Таней.

Маленький Димка встретил его звонким плачем, от которого у Володи шевельнулись на голове волосы, и он подумал, что воспитать ребенка — не фунт изюму съесть. Пока он так думал, отпуск и кончился.

Всей семьей они прибыли в распоряжение командира вертолетного полка и началось. Теоретические занятия сменялись занятиями «пеший по летному», потом работа на тренажерах и, наконец, ввод в строй: «Лейтенант Малов к полету на вертолете МИ-8 готов». Но недолго пролетал на вертолете лейтенант Малов. На второй месяц боевых действий в Афганистане его вертолет был сбит моджахедами, а сам Володя погиб смертью храбрых. Неужели расчет, действительно, окончен?

Нет и еще раз нет. Димка, а теперь уже полковник Дмитрий Владимирович Малов, продолжает дело отца, и расчет еще долго не будет окончен, потому что маловский корень крепок любовью к Родине и верой в необходимость служению Отчизне.

САШУЛЬКИНЫ БАБУШКИ

С этой милой девчонкой я познакомился через ее маму, с которой встречался последние пять лет. Сначала она не произвела на меня никакого впечатления, но непродолжительное общение с Сашулькой позволило увидеть в ней очень чуткого и открытого человечка. Ее чистый взгляд излучал неподдельную радость, от которой невозможно было оторваться, а душа хотела петь. А так как в последнее время я чаще встречался с холодными взглядами окружающих меня людей, то Сашулькина открытость и искренность очень впечатлили меня. Именно поэтому я захотел стать ее другом. Как мне показалось, Сашулька приняла мою дружбу.

А теперь позвольте перейти к знакомству с ее бабушками.

И первой из них была Любовь Борисовна, бабушка по материнской линии.

Знакомство с Любовью Борисовной было скреплено соответствующим тостом во время празднования Дня рождения ее дочери. С той поры мы стали периодически общаться, и это общение почему-то вызывало двойственные ощущения. С одной стороны, Любовь Борисовна казалась гостеприимной и хлебосольной хозяйкой, а с другой — женщиной с крутым нравом. В трезвом виде ее крутой нрав сильно не проявлялся, но под действием спиртного претензии сыпались из нее, как из рога изобилия. Она постоянно находила повод к чему-нибудь придаться. И частенько таким поводом оказывалось Сашулькино поведение. То она

ничего не хочет делать, то, если и делает, то все не так, то есть черт знает что, то... В общем, таких «то» я мог бы перечислять до бесконечности.

Естественно, такие, по большей части, необоснованные придирки не могли положительным образом повлиять на их взаимоотношения. Точнее, именно при виде Любви Борисовна затухала радость в Сашулькиных глазах, и она замыкалась в себе. А от этого у нее пропадал всякий аппетит на бабушкины деликатесы, что еще больше раздражало Любовь Борисовну. В какой-то степени, это раздражение можно было объяснить тем, что слишком рано она осталась без мужа, а одиночество, сами понимаете, не способствует расцвету радужных настроений.

Встречи с бабушкой по отцовской линии мы с Сашулькиной мамой ждали с особым волнением. Точнее, волнение Сашулькиной мамы как-то уж очень быстро перекинулось и на меня.

И вот наступил Сашулькин День рождения, на котором и произошла эта встреча. Мы уже сидели за праздничным столом, когда раздался звонок, и в комнате появилась женщина по внешнему виду необласканная годами. Палочка в ее правой руке подчеркивала эту самую необласканность. Но держалась она с каким-то простым человеческим достоинством, флюиды которого только усиливали мое волнение.

Поздравив Сашульку, она села за стол, и Сашулькина мама представила ее нам:

— Знакомьтесь, это баба Вера, мама моего мужа и моя мама.

Причем, представляя ее, она волновалась не меньше, чем я.

И так получилось, что за столом мы сидели напротив друг друга. Я неоднократно ловил на себе цепкий, изучающий взгляд бабы Веры. И в какой-то момент мне показалось, что взгляд этой мудрой женщины стал теплеть, хотя внешне этой теплоты можно было и не заметить.

А еще, сидя за столом, я уловил с каким вниманием и теплотой смотрит на бабу Веру Сашулька. Этот взгляд показался мне неким символом единения бабушки и внучки.

Посидев не более двух часов, баба Вера заторопилась домой, объяснив это кучей дел, которые ждали ее дома. Прощаясь, она о чем-то пошептала с Сашулькиной мамой. Сашулька вместе с молодым человеком изъявили желание ее проводить.

С уходом бабы Веры волнительная скукоженность освободила мое тело, и я немного расслабился. По глазам Сашулькиной мамы я понял, что она тоже сбросила с плеч назойливый груз волнения.

Празднование было продолжено, и между тостами еще долго звучало имя бабы Веры.

Даже придя домой, мы с Сашулькиной мамой вернулись к теме бабы Веры, и вот, что я от нее услышал:

— В своей жизни бабе Вере пришлось многое испытать — и голодное довоенное детство, и порожденные войной кошмары, и побои вечно хмельного мужа, от которого помощи было не дожидаться. Ей одной пришлось строить дом и ставить на ноги двух сыновей. А еще изнурительная работа в колхозе и вечные думы о хлебе насущном.

Ранняя смерть мужа не улучшила ее жизнь. Да и может ли чья-то смерть что-то улучшить. Пусть даже пьющий, но он был близким ей человеком.

Не успела зарубцоваться рана от потери мужа, как новое горе навалилось на нее. Она потеряла одного из своих сыновей, Сашулькиного папу. Его зверски убили какие-то подонки. Эта смерть еще больше посеребрила бабы Верину голову и прибавила морщин на ее лице. К сожалению, второй сын ничем не отличался от своего отца. Как и отец, он частенько напивался и в пьяном виде изгалялся над своей матерью. Неоднократные обращения соседей в милицию не могли повлиять на пьяного дебошира. И в силу милицейского рав-

нодушая, и по причине того, что баба Вера каждый раз прощала его.

Но, несмотря на испытания, навалившиеся на нее, она не потеряла чувства юмора. Частенько во взгляде бабы Веры можно было разглядеть очаровательную хитринку, которая высвечивала ее желание приколоться или рассказать какую-нибудь поучительную историю. Прибауток в ее багаже было на все случаи жизни.

Перед самым сном Сашулькина мама спросила меня:

— А ты хочешь знать, о чем мы шушукались с бабой Верой?

Я внимательно посмотрел на Сашулькину маму и произнес:

— Знаешь, милая, это ваши секреты, и они меня не касаются.

— Касаются, еще как касаются, — хитро улыбнувшись, сказала Сашулькина мама.

— И каким боком они меня касаются, — с удивлением спросил я.

— А таким, что баба Вера мне сказала на ушко — смотри, девка, не упusti этого мужика, я тебе не прощу такого расточительства.

Ах, баба Вера, баба Вера, если бы в данный момент ты была рядом, я б упал перед тобой на колени и попросил благословения. А еще я бы обнял тебя по-сыновьи искренне и нежно.

Вот так я познакомился с Сашулькиными бабушками, и каждой из них я на День рождения сочинил по посвящению. Если бы вы видели, как они обрадовались таким подаркам.

Сашулька периодически навещала бабушек и общалась с ними.

Недавно я, Сашулька и ее муж душевно посидели за чашечкой кофе в одном из кафе. А за чашечкой кофе людям хочется открытого общения, которое вывело нас на такой разговор.

— Георгий Витальевич, я вчера ходила в гости к бабе Вере, и она рассказала мне много интересного.

— Да, — согласился я с ней, — баба Вера незаурядная рассказчица.

— Вы знаете, вот та бабушка живет ближе, а я без особого желания иду к ней, а бабу Веру с удовольствием навещаю и всегда ухожу от нее в хорошем настроении. Меня так к ней и тянет.

— А я еще в День твоего рождения заметил эту тягу, — произнес я.

— Заметили, неужели это так заметно?

— Я понял это по твоему теплему взгляду, которым ты обнимала бабу Веру. Не каждый может уловить этот взгляд, а я смог.

— Да, я, действительно, ее очень люблю. Она для меня, как большой источник света.

— Как хорошо ты сказала, пожалуй, лучше и не скажешь.

И тут меня осенило, а ведь с момента знакомства с этой мудрой женщиной я тоже попал под ее световой источник. И что не случайно бабу Веру зовут именно так, а не по имени отчеству. Называя ее так, мы тем самым соглашаемся быть бабы Вериными внуками или внучками. И я уверен, что она чувствует это. Именно поэтому общение с ней доставляет людям большое удовольствие.

А вот назвать Любовь Борисовну бабой Любой мне и в голову как-то не приходило.

И совсем не случайно, именно бабе Вере я посвятил настоящее стихотворение, достойное любого поэтического сборника, а посвящение Любви Борисовне писалось в легкой частушечной манере, предназначенной только для семейного прослушивания.

Хотя написание посвящений было естественным и непринужденным процессом без особых размышлений о формах их подачи.

Но всего этого я не сказал Сашулке и ее мужу.

СОСУЛЬКА

На крыше одного из домов, расположенных на центральной улице города Шалопаяевска, как-то уж очень незаметно выросла сосулька. Местный дворник, обративший на нее внимание, пробубнил себе под нос: «Эка невидаль, мы и не такие сосульки видывали. Вот вырастет, тогда и разберемся».

А на следующий день вслед за первой сосулькой появилась дюжина других. Причем некоторые из них росли даже быстрее, чем первая.

— Вот, окайные, растут, как на дрожжах, — задрал голову, возмутился не протрезвевший дворник. Его задранная голова закружилась, и он чуть было не упал в свеженький сугроб. Первая сосулька с неподдельным интересом наблюдала за поведением дворника. Он ей сразу не понравился.

— Вечно не бритый и злой, — думала она, — а еще вредный. Только и знает, что грозит малышам лопатой.

Но дворник лопатой не только грозил, но использовал ее по прямому назначению. От его согретого алкоголем усердия все-таки появлялись возле дома большие сугробы. Уцепившись за козырек крыши, сосулька с интересом разглядывала территорию двора. В центре двора размещалась детская площадка, которая по вечерам окружалась разномастными автомобилями жильцов. Симпатичные малолитражки суетливо жались к неуклюжим внедорожникам, а те, в свою очередь, высокомерно посматривали на остальную автомобильную братию.

Автомобили сосульке тоже не нравились. Да и было за что их не любить. По ночам некоторые из них ни с того, ни с сего начинали кричать на разные голоса. Маленькие только повизгивали, а уж джипы надрывались на полную катушку. От их надрывных воплей мурашки пробегали по всей длине сосульки. Она мелко вздрагивала и еще сильнее цеплялась за карниз крыши.

А утром, когда основная масса жильцов спала, автомобилисты выходили к своим металлическим коням и начинали их разогревать. Мало того, что от рева машин сосулька начинала вздрагивать, так еще препротивные выхлопные газы так и лезли в ее остроносый кончик. Как не хватало ей свежего воздуха в такие минуты. Она вдыхала полной грудью только тогда, когда последняя машина уезжала со двора.

— Фу ты, ну и достали вы меня, — грозила она вслед машинам.

Зато светлым днем она любовалась игрой малышей. Те из них, которые не попали в детские сады, резвились на детской площадке под приглядом бабушек и мам.

Сосульке и самой хотелось покататься с горки или поиграть в снежки, но она боялась оторваться от козырька. Уж больно страшно лететь с такой высоты.

А еще сосульке нравилось смотреть на стройную елку, которая по вечерам светилась разноцветными огням. В это время возле елки собирался и стар, и млад. Молодежь баловалась пиротехникой, а старички с умилением смотрели на реакцию малышей. Правда, некоторые сосульки не выдерживали сильной канонады и сваливались с крыши на землю. Печальным взглядом наша сосулька наблюдала за падением подруг. Она понимала, что совсем скоро ей тоже придется разбиться о землю.

И такой день наступил. Проснулась сосулька в хорошем расположении духа, но не протрезвевший дворник испортил ее радужное настроение. Орудую лопатой, он во всеуслыша-

ние ругал падающий снег и «треклятые» машины, которые заполонили весь двор.

Услышав ругань, сосулька так разозлилась, что сорвалась с крыши и полетела вниз, прямо на дворника. В самый последний момент какая-то сила отвернула сосульку, и вместо дворника она упала на крышу крутого джипа. Крутой джип так заревел, что проснулись даже глуховатые жители дома. Одни ехидно посмеивались над разводившим руками хозяином джипа, другие с опаской посматривали на крышу, торопясь завести свои заснеженные автомобили.

Разбившуюся сосульку никто так и не пожалел.

СТРАННЫЙ КУРСАНТ

Люблю я ездить к своему другу на дачу. Во-первых, свежим воздухом подышать, во-вторых, выпить чутка с хорошим человеком а, в-третьих, послушать его нескончаемые рассказы о житье-бытье. Вот и в этот раз, уже после первой стопки, когда его сосед по даче упомянул о Вольфе Мессинге, мой друг вспомнил о странном курсанте, который учился вместе с ним в авиационном училище:

— Что Мессинг, — сказал он, — вот у нас в училище учился Левка Пурец, так тот похлеще Мессинга был. Пришел он к нам в училище в двадцать три года, проучившись до этого около двух лет на техника по авиационному оборудованию. Поговаривали, что до авиационно-технического училища он еще где-то обучался.

Отец у него был известным иллюзионистом, и маленький Левка с детства находился в атмосфере фокусов и иллюзиона. Мало того, что он с неподдельным интересом наблюдал за отцом, но и с большим желанием старался перенять у него навыки фокусника-иллюзиониста. К пятнадцати годам он уже выступал с отцом на одном манеже. И если отец промышлял больше фокусами, то Левка устраивал настоящие спектакли с угадыванием мыслей зрителей, с нахождением пропавших предметов и т. п.

Вот и в училище весть о странном курсанте бежала впереди самого Левки. Всем хотелось посмотреть на его фокусы и приобщиться к высокому искусству. С игральными карта-

ми Левка вытворял черт те что. На глазах у курсантов он ловко их тасовал, прятал в одном месте, а доставал в другом, угадывал карты, которые отмечали окружающие. Да и с другими предметами он также искусно управлялся. Вдруг у кого-то из кармана пропадала ручка, и находилась она в кармане другого.

А однажды он сделал, казалось, совсем невозможное. Будучи дежурным по штабу, он был вызван в кабинет начальника училища, где, кроме самого хозяина, находились начальник учебной части и начальник политотдела.

— Курсант Пурец, — обратился к нему начальник училища, — чтобы через десять минут моя машина стояла у штаба.

— Есть, товарищ генерал, — по-военному четко ответил Левка, и уже просительно, — а не подскажите, сколько сейчас времени?

Генерал посмотрел на руку, но часов на руке не оказалось. Он с недоумением осмотрел окружающих, но ни начальник политотдела, ни начальник учебной части не обнаружили на своих руках часов.

И тогда генерал посмотрел на Левку.

Левка вытянулся и произнес:

— Товарищ генерал, загляните в сейф. По-моему, совсем недавно вы их туда положили. Когда генерал открыл ключом сейф, то обнаружил в нем три пары часов.

Удивление долго не сходило с командирских лиц, а когда все же сошло, генерал рывкнул:

— Это твои проделки, курсант Пурец?

— Никак нет, товарищ генерал, — щелкнув каблуками, произнес Левка.

— Знаю я тебя, шельмеца, — погрозил указующим пальцем генерал, но Левку отпустил.

Для курсантов Левка делал всякую мелочь. То кто-нибудь из них попросит узнать имя понравившейся девушки, а то и мысли ее прочитает.

Прижав девушку в танце, Левка, без всякого общения, узнавал о девушке столько, что ни один из курсантов не узнал бы о ней и после длительного разговора.

Правда, компрометирующие девушку данные Левка старался не выдавать. А зачем, мало ли что по молодости натворишь.

Иногда Левку так доставали, что он на спор обещал сделать невероятные вещи. Однажды, наслушавшись курсантских сомнений, он произнес:

— Хорошо, вот сейчас я выйду из аудитории, а вы придумайте мне самое трудное задание.

Когда Левка вышел, мы начали выдумывать для него наитруднейшее задание. В конце концов, оно выглядело так.

Левка должен был найти иголку в фуражке одного из нас, потом выбрать из стопки книгу, найти в этой книге нужную строку на отмеченной нами странице и проткнуть иголкой одну из букв О этой страницы.

Мы уже заранее потирали руки в предвкушение своей победы, а на кону стояли три кружки пива, которые Левка должен был поставить нам в случае своего поражения.

В случае нашего проигрыша, мы Левке должны были купить большой торт. Пурец был известным сладкоежкой.

И вот Левка вошел в аудиторию, внимательно осмотрелся, потом взял за руку одного из нас и приказал:

— Думай, Антон, напряги свои мысли и думай в той последовательности, в которой я должен выполнить ваше задание.

При этом лицо его напряглось, даже не напряглось, а безобразно деформировалось. Такую деформацию лица летчика мы могли наблюдать при переходе самолета на сверхзвуковую скорость. Видать в этот момент Левка тоже испытывал колоссальные перегрузки. И вот в таком напряжении он выполнил все наше задание. При этом замешкался Левка всего один раз, когда выбирал на строке нужную букву О.

Да, после этого случая мы стали с большим уважением относиться к Левке. А кто уважения не проявлял, расплачивался за это определенным наказанием. Такое наказание испытал и я, когда в туалете обозвал Левку недоделанным фокусником. После этого я целый час оставался в туалете, так как не мог убрать в ширинку свой свисающий член. Руки не хотели слушаться меня. Не знаю, сколько бы я еще мучился, если бы не курсанты, которые упросили Левку отменить наказание.

Вот такой вот у нас был курсант.

Мы, конечно, от души посмеялись над последним случаем, после чего я спросил:

— А после учебы в училище ты с ним когда-нибудь встречался?

— Встречался пару раз, — ответил друг, — один раз видел его майором в одном из гарнизонов, а в другой раз подполковником на авиационной базе, но о месте службы он отвечал мне очень уклончиво. Думаю, что Левкина служба была связана с его способностями иллюзиониста. Я даже в этом уверен.

ТИХОНОВНА

Целых двадцать пять лет после окончания института отработала в НИИ «Открывашки» Екатерина Тихоновна Воробьева. Пришла она в это самое НИИ Катенькой Воробушкой, а уходить из института пришлось просто Тихоновной.

С наступлением перестройки исследования в области открывашек пришлось прекратить за невостребованностью этих самых приспособлений. А невостребованность возникла, во-первых, потому, что человечество научилось открывать бутылки без специальных приспособлений, а, во-вторых, потому что на долгие исследования денег выделять перестали.

То ли дело раньше, сидишь себе в лаборатории, крутишь в задумчивости перед собой какую-нибудь фиговину, и никто тебя не тревожит. Наоборот, товарищи по работе даже шикают на нерадивых, пытающихся помешать мыслительной деятельности задумавшегося специалиста.

Он может месяц сидеть в задумчивости, а может и целый год. Благо, что его не волнуют вопросы о зарплате и отпуске.

И ничего, что зарплата никудышная, зато два раза в месяц вынь, да полож.

Именно так думали некоторые специалисты НИИ, покидавшие монументальное здание института с трудовыми книжками в руках.

Но Тихоновна думала совершенно по-другому. Тихоновне было ужасно обидно за то, что ее, проработавшую чет-

верть века на одном месте, выпроводили из института за профессиональной ненадобностью.

Вот тебе Тихоновна и горбачевский день, то есть перестройка.

Пришла Тихоновна домой, взгрустнула малость, но на следующий день решила все-таки попытать счастье в других организациях.

За месяц она истоптала ноги по самое некуда, но в одних фирмах ей вежливо говорили о том, что в специалистах недостатка нет, в других организациях, криво усмехались и заявляли напрямую, что была бы помоложе, тогда ..., а в третьих конторах просто захлопывали перед ее носом дверь.

От такого обхождения здоровье Тихоновны совсем подорвалось, и стала она походить на выжатый лимон.

Некоторые соседи с трудом узнавали в высохшей женщине прежнюю хохотушку Тихоновну.

Уединившись в небольшой комнатке, Тихоновна пожалела о том, что в свое время не послушалась знакомую и не пошла на курсы кройки и шитья.

— Глядишь, сейчас и пригодилось бы ремесло, — подумала про себя Тихоновна.

Еще немного погоревав, она все-таки взбодрилась и задала себе интересный вопрос с продолжением:

— А не заняться ли мне выпечкой пирожков?

Этот вопрос ее настолько вдохновил, что, не отвечая на него, она принялась за стряпню.

Уже к полудню напекла Тихоновна для продажи два десятка пирожков: десяток с капустой и десяток с картошкой.

Встала она с этими пирожками на оживленном месте, но не успела раскрыть рот, как подвалили к ней два здоровенных амбала.

— Чего это ты тут расселась, старая? — сердито спросил один из них.

— Какая я тебе старая, — подняв на него глаза, возмутилась Тихоновна.

— Ах, ты еще и возмущаться, — прохрипел другой, — так мы тебя сейчас враз вынесем отсюда.

Грозная речь амбала совсем расстроила Тихоновну. Она поняла, что с этими толстолобыми шутить никак нельзя.

Подняв корзинку с пирогами, она засеменила восвояси, но один из амбалов вырвал из ее рук корзинку и пригрозил:

— Еще раз придешь, на лекарства зарабатывать замучаешься.

Вернулась домой Тихоновна мало того, что ни с чем, так еще и в прескверном настроении. Хорошо, что три подгорелых пирожка оставались на противне. Попив чаю с пирожками, Тихоновна опять задумалась, и привели ее мысли в царствие божие.

И в этом царствие какой-то симпатичный дядечка с бородкой манит ее своими перстами и что-то приговаривает.

Но как Тихоновна ни прислушивалась, слов разобрать она так и не смогла.

Устав напрягаться, она отмахнулась от видения и покоммунистически произнесла:

— Негоже мне, атеистке, к богу обращаться, помирать буду, а богу не поклонюсь.

Ночью ей опять привиделся странный дядечка с бородкой, но на этот раз Тихоновна разобрала произносимые им слова:

— Приди, раба божия, в лоно церкви, покайся, и высохнут твои слезы, и благословит тебя боже на дела великие.

— А чего это я каяться-то должна, — во сне пробубнила Тихоновна, — вроде бы, не грешная я. Работала честно, людей не обижала

— Все перед богом грешны, Тихоновна, — перебил ее дядечка с бородкой, — послушай меня, усмири свою гордыню, обернись лицом к церкви.

— Да не хочу я.....

— Не гневи господя, — перебил ее дядечка, — не торопись с ответом. Подумай о будущем, чтобы не сгореть потом в геене огненной.

Промолвил дядечка это, да и растворился во тьме ночной.

А Тихоновна так и проворочалась в раздумьях до самого утра. Все бы ничего, но сгореть в чем-то огненном Тихоновна совсем не хотела.

И, чтобы не сгореть, принарядилась Тихоновна во все чистое, шляпку старую из сундука вынула, да и засеменила ни свет, ни заря в близлежащую церковь.

Придя в церковь, она по неопытности свечечек поставила и за упокой, и за здравие. Присмотревшись к людям, приновилась поклоны бить, да креститься упоенно.

После таких процедур вышла Тихоновна из церкви вся просветленная и пропотевшая от перенапряжения.

Чтобы вытереть со лба пот, сняла она шляпку и положила ее на парапет церковной ограды. Только стала вытирать лоб, а проходивший мимо человек сунул ей в шляпку целую пятидесятку.

Первым желанием Тихоновны было окликнуть человека, но пока она собиралась, в ее шляпку женщина положила мятую десятку.

Через два часа шляпка была заполнена мятыми купюрами и не только российскими, но и заморскими. Иностранцы-то, оказывается, тоже щедры на подаяния.

Тихоновна спешно убрала купюры в карман сарафана и принялась неистово креститься, благодаря бога за такие подношения. И чем неистовей она крестилась, тем большее количество желающих хотело положить в ее шляпку какую-нибудь денежку.

Тихоновна забыла и про обед, и про ужин, и помнила только о том, кто услышал ее молитвы и благословил на такую благодать.

После вечерни подпортили настроение бомжи, которые постоянно крутились возле Тихоновны, но они, слава богу, попросили немного.

Придя домой, Тихоновна вытащила из карманов цветастого сарафана мятые купюры и принялась считать приваливший гонорар.

Она считала их с таким упоением, что позабыла про все на свете.

Но давайте не будем ей мешать. Все-таки, негоже считать деньги в чужих карманах.

С легким сердцем мы можем оставить ее, понимая, что теперь Тихоновна не пропадет.

Она нашла свое новое предназначение, и бог ей судья.

УРОК СТОЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Жил себе Петр в своем Запедрищевске и горя не знал, но сманил его черт с насиженного места. Точнее, не черт, а приехавший к соседу Алехе дальний родственник. Внешний вид родственника особого доверия не вызывал в силу одутловатости его лица. И одутловатость эта была не следствием какой-либо болезни или витаминной насыщенности, а по причине вчерашнего злоупотребления спиртосодержащим.

Этот вид заставил Петра немного насторожиться, но задушевная речь родственника, да за бутылкой не какой-нибудь местной косорыловки, а настоящего шотландского виски, произвела на Петра неизгладимое впечатление, и он как-то сразу расслабился.

Нет, расслабился он, конечно, не сразу, а только после третьей порции.

Скажу по секрету, что в настоящности виски я бы посомневался, но при сем не присутствовал и за руку не ловил.

Итак, за столом сидела уже подвыпившая троица и рассуждала о превратностях судьбы.

— Да, — гундосил Алеха, — завидую я тебе, Михаил. Живешь ты в столице, как у Христа за пазухой.

— Не просто в столице, а в северной столице, — поправил его Михаил.

— Да один хер, все равно столица, — пробубнил Алеха, — лучше Расскажи-ка нам, а чем ты занимаешься в этой самой северной.

Михаил, по праву хозяина привезенного виски, разлил по стаканам и предложил:

— А давайте сначала выпьем за красивую жизнь.

Алеха с Петром переглянулись, но перечить не стали — за красивую жизнь, так за красивую жизнь.

— Вот теперь можно и рассказать, — опустошив стакан, сказал Михаил и начал свое повествование:

— Живу я в Питере совсем неплохо, даже можно сказать, хорошо. Про таких, как я говорят, что они сыром в масле катаются. Я, можно сказать, сам себе хозяин, захотел, на работу пошел, захотел, к бабе завалился.

— Это что же за работа такая, — удивился Алеха.

— А вот раскрывать всех особенностей моей работы я тебе не обязан, — повысил голос Михаил, — это, можно сказать, производственная тайна.

— Видал, Петр, производственная тайна, — подмигнул Алеха Петру.

На что Петр мотнул своей нестриженной головой.

Михаил налил по второй, и наша троица дружно опустошила стаканы.

— Кое-что я вам, конечно, скажу, но только между нами, — продолжил разговор Михаил.

В знак согласия Алеха с Петром кивнули головами и распустили свои локаторы.

— Есть у нас в центре солидный офис, в котором мы, можно сказать, принимаем наших клиентов. Иногда, если этого требуют обстоятельства, мы сами их навещаем. Культурно с ними разговариваем и приходим к консен... — на этом слове Михаил споткнулся, — ну, в общем, к согласию. Работа не пыльная, но прибыльная.

Алеха с Петром прикрыли ранее открытые рты, немного помолчали, а затем Петр задал свой вопрос:

— И что тут секретного?

— А то и секретно, что клиентов я, можно сказать, раскрывать не могу, — разгорячился Михаил и, не дожидаясь

следующего вопроса, налил по третьей.

Присутствующие выпили по третьей, немного закусили, и Алеха произнес:

— Что-то от заморского питья ни в жопе, ни в голове. Давайте-ка лучше нашенскую.

Сказав это, он достал из холодильника бутылку местной водки и поставил ее на стол.

Порция местной водки развязала мужицкие языки и ударила по темечкам. Причем, мужицкие языки не столько развязались, сколько начали заплетаться.

— Да у меня знаете, сколько клиентов, — расхрабрившись, продолжил Михаил, — не один десяток. И все отстегивают мне по полной.

— А за что это они тебе от.. отстегивают, — икая, спросил Алеха.

— А за то, что они, можно сказать, вот где у меня, — говоря это, Михаил повертел перед Алехиным носом своим кулаком.

А так, как кулак до сих пор является весомым аргументом, то Алеха с Петром поверили Михаилу на слово.

— Так что, братва, в Питере жить можно, — подытожил Михаил.

Не буду пересказывать остальных прелестей столичной жизни, о которых поведал запедрищевцам Михаил, но они произвели на них неизгладимое впечатление.

По праву хозяина Алеха разлил по стаканам и предложил:

— А давайте выпьем на посошок за то, чтоб хотелось и моглось.

Ну, кто ж от такого тоста откажется. Хором выпили и хором закусили.

После задушевной беседы Петр долго не мог уснуть. Перед его глазами вставали многоэтажные здания, в которых располагались солидные офисы. Возле этих зданий суетились солидные люди, и кучковались дорогие автомобили.

А ночью ему приснилась белокурая Жази, которая манила его своими прелестями. Именно эта белокурая бестия сподвигла Петра на окончательное решение.

Утром он зашел в магазин, взял бутылку водки и завалялся к Алехе.

Михаил еще нежился в выдавшем виды постельном белье, а Алеха жарил на кухне картошку.

Поставив купленную бутылку на стол, Петр произнес:

— Пора водку пьянствовать, а вы еще прохладаетесь.

Увидев бутылку, Михаил вскочил с дивана и направился в туалет.

Через несколько минут наша троица уже закусывала первый стопарь жареной картошкой с квашеной капустой.

А под стопаря и поговорить не грех.

— Слушай, Михаил, уж больно красочно ты вчера о столичной жизни рассказывал, — начал Петр, — так и хочется ее испробовать.

Михаил сделал вид, что не расслышал данное высказывание и предложил:

— А налей-ка ты, Алеха, по второй, а то что-то в горле запершило.

Алеху на разлив долго уговаривать не пришлось, стопки в момент наполнились местной косорыловкой.

А там опять бульк, чавк; чавк, чавк.

Правда, продолжая закусывать, Петр не оставлял желания разговорить Михаила:

— Слышь, Михаил, возьми меня с собой в эту самую столицу.

— А чего это ты там забыл, — прикинувшись лузером, спросил Михаил.

— Да, ничего я там не забыл, но хочется попытать счастья, — ответил Петр.

— А что, здесь не фартит?

— Да, причем здесь фартит — не фартит, — возмутился Петр, — просто красивой жизни хочется, а здесь одна хрень.

— А ты думаешь, там для всех сахар, — продолжал упираться Михаил, — там тоже корячиться надо.

— Знаешь, корячиться я не боюсь, лишь бы было за что, — повысил голос Петр.

— Михаил, а, может, возьмешь с собой Петьку, — вступил в разговор Алеха.

— Да я бы взял, но видишь, какой он горячий. Наломает дров, а мне отвечай.

— А чего это я наломаю, — еще больше возмутился Петр.

— Будь спок, я Петьку с малых лет знаю, — поддержал его Алеха, — он не подведет.

— Ну, если ты гарантируешь, тогда возьму его с собой, — и, обращаясь к Петру, — завтра я уезжаю, так что готовься.

— Тогда за это и выпьем, — предложил Алеха, разливая содержимое бутылки.

Так начинала сбываться зародившаяся мечта одного из запедрищенцев.

Прощавшись с друзьями, Петр пошел собираться к отъезду.

А через день он вместе с Михаилом прибыл в стольный град Санкт-Петербург.

Голова потрескивала от выпитого в дороге спиртного, но выход на площадь Восстания ошеломил Петра.

— Это ж надо, какая красотища, — подумал он и раззявил рот.

Но Михаил не дал ему налюбоваться по полной:

— Успеешь еще с Питером познакомиться, а сейчас в метро.

На метро они добрались до района, где Михаил снимал однокомнатную квартиру. Обстановка квартиры немного разочаровала Петра, но приятное возбуждение все же перебило данное разочарование.

— И давно ты здесь живешь, — спросил он.

— Недавно, — сердито ответил Михаил, — раньше я на другой квартире жил.

— А почему переехал, — задал новый вопрос Петр.

— Много будешь знать, скоро свихнешься, — еще сердитее произнес Михаил.

От таких слов приятность стала покидать возбуждение, и на смену ей начала подселяться растерянность.

— Да, — подумал Петр, — а как красиво рассказывал.

Но вслух ничего не сказал.

Даже не предложив ему чаю, Михаил плюхнулся на диван и сказал:

— Возьми в шкафу матрас с постельным бельем и постели себе на полу. Завтра рано вставать.

Петр так и сделал, но сразу ложиться не стал. Пройдя на кухню, он вскипятил чайник, нашел початую пачку заварки и, не спеша, попил чаю.

Неугомонная растерянность все больше терроризировала его, но он пытался ее заглушить мыслями о завтрашней встрече с Михайловым шефом. Только под утро он смог провалиться в глубокий сон, из которого его вывел Михаил:

— Вставай, храпунец, на работу пора.

Наскоро перекусив, они поехали к Михаилу на работу, но шефа на месте не оказалось.

— Ну, что, — обратился к Петру Михаил, — хочешь, по городу прошвырнись, хочешь, со мной потусуйся.

Петр ненадолго задумался, потом произнес:

— По городу я еще не готов, вот если с тобой.

— Тогда побудь здесь, а я пойду к бригадиру.

Через несколько минут Михаил вернулся и сообщил о том, что его бригада срочно выезжает на задание.

На задание, так на задание. Вместе с другими членами бригады Петр запрыгнул в микроавтобус, и машина помчалась по питерским улицам. Через тридцать минут микроавтобус остановился возле двухэтажного здания, над входной дверью которого красовался рекламный баннер. На баннере было крупно написано название компании — Похоронка и, шрифтом помельче, слоган «Все там будем». Судя

по названию, компания занималась чисто похоронными услугами.

И, конечно же, Петр не знал, что похоронный бизнес до сих пор еще не поделен между конкурирующими фирмами, и за кладбищенские объекты в городе разыгралась нешуточная междоусобная война.

Одним из участников данной войны и была компания Похоронка — основной конкурент фирмы, в которой работал Михаил.

Прямой целью сегодняшнего визита в данную компанию было последнее предупреждение, после которого должен был последовать вооруженный наезд. Хозяева компании были не довольны целью данного визита, поэтому, после крикливого возмущения, пошли в рукопашную, во время которой досталось и Петру. С разбитым носом и солидным бланшем под левым глазом Петр выскочил на улицу, но микроавтобус с Михаилом и его подельниками уже уехал от офиса конкурентов.

За Петром выскочил один из сотрудников компании и, пригрозив тому пистолетом, прорычал:

— Если еще раз увижу, замочу.

Петр пригнулся и пустился что есть мочи бежать. Пробежав метро двести, он оглянулся и, убедившись, что за ним никто не бежит, сбавил темп.

Увидев забегаловку, он вошел в нее и заказал себе двести грамм водки и кружку пива. Только сочетание этих двух компонентов могло избавить Петра от захватившего его стресса.

— Ничего себе работенка, — подумал он, немного успокоившись, — на хрен мне такая работа. В это время к нему подошел какой-то забулдыга и, сев за столик, представился:

— Сергей Петрович собственной персоной.

Петр посмотрел на забулдыгу и нервно спросил:

— Чего надо?

— Я вижу у тебя неприятности, поэтому хочу поддержать, — заявил забулдыга.

— А я не нуждаюсь ни в какой поддержке, — быстро допив водку, произнес Петр.

— Это тебе только кажется, что не нуждаешься, — сказал забулдыга, — с таким синяком человек даже очень нуждается в поддержке.

Петр понял, что от домогания забулдыги просто так не избавиться, поэтому допил пиво и покинул забегаловку.

— Нет, — подумал он, выйдя на улицу, — питерская жизнь мне не по нутру. В моем Запедрищевске как-то спокойней. А тут того и гляди зашибут.

Подумав так, он поспешил на вокзал, чтобы уехать из стольного града к себе в Запедрищевск. Отъезжая от Петербурга, он навсегда выбросил из головы желание окунуться в столь привлекательную стольную жизнь.

ФЛАМЕНКО ЛЮБВИ

ВСТРЕЧА С ИСПАНИЕЙ

Самолет авиакомпании «Россия» оторвался от полосы и, не спеша, начал набирать высоту. Мы с Леной переглянулись, и первый поцелуй надолго отвлек нас от прелестей взлета. Именно так, через поцелуй мы хотели передать друг другу то стремление быть вместе, которое не покидало наши сознания уже целый месяц. А месяц тому назад мы приняли бесповоротное решение по поводу долгожданного отдыха в Испании.

Как прекрасен был этот первый воздушный поцелуй. Воздушный не в прямом его смысле, а в том, что целовались мы на высоте.

Счастье, которое струилось при этом из Лениных глаз, возбуждало меня, отчего мои глаза светились не меньшим счастьем. Да и как не светиться, если рядом со мной сидела любимая женщина, женщина, ради которой я был готов на любое сумасшествие.

Продолжительность полета для нас измерялась не в часах и минутах, а в количестве поцелуев, которыми мы осыпали друг друга. И не беда, что, набрав высоту, мы сбились со счета и потеряли ориентацию. Когда за штурвалом самолета опытный летчик, это совсем не опасно.

Аплодисменты, которыми сопровождалась мягкая посадка, в прямом и в переносном смысле вернули нас

на грешную землю. Мы поймали на себе несколько взглядов, и невольно смутились, потому что некоторые из них выражали явную недоброжелательность. Ну, да бог с ними, наверное обладатели этих взглядов никогда не испытывали настоящего чувства любви.

Барселона же встретила нас доброжелательней и приветливей, и лицом этой доброжелательности был гид Леонардо, а по-свойски Лео. Правда, лицо Лео было тронуто явно не испанским загаром, но это и неважно.

Наконец-то сбылась наша долгожданная мечта, и мы с удовольствием вдохнули наполненный чудесными ароматами испанский воздух. Если бы только воздух. Глядя в окно комфортабельного автобуса, мы восхищались пейзажами с бескрайними виноградниками и ровными оливковыми плантациями, с уютными коттеджами и отелями, конкурирующими друг с другом своими названиями: Estela Barcelona, Best Negresco, Gold River, Sol Costa Dorada и... Нет, всех названий все равно не упомнишь, да и любимая женщина требует внимания. От ее сладких поцелуев глаза невольно закрываются, а в сознании всплывают совсем другие пейзажи.

Через полтора часа мы добрались до одного из отелей Коста Дорада, а еще через полчаса с нетерпением ворвались в отведенный для нас номер. Бросив на пол чемоданы, мы завалились на широкую кровать, наши руки превратились в чувственные источники ласк, а губы, не найдя друг друга, стали судорожно исследовать оставшиеся без одежды тела. Накопившаяся за дорогу энергия вырывалась из тел возбуждающими стонами и ласковыми словами, которые еще больше разжигали наши страсти. И, наконец, эти восхитительные страсти слились в одну страсть, тела напряглись, и стоны превратились в единый источник чувственности и блаженства. Ах, Испания, как ты возбуждаешь.

И только через полчаса до нас дошло, что Испания может не только возбуждать, но и не выполнять своих обязательств. Вместо двухместного номера нас поселили в одноместный

номер с дополнительной кроваткой для малыша. Вот тебе, милая, и комфорт по-испански.

Но недочеты в комфорте не смогли испортить нашего курортного настроения, тем более, что на третий день нас все-таки переселили в двухместный номер с видом на бассейн. В двухместном номере уже две кровати, которые мы тут же соединили. Получилось крупногабаритное любовное ложе с безграничным разнообразием сексуальных интерпретаций. А не испробовать ли его уже сейчас?

АХ, МОРЕ, МОРЕ

Песок на испанских пляжах будто бы просеян через самое мелкое сито. Обласканный лучами солнца, песок отдает свое тепло людям, приманивая их тем самым к морю. Осторожно ступив в нежную морскую волну, бледнолицый отдыхающий набирается смелости и, пройдя с десятков шагов, начинает свой первый заплыв.

Ох, уж эта морская водичка. Оказывается, из нее совсем не хочется выходить. А как приятно перевернуться на спину, раскинуть в стороны ноги и руки и качаться на волнах в свое удовольствие.

Наш первый заплыв запомнился еще тем, что морская вода не оказывала нам никакого сопротивления. Не чувствуя ее сопротивления, мы сцепились в объятье и долго-долго ласкали друг друга. Наши ласки были похожи на непринужденную игру двух резвящихся младенцев.

Мы и на суше вели себя словно дети. Развалившись на полотенцах и подставив солнцу свои мокрые тела, мы периодически дотрагивались друг до друга, выражая этими прикосновениями самые теплые и трепетные чувства. Сколько нежности было в этих прикосновениях, сколько желаний таили они.

А потом был очередной заплыв с нежными объятьями и жаркими поцелуями. Нас не смущало даже солнце, забрав-

шееся в зенит. Но на берегу нам пришлось скрыться от его знойных лучей под пляжным тентом.

От солнца скроешься, а от жары не уйдешь. Жара опутала разомлевшие тела полудремой, которую мы поторопились перенести в наш уютный номер. В номере полудрема превратилась в дрему, а дрема в послеобеденный сон с красочными морскими картинками.

Вот солнечные зайчики резвятся на морской ряби, большая белая яхта приближается к берегу, крикливые чайки охотятся за зазевавшимися рыбками. А вот теплая волна, нежно прокатившись по мне, разбивается о берег, но через мгновение новая волна накатывается на меня, и на ее прикосновения мое тело начинает реагировать. Но почему у волны такие шелковые волосы и такие чувственные губы. А какой гибкий стан с напряженными сосками, которые так хочется ласкать. Милая волна, как приятны ее прикосновения. Они будят воображение и возбуждают до такой степени, что хочется как можно глубже погрузиться в лоно ее ласк. И чем глубже я погружаюсь в это лоно, тем нежней и энергичней становятся прикосновения волны. Волна накрывает меня с головой, потом скатывается с меня, и я начинаю учащенно дышать, издавая kloкочущие звуки восторга и удовольствия. Эти звуки только на мгновение выводят меня из возбужденного состояния, после чего я с новым неистовством продолжаю ласкать мою волну. Сколько благодарности вложено в эти ласки, сколько живительного тепла исходит от них.

Такую же благодарность я вижу в глазах моей любимой волны, в ее счастливой улыбке. Как же ты прекрасна, моя любовь.

С морем этим днем мы встретились еще раз. Точнее, не днем, а поздним вечером, когда только считанные единицы решаются окунуться в морскую волну нагишом. А кого стесняться-то, даже звезды не наблюдают за нами с испанского неба, и только скрюченная в рожок луна безо

всякого интереса обозревает укрывшиеся в темноте окрестности.

Морская вода кажется совсем теплой, она щекочет наши щиколотки, потом добирается до колен, потом до пояса и, наконец, мы полностью погружаемся в нее. Лунная дорожка притягивает нас, и мы плывем по ней в сторону невидимой линии горизонта. Подныривая друг под друга, мы радуемся вечерней тишине и спокойствию моря. Наши движения оставляют в воде светящиеся следы, словно миллионы звездочек подсвечивают любовную игру двух счастливых людей. Это свечение похоже на большой нимб, символизирующий искренность чувств и чистоту наших помыслов.

В общем, море — наш третий любовный партнер, придает чувствам новую остроту, от которой ласки становятся нежней и приятней. Огни отелей пытаются привлечь наше внимание, но мы еще долго не замечаем их.

И так будет всегда.

ЭЛЕКТРИЧКА

Обычная электричка, которых сотни, а, может быть, тысячи курсируют от Петербурга до пригородов и обратно. Они перевозят из пригорода к берегам Невы сотни тысяч рабочих и служащих, учащихся и студентов, вольношатающихся и бомжей.

В гатчинской электричке на промысел в город постоянно выезжают цыганки из Тайцев, Можайского и Горелово.

Говорить тихо они не могут, поэтому в вагоне слышна только их культурная, проникновенная речь. И трудно понять ругаются они или мило разговаривают, беседуют или просто галдят.

В тот день, слава богу, цыганок в вагоне не оказалось, никто не мешал мне спокойно наблюдать за пассажирами, стремящимися поскорей вырваться из шумного Петербурга и уединиться где-нибудь в тихом пригороде.

Напротив меня разместились усатый подполковник со своим сыном-курсантом.

Курсант что-то постоянно ел, запивая съеденное соком, и никакого внимания не обращал на своего отца, который, после тщетных попыток как-то разговорить сына, уставился в пробегающий за окном пейзаж. Почему-то невольно вспомнился 1990 год, когда я, подполковник ВВС, приехал из Ленинграда в небольшой молдавский городок, где в школе младших авиационных специалистов (сокращенно ШМАСе) проходил курс молодого бойца мой сын Дмитрий.

Дорога была дальней, с пересадками. Я очень устал, но, несмотря на это, остановившись в гарнизонной гостинице, поспешил на богатый южный рынок, накопил всяких вкусовых и поехал в часть, чтобы поскорей увидеть своего сына.

Его, как и положено, отпустили на сутки в увольнение.

На КПП я не сразу узнал своего Димку. Во-первых, потому, что увидел его коротко-стриженным, да еще и в военной форме. Во-вторых, потому, что отчетливо рассмотрел его бледное лицо и здоровенные уши. Да, еще глаза, в которых я не прочитал ни малейшего намека на радость.

Мы по-мужски обнялись и, не спеша, двинулись к гостинице. Сын вяло рассказывал об армейских буднях. Больше говорил о постоянных нарядах и произволе стариков.

Придя в гостиницу, я быстро накрыл стол, усадил сына напротив и стал с радостью наблюдать за тем, как Димка за обе щеки уплетает ветчину и колбасу, фрукты и овощи, конфеты и мороженое и т.д., и т. п.

Наевшись, Димка сухо поблагодарил меня и пошел в холл смотреть телевизор.

Помню, как от удивления моя челюсть отвисла, и я не смог вымолвить и слово.

Я ехал к сыну за тридевять земель, чтобы пообщаться с ним, передать привет от родных и близких, взбодрить, наконец, а нарвался на тупое равнодушие.

Зачем, зачем я сюда приехал? Что, кроме разочарования, увезу с собой?

До полуночи сын смотрел телевизор. Придя в номер, плюхнулся на кровать и уснул.

Вместо запланированных трех суток, мне хватило и дня, чтобы убедиться в бессмысленности своего приезда.

Наутро я проводил сына в казарму и уехал из городка на первой попутной машине.

Сын, даже ради приличия, не остановил меня.

Ну, да ладно, кто старое помянет

От грустных мыслей меня отвлек кудрявый, разухабистый продавец сухариков, чипсов и прочих закусок к пиву.

Войдя со своей торбой в вагон, он отработанным движением руки представил товар:

«Извините за очередное беспокойствие (да, он так и сказал — беспокойствие), но вкусней сухариков и прочих деликатесов вы не найдете даже в лучших маркетах Лондона и Конотопа. Цена — смешная, качество — не шуточное».

Как похож был он на моего друга Димку Уварова — балагура и весельчака, за которым табуном ходили ленинградские девчонки.

С детства Димка занимался греблей. А этот вид спорта жестко проверяет людей на выносливость и прочность.

Димка как-то сразу возмужал, развернул широкие плечи, показал свои бицепсы и в одночасье стал Дмитрием, уважаемым и любимым.

Любить и уважать его стали не только за силу, но и за то, что под гитару он мог часами петь блатные песни и романсы, веселые куплеты и грустные песни.

Он был душой компании, любимцем публики и удачливым кавалером.

Можно было понять воздыхательниц из лесотехнической академии, где учился Дмитрий.

Не один десяток студенток академии был не прочь переспать с ним.

В ту пору студенты лесотехнической академии, кроме гражданской специальности, могли получить и звание офицера с классификацией «военный штурман ВВС». Не все, конечно, а только те из них, кто по состоянию здоровья был принят на штурманское отделение военной кафедры.

Дмитрий стал одним из счастливицков, которые учились на штурманском факультете и, после окончания академии, были направлены не по гражданской специальности, а в Военно-Воздушные Силы на должности штурманов с присвоением звания «Лейтенант»

Поезд Ленинград-Мурманск увез Дмитрия с сотоварищи в Североморск, где они приступили к выполнению своих обязанностей штурманов вертолетов палубной авиации на одном из вертолетоносцев наших доблестных Вооруженных Сил.

Вспоминаю, как через год Дмитрий приехал в Ленинград в свой первый заслуженный отпуск. В морской форме с кортиком и при погонах, веселый до бесшабашности, компанейский, неунывающий Дмитрий. Его лицо сияло как надраенная кокарда на стильной морской фуражке. Стильной потому, что сшита она была по спецзаказу и больше походила на аэродромное поле.

В морской форме он был неотразим. Ох, и погулял он тогда со своими друзьями. Отрыв был по полной программе. Писать об этом можно долго и смачно.

Но время пролетело незаметно. Отпуск закончился, наступили авиационно-морские будни.

Снова Североморск, походы по морям и океанам с обязательным возвращением на родную землю.

Земля! Именно с ней столкнулся вертолет Дмитрия во время тренировочных полетов в районе аэродрома.

Неисправность гидросистемы, неудачная вынужденная посадка в сопках, и три месяца врачи борются за жизнь экипажа.

Три месяца и несколько операции по ампутации ноги сначала до лодыжки, потом до колена и, напоследок, до паха. Газовая гангрена, словно забавляясь, пожирала ногу Дмитрия.

Жизнь на костылях, переезд в Ленинград, машина по инвалидности и постоянный поиск смысла жизни. Борьба с самим собой, с болезнью и окружающей действительностью.

Сколько сил и энергии было затрачено на то, чтобы получить положенную квартиру, официально оформить разрешение на предпринимательскую деятельность и начать рабо-

тать. Казалось, что болезнь больше никогда не напомнит о себе. Снова появилась уверенность в свои силы. Приятная суета отвлекла от мрачных мыслей.

Гитара под рукой Дмитрия поменяла свой репертуар, повеселела, стала звончее.

Но гангрена, как ревнивая невеста, не захотела отпускать Дмитрия. Она с тупым упорством взялась за другую его ногу и, так же как первую, грызла ее по частям.

Опять несколько операций, усиленные тренировки и активная работа даже без двух ног.

Простите, но больше не могу. Да и электричка пришла на мою станцию.

Пусть он останется с нами, балагур и весельчак Дмитрий.

ЭХ, СУДЬБА МОЯ СОБАЧЬЯ

ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

В комнате местной дворничихи на домотканом половике лежал здоровенный пес дворя, извините, дворового происхождения и вспоминал свое непутевое детство.

Почему непутевое, спросите вы.

Да, потому что после рождения ушлые ребятки представили его одному зажиточному дяденьке как щенка породистой овчарки. Осмотрев щенка, зажиточный дяденька начал было отказываться, но его маленькая дочь так расплакалась, что судьба щенка была предreshена. Пробурчав про себя:

— Вся в матушку, такая же горлопанистая, — дяденька взял щенка на руки и потащил к машине.

Так щенок попал в дом Прохора Немышкина, который отличался от сверстников тем, что с малых лет чего-то выменивал, где-то подворовывал и безоглядно коллекционировал старинные вещи.

Начавшаяся перестройка в полной мере раскрыла его менятельно-коллекционный талант и сделала успешным предпринимателем.

На радость родни, Немышкину хватило восьми классов образования, чтобы облапошить в одночасье большинство своих образованных сограждан и занять пост районного головы.

Правда, уже через год он стал дипломированным специалистом, а через два даже остепенился. Остепенился не в том смысле, что одумался, а в том, что в его визитке появилась запись «кандидат философско-химических наук».

Пышущая здоровьем супружница Авдотья, хоть и не любила менятельный характер Немышкина, но терпела все его выходки.

Будешь тут терпеть, если альтернатива была единственной — за дверь и в нищету.

А сможешь ли выжить без шопинга и машины. Тем более, что погонять на машине Авдотья ой как любила.

И, если Немышкин ездил с ветерком, нет, с ветрищем, в силу своего служебного положения, то Авдотья гоняла по городу, взяв на вооружение принцип «Шире грязь, дорога едет».

Когда она мчалась по городу, расступались не только рядовые граждане, но и генералы от милиции.

Но мы совсем забыли о щенке, а он бегал из комнаты в комнату и активно развивался на Немышкинских харчах, изредка получая пинки от неласковой девочки за свою щенячью открытость и недержание.

Не удержишься тут, если никто не хочет с тобой погулять.

Первое время пинки Немышкинской дочери казались ему проявлением нежности и ласки, но уже через неделю щенок понял, что эти нежности телячьи, и собачья порода от них только страдает.

Поняв это, щенок стал тихонько порывивать, а потом даже громко рычать. И чем громче он рычал, тем больше ему доставалось.

В конце концов, при виде девочки, щенок стал забиваться под диван от греха подальше.

А еще щенку не нравились административные застолья. Именно так называла Авдотья сборища Немышкинских соратников и их жен.

Приходившим гостям первым делом показывали породистого щенка, при виде которого те начинали впадать в хвалебный экстаз.

— Ой, какой хорошенький, — пищали соратниковские жены.

— Вот это порода, вот это кобель, — восхищались соратники.

И от этих пищаний и восхвалений по Авдотьиному телу разливался всепобеждающий эликсир удовлетворения, отчего она начинала похрюкивать.

Авдотья похрюкивала, а щенок изо всех сил пытался вырваться из цепких рук гостей.

Ему ужасно не нравились эти присюсюкивания и показательные восхваления. Своим щенячьим чутьем он неосознанно ощущал наигранность и крючкотворство, лицемерие и подхалимаш участников интеллигентных посиделок.

— Фу, какие противные, — думал он, убегая из прихожей, — а еще административный ресурс.

С той поры в его сознании накрепко засела мысль о том, что административный ресурс может делать ему только бяку.

Через два месяца пребывания щенка в Немышкинских хоромах, когда даже его соратники стали заикаться при восхвалении щенячьей породы, районный голова понял, что от собаки нужно избавляться.

Он вывез щенка за пределы района, и без сожаления выпихнул его из машины:

— «Гуд бай, мой рыжий, гуд бай, мой маленький....

Всю обратную дорогу Немышкин мысленно материл в хвост и в гриву проходимцев, которые подсунули ему беспородную дворнягу:

— Это ж надо, меня, главу района, который сам кого угодно нае ...обманет, обвели вокруг пальца какие-то уроды. Хотя, если бы не дочь, — попробовал успокоить себя Немышкин, — не взял бы я этого сопливого щенка.

НОВАЯ ХОЗЯЙКА

Когда машина Немышкина скрылась в вечерней дымке, щенок осмотрелся по сторонам и медленно побрел в сторону придорожного кустарника.

Именно там и нашла его на следующий день дворничиха местного ЖЭКа.

По паспорту числилась она Разудаловой Матреной Филипповной, но в детстве звалась Матрешей, в молодости Мотрей, а в преклонном возрасте просто Филипповной.

Вот к этой самой Филипповне и попал наш двухмесячный щенок.

Об имени щенка Филипповна долго не задумывалась. Принеся щенка в свою однокомнатную квартиру, она дала ему поесть, включила телевизор и наткнулась на Клуб путешественников. С экрана телевизора ведущий смачно рассказывал о реке Дунай, и это название Филипповне очень понравилось.

Посмотрев на собаку, Филипповна позвала:

— Дунай, Дунай, ну-ка поди сюды.

Щенок сначала наострил уши, потом оживился и, виляя хвостом, подбежал к Филипповне.

— Молодец, хвостатый, — воскликнула Филипповна, — значит, быть тебе Дунаем.

Так у щенка появилось имя, которое, судя по его реакции, ему тоже понравилось.

В первые дни Филипповна выводила Дуная на улицу только на несколько минут. Это было утром и вечером, а остальное время он был полным хозяином в пустой квартире.

Пользуясь правом хозяина, он облазил все уголки, обнюхал все вещи, но больше всего его притягивала кровать, на которую он никак не мог забраться.

Как только он ни подпрыгивал, чтобы очутиться на кровати, но силенок до поры, до времени ему не хватало.

Из-за этого он будил хозяйку по утрам только тонким покусыванием. Но через некоторое время он приноровился и стал запрыгивать на кровать без проблем.

С этого момента процедура побудки резко изменилась. Теперь, запрыгнув на кровать, он начинал с энтузиазмом облизывать нос и щеки хозяйки.

От таких нежностей Филипповна просыпалась и, глядя Дуная по загривку, ласково приговаривала:

— Ишь ты, какой полизун. Ну, хватит, хватит, уже встаю.

Сказав это, она вставала с кровати и первым делом кормила Дуная. Потом Филипповна завтракала сама и начинала собираться на работу.

Все это время Дунай крутился возле хозяйки, без отрыва и преданно глядя в ее глаза. Такое смотрение расслабляло Филипповну, и она брала Дуная с собой на работу.

Филипповна подметала двор, а Дунай или лежал где-нибудь в тенечке, или общался с другими собаками.

И, если собаки охотно шли на общение с Дунаем, то их хозяева с нескрываемым неудовольствием косились на непородистого пса.

Косились, но вслух выражать свою неприязнь к Дунаю они не решались.

Один из них, правда, сделал попытку огрызнуться на собаку, но получил от Филипповны такую словесную нахлобучку, что зарекся никогда больше этого не делать.

По вечерам у Филипповны тоже собирались знакомые завсегдатаи. Заходили к ней, как правило, товарищи по ЖЭКу — электрики да водопроводчики, дворничихи да учетчицы.

На Дуная они особого внимания не обращали, так как уже с порога начинали обсуждение прожитого дня, как в местном, так и в мировом масштабе.

Местный масштаб включал в себя недовольство близлежащим начальством, а в мировом масштабе перепадало и нашим, и вашим.

И чем больше говоруны подогревались спиртным, тем оживленной проходила застольная беседа.

Лежа на домотканом половике и прислушиваясь к разговору, Дунай мысленно поддерживал свою хозяйку и слабо поскуливал.

Конечно, он был далек от мировых проблем, но, когда хозяйка принималась стучать кулаком по столу, Дунай начинал подвывать.

Вот только его подвывания никак не влияли на ход политической дискуссии.

Гости делали вид, что Дуная в упор не видят, и это невнимание начинало выводить его из душевного равновесия.

А выведенный из равновесия Дунай вставал на дыбы и принимался устрашающе рычать.

И тогда Филипповна поднималась из-за стола и произносила фразу, которая остужала даже того, кто уже лыка не вязал, но все пытался кого-то проучить.

— Мой Дунай устал от вашей болтовни, — громогласно заявляла Филипповна, — а ну-ка уматывайте к такой-то матери.

После такого заявления гости выцеживали недопитое и торопились на выход.

С Филипповной портить отношения никто из них не хотел.

ЭПИЛОГ

Так и проходила его собачья жизнь в нелегкой работе и шумных застольях, пока Дунай не вспомнил об обидах, причиненных ему в детстве.

А поводом для обращения к воспоминаниям послужил пинок, которым его угостил вышедший из машины чиновник.

— Ах, так, — подумал Дунай, — отольются тебе мои слезы.

Не успел чиновник скрыться в подъезде, как Дунай подскочил к нему и тяпнул за холеную административную ногу.

Чиновник взвыл от причиненной боли, и из его горлопанистого нутра посыпались ругательства, которых и свет не слыхивал.

Самым безобидным из них было: и в Красную армию.

Если бы собака могла заткнуть свои уши, а то ведь нет.

Но Дунай не стал до конца выслушивать витиеватые сквернословия. Повернувшись к чиновнику задом, Дунай, изображая гордую походку, направился в сторону мусорных бачков. И только прижатый к заднице хвост выдавал его боязливую сущность.

Получивший в зад порцию уколов чиновник не пожалел обидчика. И даже победоносная Филипповна не смогла спасти своего лохматого друга от чиновничьей кары.

Лихие молодцы, приехавшие на дребезжащей машине, шустро загрузили Дуная в фургон и увезли в неизвестном направлении.

Несколько дней Филипповна покручинилась по поводу неожиданной утраты, но вечерние сходки со спиртным отвлекли ее от грустных мыслей.

Правда, чиновнику на этих сходках тоже досталось, как следует, но чиновник об этом так и не узнал.

ЯЩИК ЧЕРНЫХ МЫСЛЕЙ

В каждом человеке, где бы он ни родился и к какому бы сословию не принадлежал, есть ящик черных мыслей.

Время от времени этот ящик осознанно или безрассудно открывается человеком. Очередная черная мысль, вырвавшись из ящика, начинает гипнотизировать волю и разум выпустившего ее человека.

Человек может на время договориться с ней, но загнать обратно в черный ящик уже не в силах.

Человек с сильным характером без сопротивления, а, точнее, с незначительным сопротивлением может поддаться маленькой черной мысли. Например, он может, не задумываясь, обмануть ближнего по пустякам. Вернее не обмануть, а что-то недосказать, где-то лукавить.

Но чем крамолейней черная мысль, тем сильнее такой человек сопротивляется ей, тем менее вероятно ожидать от этого человека подлости и коварства. К сожалению, такие люди способны быть лидерами только в спортивных соревнованиях, но не в политике или бизнесе.

Человек честный, справедливый и бескорыстный в народе считается слишком правильным, а, иногда, и просто идиотом.

Как правило, такой человек не любит громких слов, пустопорожних обещаний, юродивых заигрываний перед окружающими. Он, без лишней показухи, делает свое дело, растит детей, радуется каждому наступившему дню.

Очень часто можно услышать: «Добро должно быть с кулаками». На мой взгляд, если уж с кулаками, так это вовсе

не добро. Никогда (мне скажут: «никогда не говори «никогда»») силой не сделаешь окружающих тебя людей счастливыми, а, следовательно, и сам не будешь счастлив. Может быть, удовлетворенным, но не счастливым.

Однако я отвлекся. Что там у нас про ящик то?

Ах да, человек иногда открывает его, выпуская очередную черную мысль.

Так вот, чем слабее человек, тем чаще он открывает этот ящик и тем неохотнее сопротивляется черным мыслям, выпущенным из ящика. Черные мысли лезут человеку в душу, пожирая тонкую структуру души. В конце концов, человек становится бездушным, жестоким и циничным. Он от испугу начинает лаять, кусаться и, в конечном итоге, убивать. Убивать физически или морально, что одинаково преступно.

Существует такая закономерность: чем больше унижений человек испытывает в детстве в силу своей слабости, тем большим деспотом он становится в зрелом возрасте. Он жестоко мстит за свою слабость, упиваясь выпавшим на его долю правом вершителя, вершителя людских судеб на любой ступени иерархической лестницы — будь то бригадир, директор, командир или руководитель государства, что особенно печально. Печально потому, что приносит человеческому существу непоправимый урон.

Такой человек готов терпеть вокруг себя только таких же слабых, как он, людей. Сильные люди ему не нужны. Они также не нужны и его окружению и окружениям окружающих его людей. Сейчас я говорю о духовной, а не физической силе человеческой.

Так, где же в данном случае находятся духовно сильные люди? Конечно у основания житейской пирамиды, а не на ее вершине. Именно на них, все-таки, держится людское благополучие. Потому, что когда «жареный» петух клюет в один не совсем приятный момент, когда наступают тяжелые для человечества времена, все взоры обращаются к духовно

сильным людям и именно они оберегают человечество от полного самоуничтожения.

Но как только устанавливается на земле относительный покой, так сильных духом людей вновь заглушает лай толпы и, кто громче лает, тот и вырывается на вершину пирамиды.

И вряд ли в ближайшее время наступит тот момент, когда вершина с основанием поменяются местами. Во-первых, потому, что духовно сильные люди не стремятся к абсолютной власти над человечеством. Они исповедуют принципы равенства и духовного единения. А во-вторых, потому, что человеческие пороки, являющиеся следствием человеческой слабости, все активнее вмешиваются в нашу повседневную жизнь.

Примеров тому великое множество, как на уровне семьи, так и на уровне государства.

Да и межгосударственные отношения строятся чаще всего без учета принципа справедливости, а с позиции силы.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Евгений Петрович в глубокой задумчивости сидел в своем кресле и тупо смотрел телевизор. Почему тупо, спросите вы. Да потому, что частенько отвлекался на философские размышления и думы. А поразмышлять в свои шестьдесят шесть лет ему было над чем. Единственное, о чем Евгений Петрович не хотел размышлять, так это о своей смерти.

— Все там будем, — именно этой фразой он когда-то ограничил думы о своей кончине, и это ограничение строго выдерживал.

Сегодня же в его сознании вдруг начали всплывать картинки из далекой юности, когда он, лопоухий пацан Жека, играл со своими сверстниками в футбол.

Посматривая изредка на юных болельщиц, он старался поразить их своей игрой. И чем больше старался, тем хуже у него это получалось. То запутается в своих ногах, то пас отдаст сопернику, то по воротам не попадет. А однажды, вместо ворот, он угодил мячом в пресимпатичную девчонку по имени... Впрочем, имени пораженной им симпатяшки к тому моменту он еще не знал.

Первым его желанием было подбежать к девчонке и извиниться, но мяч возвратили на поле и игра продолжилась. А вот когда прозвучал финальный свисток, Жека подошел к ней и, стараясь скрыть смущение, произнес:

— Извини, что так получилось.

— Извиняю, — потупив взгляд, сказала девушка, — мне было совсем не больно.

— Меня зовут Жека., то есть Женя, — представился он.
— Я тоже Женя, — покраснев, сказала девушка.
— Тогда будем знакомы, Тожеженя, — бойко предложил Жека и протянул ей свою руку.

Женя с нескрываемым любопытством посмотрела на Жеку и произнесла:

— А мужчины не должны первыми подавать женщине руку.

— Это почему же, — выпучив глаза, спросил Жека.

— Так положено по этикету, — ответила Женя.

Услышав незнакомое слово, Жека еще больше напрягся. Это напряжение четко отразилось на его вытянутой физиономии с отвисшей челюстью и выпученными глазами.

Посмотрев на его физиономию, Женя искренне рассмеялась. Жека хотел обидеться, но все же не сдержал своей улыбки.

Так он познакомился со своей первой любовью, хотя в тот момент еще об этом не догадывался.

Проводив Женю до подъезда, он простился с ней без особой надежды на вторую встречу. Но уже через день вторая встреча все же состоялась.

Играя в футбол со своими сверстниками, Жека боковым зрением засек Женю и почему-то обрадовался. Хотя почему-то здесь лишне, так как этой встречи он все равно ждал.

По всей видимости, Женя тоже хотела этой встречи, потому что приветственный взмах ее руки был более чем выразительным. К сожалению, после этого взмаха Жека не забил в ворота соперников ни одного гола.

После игры Жека предложил девушке прогуляться по набережной, и Женя согласилась. Оказалось, что Женя была на год старше его по возрасту. Он тогда и не предполагал, что по начитанности она была взрослее его лет на пять.

Если у Жеки родители были из простых, то Женя росла в интеллигентной семье, что и оправдывало ее начитанную зрелость. По крайней мере, позднее именно этим объяс-

нял Жека разницу в их литературной образованности. Уж чего-чего, а оправдывать свое несоответствие или отставание в чем-либо Жека умел с самого детства. Свое изначальное отставание в росте он объяснял тем, что не всем дано жировать на пирожных и сосисках, а проигрыш в настольный теннис валял на ракетку, которая была или слишком жесткой, или чересчур мягкой. Но это уже от автора. Сам Евгений Петрович об этом не вспоминал.

Итак, прогуливаясь по набережной, они вели непринужденную беседу о всяких пустяках. Хотя некоторые биографические данные отнести к пустяковым было нельзя. Разве можно отнести к пустякам известие о том, что Женин папа работал главным инженером одного из заводов, а мама была кандидатом наук и преподавала в педагогическом институте. Или то, что ее папа ездил на служебной машине, а в квартире у них был телевизор. От таких известий физиономия Жеки надолго оставалась вытянутой.

А вот своими родителями Жека похвастаться не мог. Да и чем хвастаться-то. Отец работал столяром на мебельной фабрике, а мать — билетершей в кинотеатре.

В общем, Жекино настроение после второй встречи если и улучшилось, то совсем на самую малость. Хотя знакомство с дочкой главного инженера его явно окрылило.

На следующий день они встретились вновь, и Женя поведала ему о своих планах на ближайшее будущее. Ей оставалось учиться всего один год, а по окончании школы она решила поступить в тот институт, в котором преподавала ее мама.

— Конечно же на факультет русского языка и литературы, — спросил Жека.

— Нет, не угадал, — ответила Женя, — я хочу поступить на факультет иностранных языков.

— И каким же языком ты хочешь заняться, — вновь спросил Жека.

— Английским, — без заминки ответила Женя, — я считаю его самым перспективным в будущем.

— Это почему же?

— А потому, что уже сейчас много людей во всем мире общается на языке великого Шекспира. Хочешь, я расскажу тебе о нем?

— Конечно, хочу, но только не сегодня, — Жеке совсем не хотелось слушать про какого-то Шекспира, — посмотри лучше, какой белый пароход vyplывает из-под моста.

Женя посмотрела на реку и, забыв про Шекспира, стала восхищаться белым красавцем:

— Ой, какой он большой, на нем целых четыре палубы.

Жека с удовольствием поддержал ее восхищение:

— Вот бы прокатиться на таком красавце.

— Ничего сложного в этом нет, — заявила Женя, — скажу папе, и он обязательно нас с мамой прокатит.

— Это для тебя нет ничего сложного, — подумал Жека, а вслух произнес:

— А мне сейчас не до этого. Через неделю в школу, а там не забалуешь.

Говоря это, он сделал такую серьезную мину, что Женя повернулась к нему и участливо спросила:

— Тяжело дается учение-то?

— Да нет, просто времени много отнимает, — вздохнув, ответил Жека.

— А какой твой любимый предмет, — задала новый вопрос Женя.

— Мой-то, математика, — ответил Жека, хотя подумал в этот момент о физкультуре.

— А мне больше литература нравится, — призналась Женя, — с математикой у меня не так хорошо.

— Не переживай, тебе математика в будущем не понадобится.

— Это почему же не понадобится, — удивилась Женя, — математику всем нужно знать.

— Да я имел ввиду то, что в большом объеме она не понадобится.

— В этом ты прав, — согласилась с ним Женья.

Сказав это, она вновь посмотрела на реку и произнесла:

— Посмотри, наш пароход причаливает к пристани, давай спустимся к нему.

Жека взял Женю за руку, и они побежали по спуску в сторону пристани.

— Какая теплая у нее ладонь, — пронеслось у него в голове.

В этот момент он как-то по-новому посмотрел на Женю и почувствовал учащенное биение сердца.

— Интересно, а Женино сердце бьется так же учащенно, — подумал он.

От бега ее щеки разругались, а белокурые волосы развивались по ветру, делая ее еще более привлекательной. Ему вдруг захотелось ее обнять и долго-долго не выпускать из своих объятий, но... Жека с Женей уже подбежали к пристани, возле которой сустились встречающие и такие же, как они, любопытные.

С парохода стали выходить шумливые и хорошо одетые иностранцы. Сосредоточенные гиды сбивали их в кучки, и начинали красочные рассказы о славном городе Ярославле. Правда в канву рассказов вплетались детские голоса просителей жвачки или значка.

Жеке тоже захотелось выклянчить у кого-нибудь жвачку, но, взглянув на Женю, он сдержал свое желание. А зря, уже наверху Женья призналась в том, что не отказалась бы от жвачки в красивой обертке. Вот и пойми их, этих девчонков.

Проводив Женю до подъезда, Жека вернулся домой и впервые всерьез задумался о своем будущем:

— Вот Женья уже четко определилась со своим выбором. Конечно, ей проще, ее родители за нее все определили. А какой совет могут дать мне мои отец с мамой? Никакой.

Отец разговаривает со мной только когда выпьет. Да и разговором-то это можно назвать с большим натягом.

А мама только и делает, что убеждает меня в получении высшего образования. И неважно в каком направлении, лишь бы высшее. Ни о каком серьезном увлечении футболом она и слушать не хочет. А вот как раз в футболе я и мог бы себя проявить. А может быть, прислушаться к совету моего друга Сашки, который зовет меня в авиационное училище? Неплохой вариант, военная форма будет мне к лицу. А может.....

На этом сон сморил Жеку, и он засопел в обе дырки.

Через неделю начались занятия в школе, и встречи стали не такими частыми. Последний учебный год Женя хотела закончить с самыми хорошими оценками, чтобы ни у кого не возникало сомнений в ее способностях при поступлении в институт.

Прогулки по набережной они стали чередовать с походами в кино. Для этого Жека экономил на всем, не гнушался даже сбора и сдачи в пункт приема стеклянной тары, чаще всего бутылок из-под спиртного, которые находил в укромных местах.

— Пускай злые языки судачат, зато нам с Женей хватает на кино и мороженое — думал он. Именно в кинотеатре Жека сделал первую попытку обнять и поцеловать Женю. За это он получил по рукам, но как-то совсем не больно. Следующая попытка была более удачной, только вместо губ, его поцелуй пришелся на Женину щечку. Повторная попытка совсем не получилась, потому что Женя шустро от него увернулась.

Женино поведение только раззадорило Жеку, и он решил действовать более решительно. Прощаясь возле подъезда, он схватил Женю в охапку и, как дикарь, впился в ее губы. Но стоило ему ослабить хватку, как Женя вырвалась из его объятий и вlepила такую пощечину, что из Жекиных глаз посыпались искры.

После этого они целую неделю не общались. И только Жекина настойчивость способствовала возобновлению

встреч. Способствовал этому и каток, который с наступлением холодов уже открылся.

Снегу в конце ноября выпало очень много, да и мороз к тому времени раздухарился не на шутку. А где в такую погоду можно встретить активную часть населения? Конечно на катке. Сделав уроки, или сделав вид, что уроки сделаны, школьники снимают с гвоздей свои коньки и устремляются на каток.

Вот и Жека, взяв свои канадки, примчался на каток и, напялив их на ноги, стал носиться, как заводной. А когда на катке появилась Женя, он подкрался к ней сзади и заехал вместе с ней в ближайший сугроб. Первой Жениной реакцией было раздражение, но, посмотрев на взъерошенного Жеку, с головы которого упала шапка, она рассмеялась. Потом протянула ему руку со словами:

— Сам уронил, сам и поднимай.

С того момента они стали кататься вместе. Вот только долго кататься по-черепашьи Жеке не хотелось, поэтому иногда он срывался и делал два-три скорых виража.

Но однажды каток сыграл с Жекой злую шутку. Хотя шутка ли, когда ни с того, ни с сего у тебя под глазом появляется бланш.

А произошло в тот раз вот что. Правда, лучше бы об этом не вспоминать.

Как обычно Жека с Женей вышли на лед и, взявшись за руки, стали выписывать круг за кругом. На одном из кругов Женины одноклассники прервали их ледовую идиллию и, отцепив Женю, помчали ее к противоположному барьеру. Жека, как истинный джентльмен, помчался за своей девушкой, но был остановлен ударом по скуле. Стукнувшись башкой об лед, он на некоторое время потерял ориентацию, а когда встал, то получил второй удар уже под глаз. На Женин крик сбежались любопытные, а участвовавшие в избиении одноклассники мгновенно смылись. Появившийся представитель катка попытал-

ся прояснить ситуацию, но ничего вразумительного Жека сказать не мог.

Но нет худа без добра. Когда любопытные разъехались, Женя помогла Жеке добраться до скамейки, сама его обняла и поцеловала. И поцеловала не куда-нибудь, а в губы, которые Жека не успел стиснуть. После ее поцелуя всю боль как рукой сняло. Он вскочил со скамейки и закружил разгоряченную Женю по катку.

Но не подумайте, что Жека тут же забыл про обидчиков. Все произошедшее дальше Евгений Петрович вспоминал с удовольствием. А как же не вспомнишь, если месть состоялась, и была она праведной. И вот как это было.

На следующий день Жека собрал почти всех гопников из числа тех, кто играл вместе с ним в футбол и привел их к порогу Жениной школы. По окончании уроков радостные школьники спешили побыстрее покинуть школу, но... Нет, досталось не всем, а только тем, кто вчера участвовал в незаслуженном избиении Жеки. Ну, может быть, еще пару учеников попали под горячую руку встречающих. Сильно провинившихся десятиклассников не били, но на завтра каждый из них пришел в школу с фингалом. Хорошо, что Жека учился не в этой школе, а то бы ему досталось от руководства по первое число. Но от Жени ему все-таки досталось.

Она, конечно, понимала Жекино состояние и его желание отомстить, но оправдывать его не захотела. Более того, она высказала ему несколько резких слов и просила подумать над своим поведением:

— Если ты и дальше хочешь со мной дружить, то постарайся больше не драться.

— Да, конечно, меня будут бить, а я буду лапки вверх поднимать. Не дождетесь.

— Но руками махать — не самый лучший вариант выяснения отношений, — попыталась возразить Женя.

— Может быть, ты мне предложишь какой-то другой вариант, — раздраженно выпалил Жека. Заметив его раздраженность, Женя его обняла и тихо произнесла:

— Не обижайся, пожалуйста, иди домой, а то уже поздно.

В этот раз она не противилась Жекиному желанию ее поцеловать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гаражные разговоры	3
Воровать надо с умом	3
Курортные откровения	7
В метро ездить тоже неплохо	15
За завершение дачного сезона	19
Футбол знают все	21
Дурила	24
Секс с последствиями и без	29
Белый снег, пушистый	33
В переполненном автобусе	35
Встреча выпускников	38
Встреча	57
Выстрел в голову	61
Две жены Бориса Смирнова	66
Двор нашего детства	73
Детская любовь	96
Диалог с женщиной	101
Долгожданный ребенок	105
Жизненные парадоксы	108
История любви	115
История мужчины, который хотел любить и быть любимым	121
Появление на свет	121
Истоки любви	122
Спрос на настоящих мужиков	126
Колокола	131
Компьютерная лихорадка	134
Летчики прилетели	138
Любовь Тимофеевна	151
Мама и дочь	164
На кладбище	168

Находка с непредсказуемым продолжением	172
Один день на пляже кафе «Чунга — Чанга»	182
Палата №8	189
Половой гигант Серега	201
Проснувшийся азарт	205
Пять мужей ненасытной Надежды	211
Расчет окончен?	216
Сашулькины бабушки	224
Сосулька	229
Странный курсант	232
Тихоновна	236
Урок столовой жизни	241
Фламенко любви	249
Встреча с Испанией	249
Ах, море, море	251
Электричка	254
Эх, судьба моя собачья	259
Детские воспоминания	259
Новая хозяйка	262
Эпилог	264
Ящик черных мыслей	266
Первая любовь	269

Георгий Скрипкин

Жизненные откровения
Сборник рассказов